

**Библиотека
Школы
гражданского
просвещения**

Библиотека Школы гражданского просвещения

Редакционный совет:

А. Н. Мурашев

В. А. Найшуль

Е. М. Немировская

Ю. П. Сенокосов

А. Ю. Согмонов

М. Ю. Урнов

Игорь Бунин

Выборы Макрона,
или
Выбор Франции:
французская политика
в 2017–2018 годах

*Школа
Гражданского
Просвещения*

2018

ББК 66.3(4Фра)
Б 91

Дизайн серии *А.Бондаренко*
Научный редактор *Ю.И. Рубинский*

*Фонд «Центр политических технологий» благодарит за содействие
в выпуске книги Александра Владимировича Пояркова.*

Игорь Бунин

Б 91   Выборы Макрона, или Выбор Франции: французская политика в
2017–2018 годах — М.: Школа гражданского просвещения, 2018. —
200 с.

Это последняя книга выдающегося российского политолога Игоря Михайловича Бунина (1946–2018). Она посвящена теме, которую он любил и прекрасно знал — французской политике. В центре внимания автора — фигура Эмманюэля Макрона, избранного в 2017 году президентом Франции. Это событие стало одной из главных неожиданностей европейской политики последних лет — молодой технократ, для которого это были первые выборы, стал лидером одной из ведущих стран Старого Света. В книге подробно характеризуется президентская избирательная кампания во Франции, включая драматические и непредсказуемые «праймериз» голлистов и социалистов, показываются причины победы Макрона и анализируются его первые шаги в качестве главы государства. Книга может быть полезна всем, интересующимся проблемами современной политики и электоральными процессами.

ББК 66.3(Фра)

ISBN 978-5-93895-122-8

© И.Бунин, 2018
© Школа гражданского
просвещения, 2018

Фото Оли Ос

Игорь Михайлович Бунин

Содержание

<i>Об Игоре Михайловиче Бунине</i>	7
<i>Предисловие</i>	12
Введение: «Победа Макрона: чудо или мираж?»	17
Французская политика накануне выборов: развитие традиций	19
Перед выборами: конфигурация политических сил	28
Избирательная кампания: победа Эмманюэля Макрона	96
Франция при президенте Макроне	147
<i>Примечания</i>	182

Об Игоре Михайловиче Бунине

Игорь Михайлович Бунин писал эту книгу быстро и вдохновенно. Он не думал, что это будет его последняя большая работа, — просто после долгих лет изучения российской политики он, не оставляя этой темы, главной для него в течение трех десятилетий, вернулся к своей первой научной любви — Франции. Стране, которую он прекрасно знал и куда в первый раз попал, уже будучи известным ученым, в конце 1980-х годов. Даже когда он перестал писать о Франции, то не переставал говорить о ней, постоянно интересуясь новостями политической жизни, когда Ширак сменял Миттерана, Саркози — Ширака, Олланд — Саркози.

Ни один из нас не знал лично молодого франковеда Игоря Бунина. Мы познакомились с ним позже, занимаясь уже российской политикой. Но вместе с ним мы проработали больше 20 лет. Писать о Бунине нам непросто не только потому, что за столько лет накопилось много воспоминаний, но и потому, что не улеглась еще в душе боль от неожиданной и преждевременной утраты — утраты радости работать и общаться со столь неординарным и многогранным человеком — коллегой, наставником, другом.

Мы оба оказывались вместе с ним во Франции и знали, как Игорь Михайлович любил французский язык (и с удовольствием использовал любой повод, чтобы поговорить о нем) и французскую кухню, ценил архитектуру и культуру страны, готов был часами бродить по городам Франции — не только по любимому Парижу. Один из нас вспоминает, как во время прогулки по Реймсу он, налюбовавшись видом знаменитого собора, добрался до менее известной, но не менее замечательной базилики Сен-Реми, названной в честь похороненного там святого Ремигия, крестившего первого христианского короля франков Хлодвига. И был восхищен неожиданной для него мощью этого сооружения, которое он представлял себе куда

более скромным. Другой помнит совместный поход на ледник в Шамони и восхождение к стоящему высоко над Лионом собору Сен-Жан. Минувшим уже летом Игорь Михайлович предвкушал поездку в средневековое аббатство Мон-Сен-Мишель. Увы, судьба распорядилась иначе: 12 мая 2018 года его не стало.

При этом Игорь Бунин был человеком вполне светским и жизненнолюбивым, рассматривавшим религию как важную часть истории и культуры, которую надо знать и изучать, но не следовать ее догмам. В этом смысле, если обратиться к французским параллелям, он был последователем традиции Просвещения, связанной с именами Дидро и Вольтера. При этом с пониманием относился к людям, мыслящим иначе, никогда не навязывая свою точку зрения.

Игорю Михайловичу была свойственна основательность и систематичность во всем. «Французский багаж» его первых десятилетий в науке — это кандидатская диссертация по исторической специальности и докторская, за которую ему был вручен один из первых в нашей стране — за номером семь — диплом доктора политических наук. До этого политология жила в академических институтах, где проводились исследования современной политики зарубежных стран, причем с минимумом (тогда обязательным) идеологии и максимумом профессионализма. Игорь Михайлович, пройдя фундаментальную школу истфака МГУ, последовательно работал в двух таких институтах — мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и международного рабочего движения (ИМРД). Книга о французском бизнесе, написанная им еще в 1970-е годы, стала предшественницей его же исследований современной истории бизнеса российского. Докторская диссертация была посвящена французским социалистам при Миттеране — периоде, когда партия от радикализма лозунгов и действий, приведшего к массовой национализации, переходила к более прагматичной практике.

Предпринимательство Бунин — вслед за Й. Шумпетером — понимал прежде всего как новаторство, создание чего-то, чего раньше не было. Именно такой новаторской предпринимательской идеей в начале 90-х годов прошлого века стало создание Центра политических технологий (ЦПТ). Вместе с друзьями из советской Академии наук он решил предложить свое знание западной (отечественной еще почти не было) рыночной экономики и демократической политики новому классу российских бизнесменов и политиков, вышедших

на первые конкурентные выборы. Так создавалась новая ниша прикладного научного знания. И само понятие «политические технологии» придумал Бунин. Оно изначально основывалось на высоких стандартах — как профессиональных, так и моральных. Потом жизнь внесла коррективы — и получил распространение образ политтехнолога как человека, готового за деньги работать на любого клиента и при этом халтурить, обманывая своего доверителя. Впрочем, подобные стереотипы свойственны многим профессиям, например юристам или журналистам, и нельзя сказать, что у них нет оснований.

Но Игорь Бунин был человеком, который своей жизнью и работой полностью противоречил такому представлению. Для него были абсолютно неприемлемы грязные технологии, разжигающие вражду и ненависть, он никогда не смог бы работать с политиком, проповедующим ксенофобию и расизм. В то же время он исходил из того, что с каждым клиентом надо работать добросовестно и честно, ни в коем случае не вводя его в заблуждение относительно реальных шансов на улучшение имиджа или суля ему непременно победу на выборах. В то же время он умел находить реалистичную и эффективную стратегию достижения возможных целей и в случае согласия клиента руководил работой по ее реализации. Его честность в отношениях с клиентами доходила до щепетильности — репутация фирмы была для него не пустым лозунгом, а безусловным правилом.

Еще одно важное качество Бунина — честность и порядочность в отношениях с сотрудниками. Если человек работал добросовестно, он мог не опасаться, что на нем «сэкономят». Было немало примеров, когда молодые политологи и социологи приходили работать в ЦПТ в качестве младших сотрудников и раскрывались как талантливые специалисты, продвигаясь при этом по службе. А когда времена «тучных коров» иногда сменялись временем «тощих», то Игорь Михайлович стремился прежде всего сохранить наше сообщество (как-то не хочется называть его заезженным с советским времен словом «коллектив», которое нередко противопоставляется индивидууму). И каждый раз ему это удавалось. Центр политических технологий — это команда, в которой много людей ярких, состоявшихся, причем работающих в этой команде много лет: поминая Игоря Михайловича, мы стали подсчитывать и удивились, сколько сотрудников исчисляют свой стаж в ЦПТ двумя десятилетиями и

больше. Все это — заслуга Бунина, который умел найти подход к каждому, мягко пресекал любые конфликты, поощрял «командную работу».

Принцип объективности — о нем говорят много. Годы работы в сфере политического анализа избавляют от иллюзии, что человек может быть полностью объективен — он все же не компьютер. Симпатии и антипатии, безусловно, влияют на результаты аналитических работ, но Игорь Бунин стремился максимально уменьшить их роль. Он добивался того, чтобы аналитика была настолько беспристрастна, насколько это возможно, — не только на французском (как эта книга), но и на современном российском материале, где значительно сложнее оставаться над схваткой. И «знаком качества» здесь были положительные отзывы о его аналитике со стороны людей, придерживавшихся разных, подчас противоположных идеологических взглядов.

В управлении Центром Игорь всегда был высшим авторитетом. Но когда речь шла о научных спорах, мозговых штурмах, размышлениях о будущем российской политики, он был безупречным собеседником, выслушивающим собеседников как равный; его можно было переубедить, но часто и он переубеждал нас. Его широкая эрудиция и безупречная интуиция лежат в основе многих успешных работ и проектов ЦПТ.

ЦПТ был для Игоря Михайловича многим. И, можно сказать, вторым домом, где он находился немалую часть своей жизни, — только в самое последнее время стал приезжать реже, потому что работал дома над этой книгой и очень хотел ее закончить. И местом для «мозговых штурмов» и дискуссий по поводу путей развития современной политики, результатом которых нередко становились статьи и аналитические записки. И бизнесом — от изучения предпринимательства он перешел к практической деятельности. И возможностью говорить и писать о Франции, когда он этого хотел.

Его возвращение к изучению французской политики было связано с увлечением процессом политической конкуренции, битвой программ, формированием образов, внедрением практики праймериз, привычной для США, но новой для Франции (и приведшей в 2016–2017 годах как для США, так и для Франции к неожиданным результатам). Его увлекала электоральная непредсказуемость, когда на место общепризнанного фаворита президентской кампании 2017

года Жюппе неожиданно приходит Фийон, а потом его вытесняет Макрон, которому если и прочили в начале избирательной кампании президентство, то в лучшем случае в 2022 году. Эта книга родилась из серии статей, посвященных французской избирательной кампании, и уже в ходе работы над этой темой «вырисовался» ее главный герой — Эмманюэль Макрон. И опять-таки — Бунин явно симпатизировал этому политику, сделавшему беспрецедентно быструю карьеру, но обращал внимание и на проблемы, с которыми сталкивался избранный президент.

К большому сожалению, эта книга не доведена до конца. Полностью написан большой раздел о выборах, тогда как анализ реформаторской политики Макрона остался в основном в набросках. Нет и подробного политического портрета французского президента. Но и то, что Игорь Михайлович успел написать, может представлять ценность и для признанных знатоков французской политической жизни, и для тех, кто только интересуется историей этой страны и проблемами развития современного мира. И, что тоже важно, эта книга, как и другие работы Игоря Бунина, отмечена его яркой, неповторимой индивидуальностью. Поэтому можно надеяться, что книга будет благожелательно принята читателями.

Борис Макаренко,
Алексей Макаркин,
коллеги и друзья Игоря Бунина

Предисловие

Эта книга принадлежит перу Игоря Михайловича Бунина, безвременно ушедшего из жизни в возрасте 72 лет.

Творческий путь этого выдающегося социолога, политолога, общественного деятеля был посвящён проблемам современной истории как Франции, так и России. Такое двойственное призвание стало далеко не случайным. И.М. Бунин окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1970 году — в период, когда политическая жизнь СССР вступила в долгую полосу брежневского застоя. Между тем бурные события мая 1968 года во Франции, получившие широкий резонанс во всём мире, не могли не привлекать пристального внимания учащейся молодёжи и в нашей стране. Неудивительно, что первые шаги в деятельности И.М. Бунина как научного сотрудника ИМЭМО, затем Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения АН СССР, обе его диссертации — кандидатская и докторская — были посвящены Франции.

Крутые перемены, произошедшие в начале 1990-х годов в России, сместили фокус научных интересов И.М. Бунина к отечественной проблематике. Именно он стал пионером применения в России современных методов политических технологий не только в теории, но и на практике — в ходе подготовки избирательных кампаний всех уровней и в большинстве регионов. В качестве эксперта-консультанта, генерального директора, а затем президента фонда «Центр политических технологий», директора информационного сайта «Политком.ру» И.М. Бунин приобрёл заслуженную известность и уважение ведущих акторов российской политики самой различной партийной принадлежности. Его заслуги были отмечены орденом Дружбы, благодарностями правительства и мэра Москвы.

Вместе с тем И.М. Бунин не забывал и своего первоначального призвания — изучения проблем политической жизни Франции, которая вступила в полосу длительного системного кризиса. Такой «возврат к истокам» стимулировался тем, что симптомы порой аналогичных кризисных явлений наблюдались и в России. Именно этим и объясняется появление серии аналитических материалов Бунина о подготовке, основных этапах и первых итогах президентских и парламентских выборов 2017 года, которые нашли высокую оценку не только на родине, но и во Франции, где автор был удостоен звания кавалера ордена Почётного легиона.

Эти выборы открыли новую главу в политической истории страны. Если анатомия режима Пятой республики, созданного более полувека назад генералом де Голлем, — это асимметричный баланс главных ветвей власти с преимуществом исполнительной и ключевая роль главы государства как верховного арбитра между ними, своего рода «республиканского монарха», полностью сохранилась, а президентская вертикаль даже укрепилась, то физиология — партийно-политическая система, отношения центра с регионами, государства с гражданским обществом — претерпела коренные перемены.

Обе главные системообразующие партии — республиканцы справа и социалисты слева, регулярно сменявшиеся у власти на протяжении последних десятилетий, потерпели сокрушительное поражение. Оно усугубилось тяжёлым внутренним кризисом обеих — как идейным, так и организационным, который ставит под вопрос их будущее, а вместе с тем и сохранение прежней биполярной партийной структуры в целом.

Результатом стала самая радикальная с 1958 года смена верхнего эшелона французской политической элиты. С авансены общественной жизни ушли сразу три поколения бывших депутатов, министров, премьеров, президентов, которые начинали свою карьеру 30–40 лет назад.

В борьбе за важнейший пост президента победу одержал 40-летний Эмманюэль Макрон — самый молодой глава государства во Франции после Наполеона III. Между тем как он сам, так и его центристская партия «Республика на марше», созданная по существу в ходе предвыборной кампании, были до этого практически не известны основной массе избирателей. Более половины её депутатов,

составивших абсолютное большинство в нижней палате парламента — Национальном собрании, никогда ранее не избирались и вообще являлись не профессиональными политиками, а выходцами из среды чиновничества, деловых кругов, организаций гражданского общества.

Радикальное обновление возрастного, гендерного, профессионального состава французского политического класса сопровождается пересмотром традиционных правил игры в борьбе за власть, как и смысла многих базовых её понятий — левых и правых, консерватизма и прогресса, взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Причём на сей раз при переходе от одного электорального цикла к другому речь идёт не просто о смене политического репертуара, предвыборных декораций, действующих лиц и исполнителей. Всего за полтора года — с мая 2017-го до октября 2018 года — новый президент и назначенное им правительство Эдуара Филиппа провели через парламент 77 важных законопроектов, которые затронули самые разные стороны жизни французского общества. Они касаются борьбы с коррупцией и терроризмом, норм трудовых отношений, налоговой системы, иммиграционной политики, народного образования и многого другого. На очереди реформы пенсионного обеспечения, фискального режима, страхования от безработицы, наконец, частичная ревизия действующей Конституции 1958 года.

Молодой, энергичный и амбициозный президент развернул повышенную активность на международной арене: всего за год после прихода в Елисейский дворец он успел совершить 46 зарубежных поездок, посетил 29 стран, обогнув тем самым планету в общей сложности 5 раз, не считая его участия в конференциях и сессиях международных организаций. Не меньшее число иностранных гостей побывали за это время в Париже. «Франция вернулась!» — вызывающе заявил Э. Макрон на очередной сессии Всемирного экономического форума в Давосе.

Результаты проведения новых законов в жизнь скажутся не скоро, а издержки за них гражданам приходится оплачивать уже сейчас. Между тем справедливость распределения выгод и цены перемен между различными социальными категориями населения вызывает протесты экономически наиболее уязвимых групп. Это заметно отражается на рейтингах глав государства и правительства: если сразу

после победы Э. Макрона на президентских выборах в мае 2017 года его программа и личные качества находили положительную оценку 62% опрошенных, то к осени 2018 года эта цифра снизилась до 31%, а число недовольных, наоборот, превысило 63%.

Этому способствовали конфликты интересов у ряда членов правительства, демонстративная отставка самого популярного среди них — министра экологии Н. Юло, скандал в связи с незаконным применением насилия личным телохранителем президента А. Беналлой и прочие промахи новых властей, во многом связанные с отсутствием у них опыта и профессионализма.

В этой связи у самих французов, как и у иностранных наблюдателей, возникают естественные вопросы о причинах, характере и перспективах происходящих в стране перемен, которые имеют не только внутреннее, но и международное измерение.

В какой мере приход к власти Э. Макрона и саму его фигуру (происхождение, взгляды, карьера, программа действий и методы) можно считать лишь преходящим эпизодом, «миражем в пустыне» — результатом случайного стечения обстоятельств, которые вполне могли бы сложиться по-иному? Или же речь идёт об объективно назревшем, хотя и затянувшемся процессе модернизации социально-экономической модели, сложившейся во Франции в первые послевоенные десятилетия и неспособной ныне дать ответ на вызовы глобализованного мира XXI в., что потребовало коренной ломки прежнего политического инструментария и смены связанных с ним элит.

Следует ли в данной связи рассматривать как свершившийся факт переход от прежней биполярной партийной системы Пятой республики к нынешней безальтернативной гегемонии центристской «лево-правой» партии власти, опирающейся на верхний слой городского среднего класса, который успешно вписался в глобализацию, евростроительство, цифровую революцию? Либо она рано или поздно распадется под давлением национал-популистских движений на крайних флангах политического спектра (как это уже произошло в ряде стран Евросоюза, а отчасти даже в США или Великобритании), тем более что социальный состав «народного» протестного электората обоих всё более схож?

Окончательные ответы на все эти вопросы даст только время — сегодня, как ни парадоксально, известная доля истины есть в каж-

дой из всех четырёх перечисленных гипотез, которые только на первый взгляд выглядят взаимоисключающими. Тем не менее уже сейчас неочевидную помощь в поисках таких ответов окажет российскому читателю предлагаемый его вниманию комплекс глубоких и блестящих по форме аналитических очерков И.М. Бунина о подготовке выборов 2017 года во Франции, ходе кампаний и их результатах.

К большому сожалению, внезапная неожиданная кончина И.М. Бунина не позволила ему завершить начатый труд, придав ему объём и форму полноценной научной монографии. Тем не менее издатели не сочли себя вправе вносить какие-либо существенные изменения в яркий, оригинально-личный авторский текст, ограничившись его сугубо технической корректировкой и постраничными комментариями.

Ю.И. Рубинский,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
руководитель Центра французских исследований
Института Европы РАН.

Введение: «Победа Макрона: чудо или мираж?»

Так называется книга известного французского политолога Пьера-Андре Тагиева, где он пытается раскрыть механизм победы Макрона. Автор отмечает, что сторонники президента строят новый миф о спасителе Франции, провиденциальной личности, об ангеле, спустившемся с небес, чтобы построить «новый мир». Речь идет о **чуде**, о непредвиденном событии. Незнакомец ворвался в политическое пространство, которое сумел поставить с ног на голову. Спаситель пришел из народных толщ, чтобы влить новую кровь и вернуть надежду французскому народу на лучшее будущее. В своей книге «Революция» Макрон утверждал, что его решение вступить в президентскую гонку было «плодом глубокого, внутреннего убеждения, чувства истории. Те жизни, которые я уже пережил, привели меня к этому решению»¹.

Иной смысл приобретает победа Макрона, если её рассматривать как **мираж**. Тогда нового президента Франции можно рассматривать как волшебника в сфере политики, ловко использующего идею обновления страны. Однако в реальности он является всего-навсего продолжателем одного из течений Соцпартии — от «второй левой» Мишеля Рокара до течения Доминика Стросс-Кана или «прогрессистов» из мозгового центра Terra Nova. В этом случае Макрон становится наследником либеральной левой, а не основателем нового идеологического течения, ломающего традиционный порядок. Он превращается в Мишеля Рокара, способного реализовать проекты в сфере политического маркетинга. И действительно, первоначально Макрон говорил, что он представляет левый лагерь и что он левый реформист. 30 августа он заявил: «Я левый политик, который сталкивается с реальностью, который желает реформировать страну, который верит в свободу прежде всего потому, что она создает подлинное равенство для всех». Однако концепция «слу-

чайной победы» не выдерживает критики после парламентских выборов, которые принесли партии Макрона абсолютное большинство в Национальном собрании.

Свою концепцию событий выдвигает и Франсуа Олланд, бывший президент Франции. По его мнению, Эмманюэль Макрон «не вписывается ни в историю левого движения, ни тем более в историю социал-демократии, ни даже в процесс реформы, который мог бы консолидировать альянс прогрессистов». Иначе говоря, новый хозяин Елисейского дворца, по мнению Олланда, «историческая случайность», а «новый мир», который, по мысли Макрона, должен возникнуть в результате его победы на президентских выборах, есть лишь перевоплощение классического правого либерализма².

Но возможна еще одна гипотеза, рассматривающая победу Макрона в первую очередь как **симптом кризиса политической системы, как результат постепенного исчезновения классического раскола французского общества на левых и правых**. Иначе говоря, Макрон является не разрушителем системы, а своеобразным продуктом её распада. Политическая система была блокирована, и пустота, которая возникла в результате, была заполнена Макроном и его сторонниками. Неожиданностью является не сам распад прежней биполярной политической системы, а личность Макрона, сумевшего на её руинах предложить новый синтез культурного либерализма левых и экономического либерализма правых*. И этот синтез оказался привлекательным как для левоцентристского электората, так и для правоцентристских избирателей. В результате традиционный раскол на левых и правых в некотором роде был заменен на принимающее различные формы противостояние открытого общества закрытому — космополиты против националистов (или ксенофобов), или прогрессисты против консерваторов, или реформисты против сторонников статус-кво («застоя»), оптимисты против пессимистов.

* Идеология Макрона сложилась в результате противоречивого сочетания технократического дирижизма Сен-Симона и финансово-экономического либерализма Гизо, синтез которых впервые состоялся при Наполеоне III. (Здесь и далее подстрочные примечания редактора.)

Французская политика накануне выборов: развитие традиций

«Левые» и «правые» во французской политике

Символическое разделение на левых и правых появилось в годы Великой французской революции. Именно в этот период сформировалась совокупность левых понятий, левой идеологии, левой культуры, её видение мира и даже рефлексы французских левых. Французские левые, отмечает историк и писатель, автор ряда работ по левым во Франции Жак Жюльяр, появились в результате взаимодействия двух идей — «прогресса» (в духе родоначальника теории прогресса Николя де Кондорсе) и «справедливости» (в соответствии с концепцией Жан-Жака Руссо о равенстве)³. Философия прогресса была соединена с идеей развития личности, тогда как абсолютистская доктрина феодального режима основывалась на ценностях семьи, корпоративных отношениях и государстве. Революция прав человека была прежде всего революцией индивидов. Это создавало предпосылки для левого либерализма и республиканизма в его противостоянии авторитаризму Наполеона Бонапарта, Карла X или Наполеона III. Но первые республиканцы практически не интересовались социальными аспектами общественной жизни.

Важно было не только содержание политики, но и формальный статус — место, занимаемое в парламенте. Даже в самый разгар якобинского террора, в июне 1793 года, когда жирондистов одного за другим арестовывали, правые скамьи Конвента оставались пустыми. Не только во Франции, но и в дальнейшем в других европейских странах левые персонифицировали прогресс, а правые — традицию. Во Франции консерватизм приобрел негативный смысл, ибо, с точки зрения значительной части французского общества, означал отказ от прогресса, от завоеваний 1789 года, свободы, равенства и братства. Стендаль писал, что «вся Франция находится в левом центре». Известна формули-

ровка французского классика политологии Франсуа Гогеля про «партию движения» и «партию порядка». В Великобритании партия консерваторов создана в 1834 году. Тори времен правления Черчилля и Тэтчер гордятся тем, что они являются консерваторами. В США консерватизм является уважаемым политическим течением. Напротив, во Франции, подчеркивает Гийом Перру, журналист правой газеты «Фигаро», слово «консерватор» вызывало ужас. Более ста лет его никто не востребует. Даже в правом лагере, основой которого должна являться традиция, использование этого термина вызывало панический страх. Его лидеры считали самоубийством объявить себя консерваторами в отношении общественных проблем. Их сторонились, словно они были прокаженными. Наоборот, правые утверждали, что подлинными консерваторами являются левые, которые отвергают либеральные реформы в экономике. Короче говоря, консерватор во Франции — это всегда «другой». Левые и правые обвиняли друг друга в этом грехе»⁴.

После установления в 1875 году республиканского строя для республиканцев «не существовало врагов слева» и самые умеренные политики предпочитали себя идентифицировать с «радикалами» и с традициями Великой французской революции, а не с либеральными монархистами. Даже после принятия закона 1901 года, который позволил создавать современные партии, «правые республиканцы» отказывались объявлять себя правыми, ибо они этого термина стыдились⁵. Именно тогда сформировался принцип «республиканской дисциплины», по которому республиканцы независимо от того, принадлежат ли они к правым или левым партиям, стремились голосовать против крайне правых кандидатов.

Ключевой конфликт французского общества находился в сфере политического режима (монархия или республика) и в области отношения к католицизму. Первоначально размежевание по оси левые — правые проходило между религиозными и светскими «активистами» французского общества — классическим стало противостояние между кюре и школьным учителем. Лидер республиканцев Леон Гамбетта в 1877 году провозгласил: «Клерикализм — вот враг!» После призыва в 1891 году к католикам папы Льва XIII признать республиканский режим в определенной мере «был раз-

рушен союз между тронем и алтарем»⁶. В 1901 году появляется республиканская правая — Республиканско-демократический альянс во главе с Раймоном Пуанкаре, — признавшая республику, но занимавшая консервативную позицию в социальной сфере. В 1905 году, после отмены конкордата Наполеона, заключенного между папой Римским и Францией в лице первого консула и признававшего католицизм религией большинства французов, республиканцы смогли окончательно навязать свои принципы церкви, главной опоре королевской власти в течение 15 веков.

В первые десятилетия XX века Франция вошла в новую фазу своего развития. По мере индустриализации, формирования профсоюзного движения и рабочих партий основой левой субкультуры становился пролетариат. Уже в 1893 году на выборах в парламент «социалисты» набрали 600 000 голосов, в 4 раза больше, чем в 1889 году. С 1906 года, после первой попытки проведения всеобщей стачки, сторонники социального государства стали активно оспаривать либеральную республику. Победа Народного фронта на парламентских выборах 1936 года и успех всеобщей стачки в мае-июне 1936-го означали окончательный переход от традиционных принципов левых и правых к новым ориентирам, в основе которых стояла социальная проблематика, обострившаяся в результате второй промышленной революции и перехода к новой модели производства — «фордизму». Исследование французских социологов Г. Мишля и М. Симона, проведенное в середине 60-х годов, показало, что голосование за правые партии во многом было детерминировано близостью к католицизму, измеряемому интенсивностью религиозной практики, а за левые партии, особенно ФКП, — глубиной интеграции в рабочий класс, оцениваемой степенью вовлеченности в пролетарскую субкультуру⁷. По-прежнему сохранялся базовый конфликт французского общества — между левыми и правыми. В мае 1981 года, после первой победы левых на президентских выборах, социалист Жак Ланг, будущий министр культуры Франции, заявил: «Французы перешли границу, которая отделяет ночь от света!» Этот конфликт воспринимался антагонистами как борьба добра со злом, которая, естественно, исключала какие-либо политические компромиссы. Великий французский социолог Мишель Крозье показал в своих работах, что для французского общества было характерно не-

приятие прямого диалога при обсуждении и принятии решений⁸. В результате французской политической культуре не был свойственен компромисс, столь характерный для многих европейских стран⁹.

С середины 60-х годов начинается кризис послевоенного этапа развития западного общества. После Второго Ватиканского собора (1962–1965 годов) начинается кризис католицизма, с середины шестидесятых начинает падать рождаемость, заканчивается беби-бум. В 1967 году легализуют противозачаточные пилюли. С 1967 года в США начинаются демонстрации против войны во Вьетнаме, а в Лос-Анджелесе происходят волнения против расовой дискриминации. Нонконформистский бунт во Франции против истеблишмента в мае 1968 года наносит сильнейший удар по иерархической модели общества и впервые выводит характерные для среднего класса постмодернистские ценности, включая область сексуальной морали, на авансцену общественной жизни (сходные процессы шли в США, Германии, Италии). «Любую форму власти презирали и отрицали»¹⁰. Под ударом оказываются традиционная семья, власть и авторитет («запрещено запрещать»), прежние нормы отношений между полами, семья перестает быть институтом, призванным передавать материальные и духовные ценности от поколения к поколению, меняются взгляды на национальное самоопределение. Прежняя система ассимиляции выходцев из других стран — имя, одежда, история, школа, культура, кухня, — которая облегчала интеграцию, стала восприниматься негативно из-за нарушения принципа многообразия культур.

С завершением эпохи фордизма социально-экономическая тематика отходит на второй план. В политической жизни начинают доминировать проблема места страны в глобальном мире, отношение к ЕС и вопросы национальной идентичности и миграции. Французский журналист Жан-Лоран Кассели писал: «Классические темы, например налоговая политика или перераспределение доходов, конечно, не исчезли, но отошли на второй план по сравнению с более фундаментальными противоречиями, которые разделяют «строителей стен» и сторонников открытости в области международной торговли, иммиграции, культуры и идентичности»¹¹ (под «строителями стен» понимаются изоляционисты).

Религия и политика в современной Франции

Традиционный водораздел между католической и пролетарской субкультурами постепенно уходит в прошлое, хотя связь между католической верой и голосованием за правые партии во Франции является сильнее, чем в других европейских странах¹². Доля католиков во Франции — «старшей дочери католической церкви» — сокращается в результате секуляризации: в 1986 году 81% французов объявили себя католиками, в 2002 — 69%, в 2012 — 56%, то есть за 26 лет доля католиков уменьшилась на 25 пунктов. И напротив, растет число французов, объявляющих себе приверженцами других религий: с 3,5% в 1986 году до 11% в 2012 году (в частности, 6% французов являлись мусульманами, 1% — протестантами, 1% исповедуют иудаизм). Исследования французских социологов показали растущие беспокойство католиков в связи с наступлением ислама и массовой иммиграцией. «Их охватывает страх перед возможностью исчезновения, или, если можно так выразиться, боязнь «полной замены». И эти опасения резко усилились после убийства исламскими террористами прямо в церкви 86-летнего священника Жака Амеля в июле 2016 года, которое, по словам социолога Жерома Фуркэ, вызвало «глубокую психологическую травму». Если до смерти священника 33% католиков думали, что ислам представляет угрозу для французского общества, то после его убийства их стало 45%¹³.

Процесс секуляризации, скорее всего, будет продолжаться довольно быстрыми темпами: в возрастной категории от 18 до 24 лет атеисты стали самой крупной группой: они составляли в 2012 году 47% всех опрошенных¹⁴. С 1990 по 2012 год численность браков, заключенных по католическому обряду, сократилась более чем в два раза (с 147 тыс. до 70 тыс.), а крещений — больше, чем в полтора раза (с 470 тыс. до 290 тыс.). Еще заметнее секуляризация отразилась на религиозной практике, измеряемой по критерию присутствия прихожан хотя бы раз в месяц на воскресных мессах: в 1952 году 27% католиков регулярно посещали мессы, а в 2010 году их было не больше 4,5% (по другим данным, 7%)¹⁵. Причем «секуляризация» сильнее проявляется в сельских районах, чем в крупных городах, в «народных» районах она выше, нежели в «буржуазных»¹⁶. Если использовать традиционный критерий практикующих като-

ликов (еженедельное посещение мессы), то их доля во французском населении составляет всего 1,8% (по данным компании социологических исследований IPSOS).

Возникла экзистенциальная проблема: как оставаться христианином в секулярном обществе светской Франции, порой достаточно агрессивным, и с ползучим мусульманским прозелитизмом. Анри Тинк, специалист по французскому католицизму, пишет: «Ошеломленная падением численности своих приверженцев (половина действующих французских священников старше 75 лет), растерянная из-за экспансии ислама и атеизма, церковь превращается в общество, противостоящее новому и эволюции нравов»¹⁷. Появился сильный соблазн замкнуться в своей среде, оуклиться или, наоборот, жить в ожидании пришествия ниспосланного лидера — новой Жанны д'Арк, — который восстановит союз алтаря и трона.

Для подавляющего большинства католиков религиозная жизнь ограничивается участием в значимых событиях (крещение, свадьба, похороны), и фактически «французский католицизм стал праздничной реальностью»¹⁸. Исследования выявили множественность католических субкультур и типов католиков (не менее шести, по мнению авторов), но всего 7% из них «ангажированы» и составляют основу движения *Manif pour tous*, выступающего за традиционные семейные ценности, против однополых браков¹⁹.

Несмотря на интенсивную секуляризацию, принципы, выявленные Г. Мишля и М. Симоном еще в 60-е годы, сохранились и в наше время: чем больше французы интегрированы в католицизм, тем чаще они голосуют за правые партии. В 2012 году во втором туре практикующие католики массово голосовали за Саркози против Олланда: практикующие католики почти в шесть раз чаще голосовали за Саркози, чем избиратели, не исповедующие никакой религии²⁰. При этом практикующие католики были настроены относительно враждебно к Марин Ле Пен, и в первом туре ей явно не хватало их голосов. На региональных выборах 2015 года католики в целом стали поддерживать Национальный фронт (НФ) в большей степени, чем в среднем все избиратели: в первом туре за НФ проголосовали 33% католиков, но 30% всех избирателей. Однако среди практикующих католиков, посещающих мессу не менее одного раза в месяц, доля избирателей партии Марин Ле Пен была

гораздо ниже — 25%, хотя и она выросла по сравнению с показателем с президентских выборов 2012 года²¹.

Перед президентскими выборами католики были все больше ориентированы на правые партии. Преследование христиан на Ближнем Востоке, пренебрежение и даже презрение, которое к ним проявляли левые в годы президентства Олланда, либертарные законы, принятые его правительством, усиливали их консерватизм. Когда избирателей просили расположить себя на шкале левые — правые, то на её правой половине (от 6-й до 10-й позиции) фиксируют себя 54% католиков, в том числе 67% практикующих, и только 30% неверующих французов. Эта картина отражена и в голосовании: 20% избирателей заявили о своей поддержке правоцентристской Республиканской партии, но 24% католиков, не участвующих в религиозных обрядах, 34% католиков, изредка посещающих мессу, и 37% практикующих католиков²².

Классовое голосование в современной Франции

В 1974 году две трети рабочих всё ещё голосовали за левые партии. Победа Франсуа Миттерана в 1981 году рассматривалась как успех «классового голосования», поскольку его поддержали 72% рабочих и 62% служащих. Сам Миттеран говорил «о победе сил молодости, сил труда, сил созидания и сил обновления». С его точки зрения, «социальное большинство стало политическим большинством». В этот период он повторял азы идеологии марксизма: политическая идентичность определяется социальным положением граждан: рабочим классом, по версии Компартии (ФКП), или «классовым фронтом», по версии Соцпартии (ФСП). Даже в 1988 году Миттеран во втором туре президентских выборов получил 70% голосов рабочих²³. В 2002 году ситуация существенно изменилась, но тем не менее 43% рабочих и 39% служащих всё ещё поддерживали левых кандидатов в первом туре выборов президента²⁴.

Хотя рабочий класс составляет всё ещё 20% самостоятельного населения Франции (но 40% в 1960 году и 80% в 1900-м), интерес к нему со стороны левых политиков постепенно уменьшался. Уже в 2002 году бывший премьер-министр Пьер Моруа удивлялся от-

сутствию какого-либо интереса в избирательной кампании социалистов к «нашим товарищам-рабочим». В 2011 году фонд «Терра Нова», мозговой центр ФСП, заявил, что «историческая коалиция, на которой основывались левые почти в течение целого столетия, опирающаяся на рабочий класс, находится в упадке» и предлагал больше обращаться к выпускникам вузов, женщинам, жителям крупных агломераций, к национальным меньшинствам. С точки зрения аналитиков фонда, рабочий класс перестает соответствовать левым ценностям и нужно опираться на социальные группы, которые поддерживают идеи «культурного либерализма»²⁵.

В результате глобализации мало-помалу закрываются предприятия текстильной промышленности, судостроения, черной металлургии и металлообрабатывающие заводы. Великие символы пролетарской культуры постепенно исчезают, например ФКП даже не выдвинула своего кандидата на президентских выборах в 2017 году, а Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) потеряла статус важнейшего профсоюза Франции. Рабочий класс все более раздробляется. Автоматизация вытесняет ручной труд, многие профессии уходят в прошлое или находятся на грани исчезновения. Третичный сектор (сфера услуг) начинает доминировать в экономике, а мелкие и средние предприятия — над крупной промышленностью. Квалифицированные рабочие вливаются в средний класс, а неквалифицированные работы выполняют все чаще временные рабочие²⁶.

Новые исследования Г. Мишля и М. Симона показали, что политические установки французских рабочих претерпевают глубокую трансформацию. С 1966 по 2002 год резко снизились классовое самосознание и самоидентификация с рабочим классом, зато выросла доля лиц, ощущающих принадлежность к среднему классу или рассматривающих общество как бесклассовое²⁷. Одновременно в ядерных группах рабочего класса, особенно среди обладающих большим числом признаков принадлежности к пролетариату, усиливался авторитарно-ксенофобский синдром, включая антисемитские и антииммигрантские настроения, создавая почву для голосования за крайне правые партии²⁸. Французские социологи стали отмечать, что голосование на выборах всё больше определяется частными инте-

* Важнейшую роль при этом сыграла проблема иммиграции из иных культурно-цивилизационных ареалов, особенно мусульманского мира.

рессами, а не объективной социальной ситуацией. Марсьяль Фуко, нынешний руководитель CEVIPOF, основного политологического института Франции, пишет «об эрозии классового голосования»²⁹.

За 25 лет, с 1988 по 2012 год, значимость классических маркеров «классового голосования» (социально-профессиональная принадлежность или экономический статус) уменьшается и повышается роль таких переменных, как религия, принадлежность к тому или иному поколению или наличие той или иной собственности. «Невозможно отныне говорить о партиях как эманации того или иного социального класса: ФКП как партии пролетариата, ФСП как партии преподавателей, Союза народного движения как партии лиц свободных профессий или служащих частного сектора»³⁰. Социолог Люк Рубен пишет: «Исследования об исторических связях между рабочим классом и голосованием за левых всё чаще показывали, что эти связи распадаются, потому что большой процент рабочих не просто не голосует за левых, но даже предпочитает Национальный фронт, который в нулевые годы вышел вперед по числу голосов самых бедных категорий населения»³¹.

Таким образом, секуляризация привела к тому, что доля регулярно практикующих католиков сократилась до нескольких процентов, а быстрый рост проблем, связанных с исламом, практически стёр традиционное противостояние между религиозным и светским сегментами общества, или, точнее, придал ему другой смысл. Переход к постиндустриальной фазе развития вызвал кризис пролетарской субкультуры, сокращение доли рабочего класса в обществе и ослабление её институтов — профсоюзного движения и рабочих партий.

Перед выборами: конфигурация политических сил

Когда событие произошло, всем кажется, что его было легко спрогнозировать. Однако накануне чаще всего никто не способен его предсказать и все предпочитают идти по проторенной дороге и мыслят стереотипами. «Интеллектуальная леность заключается в экстраполяции на будущее того, что уже пережито и хорошо знакомо»³².

Политическая система Пятой республики, построенная на основе мажоритарных выборов в два тура, до последнего времени консервировала традиционные расколы. В монографии об избирательной кампании Макрона, подготовленной авторским коллективом во главе с известным политологом Оливье Дюамелем, говорилось: «Казалось, ничего не способно взорвать этот бинарный мир, основанный на мажоритарных выборах в два тура, несмотря даже на усиливающееся давление Национального фронта в течение тридцати лет. Две левые и две правые партии действуют в первом туре и объединяются во втором. Немного циничный политический класс, который сумел использовать даже крайне правых для сохранения своей власти, не пытаясь, однако, разобраться в реальных причинах успеха НФ. Сам политический класс относительно однороден: он состоит прежде всего из мужчин, из государственных служащих, а его члены совмещают разные политические посты и не очень интересуются моралью своего аппарата и этикой поведения своих товарищей»³³.

В 2002 году премьер-министр Л. Жоспен, кандидат Соцпартии на президентских выборах, впервые с 1969 года не сумел выйти во второй тур. В первом туре левые, забыв о противостоянии с правыми, были столь раздроблены (8 левых кандидатов), что во второй тур вышли голлист Ж. Ширак и лидер крайне правой партии Национальный фронт Ж-М. Ле Пен, незначительно опередивший Жоспена. Но во втором туре Ле Пен набрал лишь 18% голосов, всего на 1% больше, чем в первом. Электораты остальных партий по принципу

«республиканской дисциплины» проголосовали против «врага справа», и президентом стал Ж. Ширак, набравший 82%.

Веру французской элиты в политическую биполярность не подорвали ни президентские выборы 2002 года, ни успех центристского кандидата Франсуа Байру, получившего 19% голосов на президентских выборах 2007 года, ни растущий абсентеизм избирателей, ни рост влияния Национального фронта, который в 2015 году на департаментских и региональных выборах стал первой партией Франции, ни даже настроения дегажизма*, усилившиеся в последние годы в связи с кризисом двух правящих в течение последних 35 лет партий — ФСП и правой Республиканской партией, которая неоднократно меняла свое название.

Национальный фронт: экспансия и её границы

После смены власти в 2011 году, когда на смену отцу пришла его дочь Марин Ле Пен, Национальный фронт постоянно увеличивал свой электоральный потенциал. За НФ проголосовало более шести миллионов избирателей в первом туре региональных выборов 2015 года, и его списки вышли во второй тур во всех регионах метрополии. Однако и через 13 лет, как и в 2002 году, произошло объединение во имя республиканских ценностей, и во втором туре Национальный фронт проиграл во всех регионах.

Политика «дедемонизации»

Приход Марин Ле Пен к власти в партии в 2011 году означал для НФ двойной поворот: с одной стороны, обновление его дискурса, лидерства и имиджа, а с другой — стремительный рост его электората, увеличившегося в период с президентских выборов 2012 года до региональных выборов 2015 года на 10 пунктов. Одно

*Дегажизм (*dégagisme*) — доминирование протеста над рациональным выбором, нигилистическая реакция общества на оторванность элит от народа. Термин появился во время тунисской «жасминовой революции» 2011 года, свергнувшей режим президента страны Зина эль-Абидина Бен Али.

объясняет другое? Новые идеологические подходы и новые лидеры привели к новым успехам? Или Франция изменилась и стала более восприимчивой к риторике НФ?³⁴

Национальный фронт возник в 1972 году в результате сближения и последующего объединения трех течений крайне правых сил: националистов из группировки «Нового порядка», открыто проповедовавших национал-социализм, антипарламентаризм и антисемитизм, «национал-популистов» во главе с Ж.-М. Ле Пенем (бывших членов комитета в поддержку Ж.Л. Тексье-Виньянкура — антиголлистского кандидата крайне правых на президентских выборах 1965 года, который объединил бывших вишистов, пу-жадистов и приверженцев «французского Алжира») и, наконец, сторонников «интегрального католицизма», выступавших против «обновленческих» идей Второго Ватиканского собора. Под влиянием «новых правых» в доктрину фронта были включены идеи о генетическом превосходстве белой расы, естественном неравенстве людей и народов, неолиберальные тезисы и понятие прямой демократии. Наконец, после вступления в 1977 году в НФ союза солидаристов во главе с Ж.-П. Стирбуа (основными установками которых были антикоммунизм и борьба с иммигрантами-арабами) на смену юдофобству пришли антиарабские настроения, хотя латентный антисемитизм оставался составным элементом идеологии фронта. В сентябре 1987 года Ле Пен заявил, что «газовые камеры» — лишь «мелкая деталь Второй мировой войны» (эту фразу он повторил в декабре 1997 года), а в сентябре 1988 года он использовал откровенно антисемитский каламбур в отношении министра М. Дюрафура (*Durafour-crématoire**)³⁵.

К моменту выборов нового президента на съезде Национального фронта в 2011 году в Туре Марин Ле Пен получила большинство: 67,5% делегатов проголосовали за нее и 32,35% — за кандидата «ветеранов» Бруно Гольниша. Уже на съезде в Лионе, проходившем в ноябре 2014 года, «маринизм» добился полной гегемонии в руководстве НФ. Молодые активисты, чистый продукт эры Марин Ле Пен, вошли в центральный комитет партии. Ряды сторонников Бруно Гольниша, которые составляли 45% прежнего ЦК, рассу-

* Часть фамилии министра — four — означает печь.

пались³⁶. После выхода из партии отца Марин все руководящие инстанции — исполнительное бюро и политическое бюро — стали однородными, состоящими только из её сторонников.

Вместе с тем в Национальном фронте, в котором доминирует Марин Ле Пен, сформировались два идеологических течения. Одно — «национальные республиканцы» — возглавлял Флориан Филиппо, вице-президент партии, 1981 года рождения, выпускник Высшей коммерческой школы в Париже, одной из лучших-бизнес школ Европы, и Национальной школы администрации, кузницы высших административных кадров Франции. «Национальные республиканцы» считали, что НФ не должен быть «ни левым, ни правым», выступали за отказ от евро, за сильное государство, за соединение социального подхода с национальным. Второе идеологическое течение — «либеральные консерваторы» — возглавляла Марион Марешаль-Ле Пен, племянница Марин Ле Пен. В его основе «интегральный национализм», заимствованный у крайне правой группировки «Аксьон франсэз», — идеология «столкновения цивилизаций», непринятие гомосексуальных браков, ориентация на интегральный католицизм. Они не возражали против союза всех правых и были готовы в него включиться. Марин Ле Пен, оставаясь на гребне волны, маневрировала между этими течениями, не позволяя ни одному из них подорвать её позиции «хозяйки» партии.

Дочь «дьявола Республики», как порой называли Ж-М. Ле Пена во французской прессе, с самого начала настаивала на смене акцентов в риторике фронта. Потрясенная мощностью той мобилизации, которая произошла во втором туре президентских выборов 2002 года, Марин Ле Пен уже тогда стала разрабатывать стратегию «дедемонизации» (*dé-diabolisation*), призванную улучшить репутацию Национального фронта, снять с партии обвинения в антисемитизме, расизме и ксенофобии. Если её отец говорил о «неравенстве рас», то слова «раса», «черные», «желтые», «арабы» просто исчезли из её словаря, она их заменила понятием «этнос». Она провозгласила себя сторонником «эгалитаристского» подхода: «национальный приоритет необходим всем французам, без различия религии или происхождения».

В её выступлениях отсутствовали какие-либо антисемитские аллюзии, она признала Холокост «вершиной варварства». Она даже объявила себя защитником еврейского сообщества против

«исламского фундаментализма». И когда Ж-М. Ле Пен в июне 2014 года отпустил новый антисемитский каламбур, а в апреле 2015 года повторил свои высказывания о газовых камерах, то последовали оргвыводы, и членство Ж-М. Ле Пена в партии было приостановлено³⁷. Луи Альо, крупный функционер НФ и гражданский муж («компаньон») Марин Ле Пен, внук алжирского еврея, заверял, что самым сильным ограничителем голосования за фронт является антисемитизм. Действительно, антисемитизм весьма укоренен в НФ: 46% его избирателей соглашались с утверждением, согласно которому «евреи имеют слишком много власти в области экономики и финансов» (иначе считают 25% среди остальных избирателей), 48% — «евреи обладают чрезмерной властью в медиа» (против 22%), 49% не желают, чтобы президентом Франции был еврей (против 21%)³⁸. Как пишет французский политолог Александр Дезе, «антисемитизм, расизм, гомофобия, исламофобия не исчезли с избранием Марин Ле Пен на пост председателя партии»³⁹.

Этот диссонанс между официальными заявлениями Марин Ле Пен и позициями её активистов показывает границы политики «дедemonизации». Особенностью идентичности «фронтистов» является их антисистемность и радикализм, причем их содержание может со временем меняться. Как пишут французские социологи, «доктринально от своих политических конкурентов НФ отличается экстремизмом позиций, которые он защищает, — от требования выхода из зоны евро до требования восстановить смертную казнь»⁴⁰. Превращение НФ в респектабельную партию ударило бы по её активу, членской базе и электорату. Эту мысль четко выразил еще основатель партии Ж-М. Ле Пен: «Вежливый Национальный фронт никого не заинтересует». Порвав с антисемитизмом своего отца, Марин Ле Пен «тем не менее осталась верна лепенистской ортодоксии». Посредством резких заявлений на грани фола она сохраняла поддержку радикальных элементов французского общества. Французские социологи собрали самые яркие цитаты Марин Ле Пен: «глобализация убивает нашу идентичность», требование вернуть деньги за «комфортный аборт», предложение запретить хиджабы и кипы в общественных местах, утверждение о том, что «Франция стала содержанкой США» и «шлюхой эмиров бедуинов», заявление о своем желании «разрушить Европейский союз», который она объявляет «антидемократическим монстром»,

осуждение «идеологии метизации» (физического смешения популяций разных этносов), которая приводит «к ускоренной ликвидации разнообразия человеческих обществ», и так далее⁴¹.

Умеренный либерализм Марин Ле Пен проявляла и по другим темам морального свойства. Прежний фронт был гомофобной и сексистской партией. Её отец сравнивал гомосексуалистов с «каплунами» и говорил, что гомосексуализм есть «биологическая и социальная аномалия» и это приведет к «исчезновению человечества». По поводу феминизма в соответствии с националистической традицией он фактически отводил женщинам лишь материнскую и воспитательную функции. В 1996 году в одном из своих интервью он заявил, что смешно предполагать, что «тело женщины принадлежит только ей, оно не в меньшей степени принадлежит природе и нации». Эта моралистская позиция вызвала резко негативное отношение к принятому в 1975 году закону С. Вейль, предоставившему французенкам право на аборт⁴².

Марин Ле Пен, напротив, является современной женщиной, она дважды разведена, живет в гражданском браке, сочетает политическую карьеру с воспитанием своих детей. Она отказывалась отменить закон Вейль в случае избрания президентом, предлагая лишь прекратить оплату абортотворения из фондов медицинского страхования. С её точки зрения, гомосексуалисты должны быть интегрированы во французское общество. Она позитивно относится к законам о Гражданском договоре солидарности, принятым в 1999 году правительством социалиста Л. Жоспена, которые обеспечивали как гетеросексуальным парам, проживающим вне брака, так и гомосексуальным парам некоторые личные и имущественные права⁴³. Её позиции вызывают резко негативную реакцию «сторонников непреклонного националистического консерватизма, которые превращают дочь своего бывшего героя в предмет ненависти (*bête noire*)»⁴⁴.

Если ранее НФ был слабо представлен среди женщин или в сообществе ЛГБТ, то в последнее время голосование в этих категориях за Марин Ле Пен выровнялось. Лидеры современного НФ уверяли, что сексизм и гомофобия проявляются не в НФ, а в кварталах, где проживают в основном мусульмане. Еще в декабре 2010 года Марин Ле Пен сделала свое знаменитое заявление: «У меня все больше свидетельств того факта, что в некоторых кварталах плохо

находиться как женщине, так гомосексуалисту, как еврею, так и французу или просто белому человеку». Иначе говоря, признание разнообразия мира, эмансипация женщины, более свободный подход к различным формам сексуальной жизни, отказ от антисемитизма, толерантное отношение к национальным меньшинствам воспринимаются Марин Ле Пен как новая традиция французского общества, как французский образ жизни, которому противостоят мусульманские обычаи и которому угрожают исламские радикалы. Как показано в исследованиях французских социологов, электораты НФ и классических правых не различаются в своих подходах по отношению к правам женщин и гомосексуализму. Например, 37% избирателей фронта и 38% сторонников правых партий (и 57% левых) заявили, что они не возражают против права на усыновление гомосексуальными парами.

Главное, что их отличает от избирателей других партий — жесткие антииммигрантские установки. В 2012 году 94% голосовавших за Марин Ле Пен заявили, что во Франции «чересчур много иммигрантов», при 62% среди всех избирателей. Такой подход является почти обязательным условием голосования за НФ. Среди опрошенных, заявивших, что они не согласны с мнением, что «во Франции слишком много иммигрантов», только один проголосовал за кандидата фронта, менее 6% тех, кто «скорее не согласен» с этим утверждением, и уже 17% — «скорее согласных» и 37% — «полностью согласных»⁴⁵. И антииммигрантская тенденция во французском обществе продолжала углубляться, особенно на фоне непрекращающихся террористических атак. По данным опроса, проведенного институтом IPSOS в июне-июле 2016 года, среди граждан 22 стран, только 11% французов рассматривают иммиграцию как позитивное явление, но 18% немцев и 20% испанцев, 45% французов (и 38% всех опрошенных) согласились с мнением, что «мы должны полностью закрыть границы для беженцев и сейчас не принимать никого из них». «Культурный шок» от иммиграции воспринимался более позитивно в США (42% позитивных ответа) или в Англии (45%), чем во Франции (17%). Французский социолог Брюс Теэнтюрье отмечал: «Во Франции глобализация ощущается как фактор, ускоряющий упадок страны, как угроза подрыва национальной идентичности»⁴⁶.

Как и другие радикальные и популистские европейские партии, Национальный фронт был «нишевой партией», выдвигавшей на первый план проблемы иммиграции, безопасности и защиты традиционных ценностей. Марин Ле Пен, пытаясь выйти из состояния «нишевой партии», расширила круг тем. Во время своей президентской избирательной кампании 2012 года она заявила, что будет опираться «на две ноги. С одной стороны, безработица, задолженность, покупательная способность, с другой — иммиграция и отсутствие безопасности». Она пыталась усилить значимость Национального фронта в экономической сфере, которой ему явно недоставало. В частности, из 200 наиболее часто используемых Марин Ле Пен вербальных модулей доля экономических понятий в ее выступлениях значительно выросла и достигла 40% (у Жан-Мари Ле Пена — 23%). Сама Ле Пен широко пользовалась экономической статистикой и охотно употребляла во время телевизионных дискуссий по проблемам макроэкономики или монетарной политики технические термины, например «импортные квоты», «контракт стабильности» и так далее⁴⁷. Хотя было видно, что она не приобрела глубоких экономических знаний.

Одновременно менялось содержание социально-экономической программы фронта. В 1980-е годы она носила ярко выраженный либеральный характер и базировалась на деэтизации, дерегулировании и борьбе с «налоговым гнетом» правительства социалистов. В 1990-е появляется социальная тематика и фронт выдвигает новый лозунг: «Социальная политика без социализма!», предназначенный народному избирателю, чей удельный вес резко вырос. В 2002 году Ж.-М. Ле Пен провозглашал, что НФ «социально находится на левом фланге, а экономически — на правом»⁴⁸. Как и в других популистских партиях Европы, в программе НФ появляются антиглобалистские темы и идеология протекционизма вместо ориентации на свободу международной торговли. Марин Ле Пен пишет: «Глобализм — это идеология, основной смысл которой состоит в отрицании необходимости существования наций, в их адаптации к постмодернистскому миру, в потребности создания некоего *homo mondialisus*, живущего вне родины, не имеющего никаких отличительных черт, «мирового потребителя», называемого гражданин мира»⁴⁹. В 2012 году происходит окончательный разрыв с прежней

экономической доктриной и явный левый поворот: партия выступает за государственное вмешательство в экономику, за политику увеличения внутреннего спроса, за реформы распределительной системы, за явно выраженный прогрессивный налог и так далее. По подсчетам французских социологов, социально-экономическая часть президентской программы Марин Ле Пен на 68% состояла из предложений левой направленности⁵⁰.

Сама программа НФ носила ярко выраженный популистский характер, а ее позиции не согласовывались друг с другом. Фронт выступал одновременно за свободу предпринимательства и за сохранение 35-часовой рабочей недели, снижение себестоимости французской продукции и за значительное повышение зарплат, за крупный бизнес, который необходимо поддержать в условиях глобализации, и против «большого бизнеса», который давит на мелких предпринимателей, за конкуренцию, которая позволяет снижать цены на товары, но против конкуренции, которая бьет по производителям⁵¹.

Таким образом, политическая линия НФ — «ни левые, ни правые» — дополнялась резкой критикой «транснационального капитализма» и «социалистическими» элементами: сильным дирижистским государством, национализацией, повышением зарплат низкооплачиваемым, выходом на пенсию в 60 лет. Как пишет историк Грегуар Коффман, в этом «национальном антикапитализме» нет ничего нового, ибо его идеи взяты из многих источников: от домарксистского социализма до идей национал-социалистов. С его точки зрения, подъем Национального фронта больше всего напоминает «буланжизм», расцвет которого пришелся на 80-е годы 19-го века и который собрал «синдикат недовольных», разоблачавших Республику, погрязшую в коррупции, защитников национальной идентичности, националистов, жаждущих порядка и сильной власти. Но если Марин Ле Пен персонифицировала «национальный антикапитализм», антииммигрантский и антиисламский факторы, включение в свой проект светских и республиканских тем, то линия Марион Марешаль-Ле Пен была основана на идеях идеолога французского национализма Шарля Моррасса и католическом традиционализме. Коффман не исключал, что эти две идеологические линии в партии в будущем столкнутся⁵². Что и произошло после выборов.

В западной социологии сочетание левой экономической доктрины с авторитаризмом и исключением иммигрантов из системы перераспределения социальных благ иногда определяют как «шовинистическое государство всеобщего благосостояния» (*welfare chauvinism*). С точки зрения французских социологов, НФ находится на перепутье: в отличие от эпохи Ж.-М. Ле Пена, когда партия делала основную ставку на протест, новый фронт, конечно, ориентирован на власть. Но в своей стратегии он стремится прежде всего максимизировать свои электоральные позиции, не очень задумываясь о реализме программы. Иначе говоря, фронт напоминает послевоенную ФКП, которая была «трибуном» в древнеримском понимании этого слова. Защищая французский рабочий класс, как когда-то трибуны защищали плебеев, Компартия до начала 1980-х годов была и мощной политической силой, и целой субкультурой, одновременно будучи совершенно неготовой к испытанию властью. В настоящее время НФ частично заменяет Компартию в качестве «трибуна», но все более отходит от правых партий в социально-экономической сфере и тем самым закрывает для себя возможность установления союзнических отношений и, следовательно, завоевания власти.

Рост избирательной базы НФ и перестройка его электората

После президентских выборов 2002 года, когда Жан-Мари Ле Пен получил 16,9% голосов и вышел во второй тур, электорат НФ постепенно таял и вернулся в определенной мере к маргинальному состоянию: 4,3% на парламентских выборах 2007 года и 6,3% на европейских выборах 2009 года. Возникло впечатление, что наступление Жан-Мари Ле Пена и Национального фронта захлебнулось. На президентских выборах в 2007 году Жан-Мари Ле Пен занял только четвертое место в первом туре с 10,4% голосов. По сравнению с 2002 годом это было крупным поражением. «Конец лепенизму, который вселял в нас столько страхов», — писал левый еженедельник «Нувель Обсерватёр»⁵³.

Только после передачи власти от Ж.-М. Ле Пена к Марин Ле Пен на съезде в Туре в январе 2011 года партия пришла в движение и

начала добиваться всё новых и новых успехов⁵⁴. На кантональных выборах в марте 2011 года кандидаты НФ набрали 15,1% голосов, а если считать лишь те кантоны, где были выдвинуты кандидаты от НФ, то партия получила даже 19,2%. Никогда НФ не добивалась такого результата на промежуточных выборах. Общественное мнение стало относиться к Марин Ле Пен гораздо лучше, чем к её отцу. В мае 2011 года 29% французов, по опросу французской компании опросов общественного мнения SOFRES, желали, чтобы Марин Ле Пен «играла важную роль в будущем». В первом туре президентских выборов 2012 года она получила 17,9% (6 431 тыс.) голосов и хотя не вышла во второй тур, но набрала на полтора миллиона голосов больше, чем её отец в 2002 году, и на два с половиной миллиона больше, чем на президентских выборах 2007 года.

За 10 лет электорат НФ претерпел значительные метаморфозы. По сравнению с 2002 годом прогресс НФ заметен более всего в департаментах с высокой долей рабочего класса и в районах с серьезными проявлениями фермерского протеста. Как уже отмечалось, Марин Ле Пен оказалась способна аккумулировать протестные настроения тех групп населения, которые столкнулись с кризисом социальной идентичности, порожденной проблемами профессиональной интеграции, стабильной занятости и уровня жизни. Политолог Нонна Мейер, специалист по НФ, отмечала, что в голосовании за Марин Ле Пен водоразделом был диплом бакалавра: за неё голосовали 30% французов, не имеющих диплома бакалавра, 15% с дипломом бакалавра и всего 7% лиц с дипломом о высшем образовании. НФ также расширил свое влияние среди рабочих, где он получил 35% голосов. Социолог Паскаль Перрино, много изучавший Национальный фронт, даже писал о «левом лепинизме» в среде рабочего класса⁵⁵.

Объясняя этот феномен, Мейер подчеркивала, что люди голосуют за НФ из-за ресентимента, поскольку представители некоторых социальных групп ощущают себя людьми без будущего. Важна роль школы, где в значительной мере формируется мировоззрение, раскрывается мир, его сложность, другие культуры. Без этих знаний этноцентричная идеология НФ, его упрощенный подход к миру проникает в сознание гораздо быстрее⁵⁶. К этим факторам добавляется кризис доверия граждан к политике и традиционным

политикам. П. Перрино подчеркивает, что «Марин Ле Пен, как и другие популистские политики (например, Дональд Трамп), в условиях сильнейшей изношенности старых демократических институтов питается политическим процессом, который порожден не просто усталостью от политики, а её неприятием и порой даже ненавистью к избранным политикам, традиционным партиям, политическому классу»⁵⁷.

Анализ президентских выборов 2012 года впервые показал существование «трех Франций», «практически непроницаемых друг для друга». Во-первых, левый электорат, главным образом сторонников Олланда, состоящий прежде всего из лиц наемного труда, в основном в государственном секторе, относительно благополучных материально, или из среднего класса с неплохим образованием, городских жителей, открытых к глобализации, но имеющий слабую опору в народных слоях. Во-вторых, правый электорат, поддержавший Саркози, в большей мере состоящий из лиц старших возрастов, хорошо зарабатывающих представителей свободных профессий или высших чиновников и независимых (предпринимателей, ремесленников, торговцев), но также не имеющий опоры в среде рабочего класса. И наконец, электорат Марин Ле Пен, базирующийся на народных слоях (35% рабочих голосовали за неё в 2012 году), не очень образованных, удаленных от крупных городских центров или находящихся на их периферии и не разделяющих правую идеологию в сфере экономики⁵⁸.

Всевозрастающая непопулярность правительства социалистов позволила расширить влияние НФ. Национальный фронт малопомалу становится значимой партийной силой в регионах Франции. Муниципальные выборы 2014 года породили «муниципальный фронтизм»: от НФ было избрано более полутора тысяч муниципальных советников, мэры двух крупных городов (Безье и Фрежюс) и десятки мэров маленьких городков. Через несколько месяцев список НФ был первым на выборах в Европарламент среди французских партий: он получил 25,2% голосов, намного опередив Союз за народное движение (20,8%) и особенно Соцпартию (13,9%). Если крайне левые партии, например ФКП, собирали голоса тех избирателей, кто «не принимал Европу крупного капитала» и опасался ухудшений в области социальной защиты, то электорат НФ больше всего боялся «потерять свою идентичность и национальную

культуру»⁵⁹. Департаментские выборы в марте 2015 года подтвердили, что НФ утвердилась на первом месте во французской партийной системе: её кандидаты набрали 25,2% голосов в первом туре.

П. Перрино отмечал, что после муниципальных и департаментских выборов у НФ появился новый источник экспансии — партийные нотабли, которые интегрированы в местную жизнь, располагают местной сетью активистов. По его словам, «отныне НФ представлен везде во Франции. Он стал настоящей национальной партией. Началась новая глава в политической истории Франции: от биполярной структуры к трипартизму»⁶⁰. Однако второй тур департаментских выборов показал границы продвижения НФ: он участвовал в выборах в 1100 округах из 2000, но победил только в 31. В этом смысле результат оказался провальным. Объясняя его, Перрино отмечал, что НФ «натолкнулся на два препятствия. Прежде всего он не завершил мутации партии протеста в партию власти. Французы боятся передать ключи от исполнительной власти в руки её кандидатов. Кроме того, Национальный фронт остался одинокой партией. А во Франции ни одна партия не может управлять в одиночку»⁶¹.

В декабре 2015 года на региональных выборах НФ добилась нового успеха: 27,7% в первом туре и 27,1% во втором. За 8 месяцев после мартовских выборов НФ получил дополнительные 2,5 пункта и вышел во всех регионах метрополии во второй тур. В двух регионах он перешел даже порог 40% голосов: 42,2% в Нор — Падде-Кале — Пикардия, где список возглавляла Марин Ле Пен, и 45,2% в регионе Прованс — Альпы — Лазурный берег, где во главе находилась её племянница Мариан Марешаль-Ле Пен.

Политгеография выборов показала, что НФ усилил свое присутствие там, где его позиции были уже крепки (Нор — Падде-Кале — Пикардия, Шампань — Арденны, Лотарингия, Прованс — Альпы — Лазурный берег, Лангедок — Руссильон). Он привлек новых избирателей благодаря известности лидеров списка (М. Ле Пен, М. Марешаль-Ле Пен, Л. Алио, Ф. Филиппо). Однако в регионах, в которых списки возглавляли малоизвестные политики, происходила эрозия электората НФ (Бретань, Иль-де-Франс, Пеи-де-ла-Луар). В сельских зонах успехи были весьма впечатляющими: Мёз (+10,1 пункта), Канталь (+10,3), Восточные Пиренеи (+10,3), Коррез

(+12,6), Лозер (+12,6), Арьеж (+12,7), Жер (+16,2). Однако второй тур принес новое разочарование НФ: несмотря на довольно высокие показатели в первом туре, он не победил ни в одном из регионов. Резко выросла явка — с 49% до 59%, и комментаторы говорили, что мобилизация электората против НФ напоминает ситуацию 2002 года⁶². Если НФ сумел мобилизовать дополнительно 800 тыс. избирателей, то список левых — два миллиона, а список правых — четыре миллиона.

Социалисты призвали голосовать за «Республиканцев» в тех регионах, где особенно сильны позиции НФ, а в регионах Нор — Падде-Кале — Пикардия и Прованс — Альпы — Лазурный берег сняли свои списки. Со своей стороны Саркози категорически отверг возможность блокироваться с социалистами ради недопущения победы крайне правых, но назвал НФ своим главным противником. Началась массовая мобилизация электората: 84% избирателей этих регионов заявили, что их интересуют эти выборы. В целом восторжествовал принцип «республиканской дисциплины»: 75% избирателей Соцпартии в этих регионах проголосовали за список «Республиканцев»⁶³. Марин Ле Пен проиграла дуэль республиканцу Х. Бертрану (57,8% против 42,2%), а М. Марешаль-Ле Пен — республиканцу К. Эстрози (54,8% против 45,2%). В регионе Эльзас — Шампань — Арденны — Лотарингия, где впереди поначалу был список НФ во главе с вице-президентом партии Ф. Филиппо, руководство ФСП также потребовало снять партийный список, но Ж.-П. Массерэ, возглавляющий социалистов, отказался. Но даже конкуренция социалистов и республиканцев не позволила НФ победить: список правых набрал 48,4% против 36% у НФ⁶⁴.

НФ продвинулся во всех социальных группах, одновременно сохраняя особенности своего электората. Специальное исследование о новых избирателях НФ с 2012 по 2015 год показало, что новый электорат партии сформировался на 60% из бывших избирателей правоцентристской коалиции, особенно из тех, кто голосовал за Саркози в первом туре (47%), и чуть больше четверти из голосовавших в 2012 году за левых кандидатов. В социологическом плане «новые избиратели» способствовали некоторому расширению традиционной базы НФ: среди них несколько больше женщин, чуть больше лиц старших возрастов, они относительно лучше образованы. Видимо, сказались результаты политики «дедемонизации».

Вместе с тем они гораздо реже, чем традиционный электорат НФ, отождествляли себя с «крайне правыми». Однако отказ от политической идентификации с НФ не мешал идеологической близости с его традиционным электоратом, особенно в оценке ислама, иммиграции и желании наказать нынешний политический класс.

Особенно заметно этот процесс затронул бывших избирателей Саркози: 69% «старых» избирателей НФ и 65% «новых» из голосовавших в 2012 году за Саркози заявили, что «ислам представляет угрозу для Запада», 79% «старых» и 72% «новых» утверждали, что «во Франции чересчур много иммигрантов», соответственно 64% и 58% согласились с тем, что «руководящие нами политики совершенно не интересуются тем, о чем думают такие люди, как мы». Наконец, 77% традиционных избирателей и 65% «новых», пришедших из электората Саркози, выступают за восстановление смертной казни. В 2015 году терроризм со стороны ИГ (запрещено в России) привел к «конверсии» этих избирателей, и прежде всего бывших «саркозистов»: их стали меньше интересоваться социально-экономические вопросы и гораздо сильнее проблемы безопасности, иммиграции и терроризма, которые давно были первостепенными в программе НФ⁶⁵.

Не менее важным для НФ было и завоевание поддержки части левых избирателей, особенно электората ФКП. Исследования, проведенные ещё в 1970-е годы, показали, что ксенофобия достаточно широко распространена во французском рабочем классе и среди избирателей Компартии. Часть избирателей, вышедших из семей с левыми убеждениями, порвали с семейной политической традицией и присоединились к идеологии «социального национализма». В своей недавно вышедшей книге «Левая Франция, которая голосует за Национальный фронт», Перрино описывает, как партия Марин Ле Пен обращается к тем избирателям, которые ощущали, что левые, и прежде всего Соцпартия, выдвинув лозунг культурного либерализма, переориентировались на городские средние слои, и как значительная часть левого электората перешла на сторону Национального фронта⁶⁶.

В электорате НФ по-прежнему доминировали мужчины (34% в 2015-м против 27% в 2012-м), слабее всего были представлены лица пенсионного возраста (33% моложе 35 лет, 35% моложе 65 лет и только 23% старше 65), партия Марин Ле Пен была укоренена в

мелкобуржуазных слоях населения и среди рабочих и служащих (35% среди «независимых», 41% — мелких служащих, 46% — рабочих, 41% — безработных), но не проникала в образованные категории французов (всего 18% среди высших служащих). Диплом по-прежнему остался важнейшим водоразделом в голосовании за НФ: фронт поддерживали 38% лиц без диплома, со свидетельством о профессиональной подготовке (CAP) и с удостоверением о профессиональном образовании (BEP), но всего лишь 15% с дипломом о высшем образовании. Чем выше доход, тем ниже процент голосов за Марин Ле Пен (36% с семейным доходом в 1250 евро в месяц и только 19% с доходом более 6000 евро). Регулярно практикующие католики хуже воспринимали НФ, чем не посещающие постоянно церковь (соответственно 22% и 35%). Однако НФ стал проникать в те социальные среды, которые ранее были для него практически закрыты: например, он получил 28% голосов избирателей среднего класса, работающих по найму, опередив в декабре 2015 года и правый список (25%), и список ФСП (25%). Даже государственные служащие, долгое время являвшиеся бастионом Соцпартии, начали склоняться к голосованию за НФ (30%), и партия Марин Ле Пен сейчас опережает и социалистов (26%), и правых (22%).

Более того, намного возросла готовность электората НФ к мобилизации: 79% избирателей Марин Ле Пен, голосовавших за нее в 2012 году, заявили, что они придут поддержать её и на региональных выборах 2015 года, они были отмобилизованы лучше, чем электораты других кандидатов. Эта мобилизованность сочетается с преданностью своему прежнему выбору: 93% проголосовавших за Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 года заявили о готовности поддержать НФ на региональных выборах (только 73% избирателей Саркози и 70% Олланда).

Что же привело к прогрессу НФ на выборах — политика «дедemonизации» Марин Ле Пен или поправление электората? Исследование Нонны Мейер о мотивации женского электората и о причинах ослабления гендерных различий в поведении избирательниц показывает взаимозависимость этих двух процессов. Голосование женщин за фронт объясняется теми же причинами, что и голосование мужчин: нетерпимостью к иммигрантам, евроскептицизмом, низким уровнем образования, ощущением экономической

нестабильности, их позиционированием на правом или крайне правом фланге. Однако фигура Ж.-М. Ле Пена вызывала слишком много страхов, и политика «дедemonизации» и сама личность его дочери помогли снять психологические барьеры в голосовании женского электората.

Символические изменения в программе фронта, в частности ослабление антисемитизма и поддержка концепции равенства полов, способствовали переориентации избирателей на приоритеты НФ (иммиграция и безопасность), на его антиевропейскую и антисистемную идеологию. Но этой переориентации содействовали и объективные условия, вызывающие поправение электората. «Двойная идеология» НФ — с одной стороны, «светская», «республиканская», «равенство полов», «социальная справедливость», а с другой — «антииммигрантская» и «антиисламская» — позволяла и сохранять прежнюю базу, и в неких пределах привлечь новых избирателей⁶⁷.

Марин Ле Пен и «стеклянный потолок»

Оценивая риторические приемы Марин Ле Пен, французские журналисты отмечали, что она является «достойной дочерью своего отца». «То же традиционное, с благоговением в голосе, упоминание Жанны д'Арк, то же неистовство в интонации, такая же склонность к рубленным формулам и вульгарному сарказму, те же навязчивые мысли об «упадке» вечной Франции, тот же высокопарный призыв к объединению «патриотов», чтобы защитить суверенитет страны и находящуюся под угрозой её идентичность, такое же осуждение ослепленной элиты и «касты у власти», такой же поиск корней зла, которые видятся в аномальной иммиграции и порожденном ею разрушительном коммунитаризме. Безусловно, она полностью освоила доктрину, фобии и риторику своего отца»⁶⁸. Различия между ними лишь в одном: отец был «пророком», предвещающим будущие ужасы: массовая иммиграция затопит Францию и французов заменят люди другой национальности и другой расы. Поэтому «надо готовиться к худшему». Однако Марин Ле Пен нацелена на власть, а не на протест, и поэтому она предлагает позитивные решения. Её отец довольствовался тем, что из всех сил бил в колокола, она тоже поднимает тревогу, но чтобы потом всех успокоить. «Умиротворен-

ная Франция», говорила она, это «не просто лозунг, а наша цель, жизненная необходимость»⁶⁹.

Лидеры фронта все чаще стали говорить о возможности победы на президентских выборах. Член руководства НФ Бруно Билд заявил: «Победу, которая нам казалась невозможной, теперь уже нельзя исключить». Жан-Лен Лакапель, другой член руководства фронта, уверяет: «Не существует больше стеклянного потолка. Его сломал Брексит. «Мышиная норка не перестает расширяться», — утверждает Орельен Легран, генеральный представитель объединения *Ressemblement bleu marine*, ассоциированного с НФ⁷⁰. Но эти заявления выдавали желаемое за действительность. У Марин Ле Пен никогда не было таких политических плюсов, но шансов стать президентом у неё по-прежнему было «чрезвычайно мало»⁷¹.

С апреля 2013 по сентябрь 2016 года французские институты изучения общественного мнения провели 38 опросов, и во всех Марин Ле Пен выходила во второй тур президентских выборов 2017 года. Её результаты колебались в пределах 26–30%, и она часто занимала в опросах первое место⁷². Ей не надо было думать о первом туре, она могла сразу ориентироваться на второй тур и призывать к объединению французов на фоне той ожесточенной борьбы, которая развернулась в левом лагере и в правоцентристской коалиции. Не только социально-политическая ситуация работала на неё, но и другие претенденты. После террористических актов, совершенных летом 2016 года, медийное пространство было забито выступлениями политиков по поводу радикального ислама, и их тезисы зачастую вполне соответствовали идеологии НФ. «Отсутствие немедленного экономического краха Великобритании после Брексита, вопреки утверждениям сторонников объединенной Европы, повышала кредитоспособность её предложениям о проведении такого же референдума во Франции»⁷³.

По мнению Н. Мейер, «НФ уже врзался в стеклянный потолок, но не разбил его»⁷⁴. Журналистка Од Лоррио пишет: «Стеклянный потолок выстоял, но в нем появились трещины. НФ разрушил многие барьеры, хотя и не сломал все»⁷⁵.

Несмотря на прогнозы, все же было маловероятно, что Марин Ле Пен соберет большинство голосов во втором туре. Во-первых, потому что НФ вызывал сильное отторжение французов: большинство из них заявляли, что они ни в коем случае не будут голосовать за его

кандидатов. По данным SOFRES, только 28% опрошенных доверяли Марин Ле Пен и лишь 22% полагали, что она будет «хорошим президентом Франции»⁷⁶. И даже попытка Марин отказаться от бренда НФ в своей избирательной кампании не давал результата: её имя намертво связано с фронтом. Во-вторых, НФ по-прежнему рассматривался как партия протеста, а не как партия власти, способная управлять страной. В-третьих, НФ ощущался как антисистемная партия, которая не разделяет общие принципы и ценности, как «партия, которая поляризует политические дебаты и отвергает всех остальных».

Несмотря на стратегию «дедemonизации» французов больше всего тревожила радикальная репутация НФ и крайности в его поведении и идеологии. В начале 2016 года, по данным SOFRES, 56% опрошенных были уверены, что НФ представляет «угрозу для демократии», а 47% считали, что Марин Ле Пен персонифицирует скорее «крайне правую, националистическую и ксенофобскую силу», нежели «патриотическую правую силу, базирующуюся на традиционных ценностях» (41%)⁷⁷. Этот образ являлся отражением политической изоляции НФ во Франции с её избирательной системой, построенной на мажоритарных выборах в два тура, что обязательно предполагает наличие союзников. Из-за репутации антисистемности НФ это было невозможно: по данным SOFRES, 26% французов считали, что партия «Республиканцы» должна сражаться с НФ, и столько же (26%) полагали, что она «должна отказаться от любого политического соглашения с фронтом, не вступая с ним в прямую конфронтацию». Но все же 25% соглашались на союз с крайне правыми на определенных условиях и только 9% выступали за глобальное политическое соглашение с НФ⁷⁸.

В связи с видением будущего НФ французские политологи чаще всего вспоминают судьбу ФКП. Как и НФ сегодня, Компартия в 1946 году, на вершине успеха, получила 28% голосов на парламентских выборах. Чтобы противостоять коммунистам, была организована «третья сила», и ФКП вынуждена была уйти в оппозицию. На парламентских выборах 1951 и 1956 годов она набирала 25% голосов, а в годы Пятой республики (до 1981 года) получала от 20% до 22%, оставаясь в оппозиции. Как писал политолог Ж. Лаво, Компартия «вызывала наиболее сильную реакцию отторжения и враждебности подавляющего большинства общественного мнения»⁷⁹.

Угроза прихода Компартии к власти дисциплинировала избирателей и позволяла правым сохранять власть. В 1973 году, после подписания совместной программы левых сил, президент Франции Жорж Помпиду призвал всех французов объединиться против коммунистов, «которые подчинят каждого власти партии и тоталитарной администрации». Ж. Лаво подчеркивал, что фактически ФКП легитимизировала систему, постоянно критикуя её. Она попала в ловушку своей функции «трибуна» в древнеримском смысле этого слова, которую ей предоставила политическая система. «Именно из этой ловушки Марин Ле Пен сегодня пытается выбраться»⁸⁰. Но стратегия Марин Ле Пен — «ни левые, ни правые» — исключала возможность создания некоего подобия Союза правых сил.

Правоцентристский лагерь: выбор кандидата

Во Франции правые всегда были идеологически расколоты, и в их рядах было множество персональных конфликтов. Правые идеологические течения существовали постоянно, хотя они, конечно, видоизменялись и во многом потеряли свою специфику в последние десятилетия.

В своей классической работе известный французский политолог Рене Ремон вывел три правые исторические традиции: легитимистскую, восходящую к монархии Бурбонов, орлеанистскую, идущую от короля Луи-Филиппа, и бонапартистскую⁸¹. Эта классификация оказалась настолько дальновидной, что до сих пор сравнивают «орлеанизм и жискардизм», «бонапартизм и голлизм», а «саркозизм» называют «необонапартизмом XXI века»⁸². В своей последней, пятой монографии на эту тему, вышедшей в 2005 году под названием «Современные правые», Рене Ремон обозначил эти три течения как «традиционалистское», «либеральное» и «голлистское»⁸³.

В последнее время появились работы, в которых классическая классификация Ремона была подвергнута критике. Например, историк и политолог Жиль Ришар пишет, что человек есть скорее продукт своей эпохи, нежели своих родителей. После Великой французской революции во французском обществе возникло не менее 15 «политических семей» — легитимисты, республиканцы, орлеани-

сты, бонапартисты, либералы, радикалы, социалисты, националисты, христианские демократы, анархисты, коммунисты, аграрии, голлисты и, наконец, экологи. К правой традиции Ришар относит 8 «политических семей» — легитимистов (или традиционалистов, по новой терминологии), орлеанистов (или конституционалистов), бонапартистов, республиканских либералов, националистов, христианских демократов, аграриев и голлистов⁸⁴.

Большинство «политических семей» современной Франции существуют скорее как исторический реликт или практически исчезли. Конечно, сохранились приверженцы королевской Франции и некоторые из них ежегодно 21 января принимают участие в поминальной мессе в память о казни Людовика XVI в 1793 году, но никто не верит в возможность реставрации монархии. Можно найти политика-бонапартиста, но его будут рассматривать как политическое недоразумение. Многие используют имя и идеи Шарля де Голля, дополняя ими свою программу, но голлизм в чистом виде, исповедуемый, в частности, лидером небольшой партии «Debout la France!» («Подъем, Франция!») Николя Дюпон-Эньяном, не может преодолеть 5%-ный барьер на парламентских выборах. Во Франции, безусловно, еще есть политики, которые противопоставляют деревню городу, но эта дихотомия воспринимается уже как карикатура на политическую деятельность. Газета Ouest-France с достаточно высоким тиражом продолжает проповедовать ценности христианских демократов, сформулированные ещё в 1944 году, но от влиятельного в годы Четвертой республики Движения народных республиканцев ничего не осталось. Два правых идеологических течения, по словам Ришара, сохраняют свое влияние — либералы, которые были объединены в 2002 году в Союз за народное движение (СНД), ставший в 2015-м партией «Республиканцы», и националисты, чьи интересы представлял Национальный фронт⁸⁵.

Формирование правоцентристской коалиции в виде СНД немало способствовало ослаблению плюрализма в правом лагере, хотя конфликты сохранились по отношению к процессам глобализации и европейского строительства и национальной идентичности.

Смягчение идеологических противоречий не привело к исчезновению личностных конфликтов и борьбы за власть. Достаточно привести исторические примеры. Жак Ширак против Валери Жискар д'Эстена в 1981 году или Ширак против Раймона Барра в 1988

году, что обеспечило в обоих случаях победу Франсуа Миттерану. В 1995 году Ширак столкнулся с премьер-министром Эдуаром Балладюром, несмотря на то что две правоцентристские партии — Объединение в поддержку республики (ОПР) и Союз за французскую демократию (СФД) — подписали хартию о проведении праймериз перед президентскими выборами 1995 года. Хотя и Ширак, и Балладюр входили в состав ОПР, но Балладюр заручился поддержкой СФД и стал конкурентом Ширака, который все же одержал победу. Несмотря на создание Союза за народное движение — республиканской правой партии во главе с Николая Саркози, ему пришлось дважды — в 2007 и 2012 годах — вступить в «братоубийственную войну» с центристским лидером Франсуа Байру.

После 2012 года и временного ухода Саркози из политики конфликты в правоцентристском лагере умножились и обострились. В 2014 году жесткая схватка разгорелась за пост председателя партии СНД между Н. Саркози, бывшим министром сельского хозяйства Брюно Ле Мэром и бывшим министром заморских территорий Эрве Маритоном. Победил Саркози, на съезде партии 29 ноября 2014 года набравший 64,5% голосов делегатов, тогда как Ле Мэр — 29,1%. Вспоминая атмосферу съезда, один из его делегатов сказал: «Все в конфликте со всеми, остались лишь соперничество и взаимная ненависть»⁸⁶. В правоцентристском лагере сильно ожидание providенциального лидера, который, как Шарль де Голль, сплотит всех. Именно на этих ожиданиях строил свою стратегию Саркози.

Подготовка праймериз

Чтобы борьба амбиций приняла цивилизованный характер, лидеры республиканцев решили 20 и 27 ноября 2016 года провести праймериз, открытые для всех избирателей и с участием центристов. Концентрация внимания на первичных выборах правоцентристской коалиции была вполне объяснима: как уверял Тьерри Солер, ответственный за их организацию, «победитель этих праймериз получает огромную возможность стать будущим президентом Франции»⁸⁷.

Решение провести праймериз поддержал Саркози — к тому времени глава Республиканской партии (РП). Чтобы компенсировать свою непопулярность в общественном мнении, Саркози применил,

как писал известный французский политолог Жером Жаффре, «стратегию последовательного завоевания ядерных групп электората» (сначала активистов партии, что позволило ему стать вождем правой оппозиции, а затем электората «Республиканцев», который, по его мнению, должен доминировать на первичных выборах)⁸⁸. Одновременно стало ясно, что плебисцитарный принцип выдвижения кандидата в президенты от РП исчерпал себя. «Вождизм», свойственный голлистской традиции, плохо воспринимался французами, испытывающими повышенное недоверие к политикам. К тому же большинство амбициозных лидеров республиканцев хотело любым способом остановить Саркози и видело в праймериз идеальный способ ограничения экспансии бывшего президента Франции. Наконец, республиканцы опасались повторения прецедента 2002 года, но со сменой ролей: вдруг Олланд справится с безработицей и выйдет вместе с Марин Ле Пен во второй тур.

После регистрации на праймериз избиратели должны были подписать хартию о том, что они «разделяют ценности правых и центристов», поддерживают идею смены власти, и заплатить 2 евро. Чтобы участвовать в праймериз, кандидат должен был собрать поручительства 250 народных избранников разных уровней («нотаблей»), в том числе не менее 20 депутатов Национального собрания или сенаторов, распределенных по крайней мере в 30 департаментах, а также 2500 членов партии, представляющих не менее 15 департаментов. Эти правила не распространялись на кандидатов от партий, являющихся союзниками РП, что позволило Жану-Фредерику Пуассону, совершенно неизвестному во Франции и президенту небольшой Партии христианских демократов, участвовать в первичных выборах. Кандидаты, проигравшие праймериз, были обязаны не только отказаться от выдвижения своей кандидатуры, но и поддержать победителя⁸⁹. В мае 2016 года 75% французов, по опросу компании социологических исследований ODOXA, одобрили проведение правоцентристских праймериз⁹⁰.

Благодаря жёсткой системе отбора из 13 политиков, пытавшихся принять участие в праймериз, кроме Пуассона, прошли лишь 6 кандидатов — бывший президент Франции Николя Саркози, два бывших премьер-министра, Ален Жюппе и Франсуа Фийон, и три бывших министра — Жан-Франсуа Копэ, Брюно Ле Мэр и Натали Костюшко-Моризе.

По опросу, проведенному в июне 2016 года институтом изучения общественного мнения ELABE, только четыре кандидата получали более 10% голосов на праймериз: бывший премьер-министр Ален Жюппе (1995–1997), ныне мэр города Бордо, самый старший участник выборов (ему было 70 лет) с результатом в 39%; бывший президент Франции Николя Саркози, председатель партии «Республиканцы» — 29%; бывший министр сельского хозяйства Брюно Ле Мэр, самый молодой кандидат президентской гонки (ему всего 46 лет) с результатом 12%; и наконец, Франсуа Фийон, бывший премьер-министр в правительстве Саркози — 11%⁹¹.

Первоначально Ле Мэр и Фийон являлись жертвами дуэли между фаворитами, порожденной медиа и подкрепленной опросами, однако они не теряли надежды, а Фийон всё время сохранял оптимизм. Для него опросы, проведенные летом 2016 года, не имели значения. «В сентябре мы узнаем, кто является кандидатом, и можно будет проводить опросы, когда французы поймут, что это национальные выборы. В этом вся проблема: люди пока не различают, какие это выборы — национальные или партийные»⁹².

Николя Саркози против Алена Жюппе: социологический анализ⁹³

В этой «войне вождей» у Жюппе был огромный перевес: в мае 2016 года он опережал Саркози на 12 пунктов (39% против 27%). Опросы и пресса предрекали легкую победу бывшему премьер-министру. В марте 2016 года еженедельник «Экспресс» писал: «Кажется, ничего не может остановить Жюппе в гонке за президентское кресло»⁹⁴. В мае «Экспресс», правда с рядом оговорок, вновь объявил Жюппе фактическим победителем предстоящей президентской гонки: «на скачках он далеко впереди, что позволяет предположить легкую победу в 2017 году»⁹⁵.

Главной проблемой Саркози являлось стремление к обновлению власти во французском обществе. В мае 2016 года 78% французов не желали избрания Саркози в 2017 году, согласно опросу, проведенному ODOXA⁹⁶. Во французской прессе даже появился лозунг: «Кто угодно, только не Саркози». Как писал тогда Паскаль Перрино, французы не приемлют матч-реванш Олланд–Саркози. «В то время,

когда все изменилось, когда Франция увязла в кризисе, мы остаемся единственной страной в мире, которая выйдет на матч с прежней командой. Возникло ясное желание обновления»⁹⁷.

Французские социологи изучали «феномен Жюппе» и пытались объяснить его доминирование в электорате в тот период. По словам Ж. Жаффре, «главное оружие Жюппе заключается в том, что он является воплощением неприятия Саркози»⁹⁸. Однако выводить популярность Жюппе только из провалов политических соперников и их слабостей было бы неверно. Жером Фуркэ из французского института общественного мнения IFOP писал: «Даже если это электоральный пузырь, то он удивительно стабилен и прочен»⁹⁹. По опросам, в первом туре президентских выборов Жюппе получал более широкую поддержку электората, чем другие кандидаты «Республиканцев», и опережал Марин Ле Пен, которой было бы гораздо удобнее сражаться с другими претендентами от правого лагеря. По опросам, к естественному правому электорату (около 20%) присоединялись избиратели, которые поддерживали лично Жюппе и его идеи. Социологические исследования показывали, что потенциальные избиратели различных правоцентристских кандидатов разделяли одно и то же идеологическое кредо, и прежде всего ценности порядка и безопасности. Однако такие ценности, как равенство, братство, справедливость и светский характер государства, сторонники Жюппе оценивали выше, чем потенциальные избиратели Саркози.

Именно это объясняло привлекательность Жюппе для центристского и даже левоцентристского электората¹⁰⁰. По исследованию Sofres, 47% французов относились к Жюппе «хорошо», а 34% — «плохо». Они признавали в Жюппе такие черты характера, как настойчивость (63%), серьезность (62%), компетентность (54%), качества президента (45%). Среди его недостатков называют негибкость (55%), технократизм (54%), холодность (47%). Возраст в качестве недостатка называли только 39%, но 51% — обвинительное заключение суда о растрате государственных средств в 2004 году¹⁰¹. Сопоставление образов Жюппе и Саркози, проведенное IFOP в июле 2016 года¹⁰², показало, что если имидж Жюппе формировался на основе таких понятий, как объединение французов, серьезность и честность, то в образе Саркози заметнее проявлялись такие черты, как динамизм и властность. По этим характеристикам Саркози

значительно опережал Жюппе, но французы сомневались в его способности объединить правоцентристских избирателей и победить на президентских выборах¹⁰³.

Сохранился ли идеологический плюрализм в правом лагере?

Правоцентристские лидеры и их электорат идеологически стал гораздо однороднее, чем раньше. По поводу принятия программы «Республиканцев» либеральная газета *Le Figaro* отмечала, что в партии происходит «война личностей и мир идей». В передовой статье журналист Г. Табар отмечал: «Никогда правые не знали такого идеологического единства в противостоянии левым, которое никогда не было до такой степени непреодолимо»¹⁰⁴. Особенно явно это проявлялось в социально-экономической области. Правоцентристские лидеры отстаивали принципы экономического либерализма: повышение пенсионного возраста, возвращение к рабочей неделе в 39 часов, сокращение налогов на бизнес, уменьшение расходов государства и численности государственных чиновников. Проект «Республиканцы-2017» знаменовал разрыв с социальным договором, появившимся в результате «славного тридцатилетия», как знаменитый французский экономист Жан Фурастье назвал быстрый экономический рост после окончания Второй мировой войны. Их предложения различались только в нюансах и деталях, в степени готовности демонтировать «государство всеобщего благоденствия» (*L'Etat-providence*).

После Брексита в предвыборной борьбе на первый план вышла проблема места Франции в Европе. На чрезвычайном заседании политбюро партии «Республиканцы» Саркози, Жюппе и Фийон выработали общую резолюцию: главными принципами партии были объявлены «подлинная перестройка Европы, инициативу которой Франция и Германия должны взять на себя», полное прекращение расширения ЕС и категорический отказ от включения в нее Турции, уважение европейских границ и переход к «Шенгену № 2», создание экономического правительства зоны евро и внедрение принципа субсидарности. Партия также потребовала немедленного начала переговоров о выходе Великобритании из ЕС. Разногласия, которые,

правда, не затронули суть резолюции, начались сразу же. Кандидаты на праймериз «Республиканцев», конечно, отвергли предложение Марин Ле Пен провести во Франции референдум по типу Брексита, но разошлись по поводу проведения референдума о новом европейском договоре. Brexit выявил также традиционное размежевание среди правых: сторонников идеи «Европы отечеств» Ш. де Голля, или, в модернизированной интерпретации, «конфедерации государств-наций», которая должны заменить ЕС, и подавляющего большинства лидеров партии «Республиканцы», которые ориентированы на продолжение европейского строительства с внесением существенных корректив¹⁰⁵.

Французские политологи отмечали, что отношение к интеграционным процессам стало важным фактором политического выбора, вполне сопоставимым с позиционированием на оси левые — правые. Французы, согласно опросам, перестали оспаривать необходимость оставаться в ЕС: в марте 2011 года лишь 19% опрошенных сочли «отрицательным фактором» принадлежность к Европе (но 32% подданных Великобритании). В большей степени проявлялось чувство «безразличия»: треть французов заявили, что быть в Европе «ни хорошо, ни плохо». Позитивное отношение к европейской интеграции выявилось больше всего среди дипломированных и с высоким уровнем доходов французов. Отвечая в 2016 году на вопрос: «Какие чувства вы испытаете, если Франция завтра покинет ЕС?» — 63% дипломированных менеджеров и специалистов, 64% лиц с университетским образованием или выпускников «больших школ» (самых известных и престижных вузов) и 64% французов с ежемесячным доходом свыше 6000 евро на семью заявили о «своем сильном огорчении» (лишь 27% рабочих были бы «сильно огорчены», а 34% почувствовали бы «настоящее облегчение»; примерно такое же соотношение среди лиц с низким уровнем образования, соответственно 28% и 34%).

Иначе говоря, очевидно различие между выигравшими и проигравшими в результате глобализации и европейской интеграции. Социальные группы, которые благодаря своему образованию и профессиональной компетентности адаптировались к открытой экономике, поддерживали европейскую интеграцию в её экономических и культурных аспектах. Слабый уровень адаптивности и материальной обеспеченности способствовал национальной самоизоляции

ции и повышенной потребности в патерналистской опеке со стороны государства.

Антиевропейские настроения сильнее всего проявляются на крайне правом и крайне левом полюсах французской политической жизни. 57% избирателей Национального фронта испытали бы «настоящее облегчение», если бы Франция покинула ЕС, это чувство испытала примерно четверть избирателей левого спектра (Компартии, Лево́й партии и др.). В электорате левоцентристских и правоцентристских партий доля таких избирателей не превышала 10%¹⁰⁶.

Смена парадигмы

После волны террористических атак 2015–2016 годов наряду с проблемой европейской интеграции первостепенной темой политической борьбы стал уровень авторитаризма государственной власти. Этому способствовали избирательные успехи Национального фронта, всплеск забастовочного движения, бессилие властей ЕС в борьбе с иммиграцией, критика правоцентристскими лидерами «слабостей» антитеррористической политики правительства социалистов, которое Саркози считал «впавшим в оцепенение», все более проявляющиеся «голлистские» акценты в выступлениях депутатов парламентской оппозиции. Исследования CEVIPOF демонстрировали растущее желание граждан более авторитарных мер. Например, 50% опрошенных согласились с идеей, что во главе Франции должен находиться «сильный человек, который не зависит ни от парламента, ни от выборов»¹⁰⁷.

Для кандидатов на праймериз «Республиканцев» эта потребность в более авторитарном государстве создала непростую проблему: потакать этим желаниям, надеясь получить голоса сторонников Национального фронта, означало бы отпугнуть центристов. И наоборот, шаги навстречу центристским избирателям могли вызвать сильное разочарование той части общества, которая надеялась на кардинальное обновление политики государства в борьбе с терроризмом. Исследования показывали, что поиск авторитарных решений мог проявляться в обществе в различных формах. Он мог выражаться, во-первых, в готовности предоставить власти практически «королевские» прерогативы, в желании вернуться к голлистской

концепции «республиканского монарха», во-вторых, в стремлении обеспечить максимальную безопасность Франции, защитить её от внешних врагов («охранительный тренд»), и в-третьих, в поиске сохранения национальной идентичности, подвергшейся мощной атаке глобализации и в связи с появлением новых, достаточно агрессивных общин.

В предвыборной борьбе социально-экономическая тематика все более и более заменялась темой национальной идентичности и места ислама во французском обществе. Правые политики прославляли героев, входящих в национальный пантеон, — Хлодвига, Жанну д'Арк, Бонапарта. Все главные участники праймериз с ностальгией говорили о «вечной» Франции, которой угрожает упадок. И тон здесь задавал Саркози, который был уверен, что экономика вторична, а главной темой выборов станет идентичность: «В кампании на первом плане будут проблемы Франции, Республики, французской культуры, с двумя основными вопросами — что значит быть французом и чем станет Франция»¹⁰⁸. В своей книге он писал о Франции, подточенной «напряженностью, смятением и гневом»¹⁰⁹. Основой его философии было неприятие «эгалитаризма», наследия «мая 1968 года» и ставка на восстановление сильного государства. С его точки зрения, французская идентичность должна доминировать над личными идентичностями. Обращаясь к молодёжи, Саркози утверждал: «Какой национальности ни были бы ваши родители, в тот момент, когда вы становитесь французами, ваши предки — это галлы и Верцингеторикс*»¹¹⁰. Иначе говоря, галлами не рождаются, ими становятся, как им стал сам Саркози, сын венгерского дворянина-протестанта и внук еврея-сефарда.

За ним подтягивались и другие правые, призывающие поднять трехцветное знамя Франции в школах и распевать в них в обязательном порядке «Марсельезу» (Ж.-Ф. Копэ) или внести в Конституцию понятие христианских корней Франции (депутат европарламента Надин Морано). Она уверяла, что Франция — это «страна белой расы», которая «приняла слишком много мусульман», что «нарушило культурное равновесие и нанесло удар по нашему образу жизни»¹¹¹. Все это находило широкий отклик среди избирателей

* Вождь галлов в борьбе с Римом за независимость.

партии «Республиканцы»: 84% её сторонников были согласны с мнением, что «ислам пытается навязать другим свой образ жизни», 73% говорили, что «больше не чувствуют себя дома как прежде», и 62% утверждали, что «иммигранты не пытаются интегрироваться во французское общество»¹¹².

В области национальной идентичности кандидаты на праймериз занимали достаточно радикальные позиции. Они требовали, чтобы «свобода отправления религиозного культа была совместима с уважением других культов и с законами республики». Они призывали запретить ношение видимых религиозных символов в государственных учреждениях. Это касалось хиджабов и в еще большей мере никабов¹¹³.

Что касается Жюппе, то он пытался сочетать радикальные предложения с толерантными идеями. По его мнению, «есть вещи неприемлемые, другие требуют разумного приспособления». Салафитские мечети должны быть закрыты, а «имамы, оспаривающие нашу концепцию общественного блага или не признающие равенства между мужчинами и женщинами, изгнаны». Напротив, Саркози выступает с весьма радикальными предложениями: он объявил себя сторонником нулевой терпимости к общинным практикам в школах, требовал запретить хиджабы и никабы в университете и конфессиональное питание в столовых, поставить имамов под контроль государства и высылать тех, чьи «проповеди не соответствуют интересам Республики»¹¹⁴.

После трагедии в Ницце в июне 2016 года из всех своих проблем французы ставили на первое место «безопасность и борьбу с терроризмом» (58% опрошенных), намного опережающую безработицу (17%). В штабе Саркози были уверены, что по этой проблематике бывший президент «не имеет соперников в общественном мнении Франции» и пользуется «большей кредитоспособностью, чем его соперники», ибо он «человек с твердой рукой»¹¹⁵. В результате дискурс Саркози все время ужесточался. В своей предвыборной речи в городе Лилле (полуофициальной) Саркози фактически объявил себя противником Жюппе, выступив против его идеи «разумной адаптации» иммигрантов. Он назвал нового врага Франции — «тиранию меньшинств», которые диктуют свои законы «молчаливому большинству». Он перечислил множество заговорщиков: «Кучка лицеистов, которые блокируют лица, за-

дисты*, блокирующие строительство аэропорта, туристы, блокирующие автодороги, громилы, которые блокируют нефтеперерабатывающие предприятия, радикальные исламисты, которые превращают жителей целых кварталов в заложников». По его словам, невозможно «защитить светский характер» государства, если не предложить новый национальный проект. С его точки зрения, это предполагает, что «каждый включается в историю страны, в её принадлежность к христианской традиции». Он резко критиковал замену «национального государства постнациональным», «делающим из нации юридическое пространство», в котором расцветает «мультикультурное общество», безразличное к национальной истории и культуре¹¹⁶.

Жюппе сразу же отреагировал на выступление Саркози. Он заявил, что не принимает «...почти невротическую концепцию идентичности. Для меня идентичность не рифмуется с исключением другого. Она рифмуется с разнообразием и единством». Если Саркози настаивает на «ассимиляции», то Жюппе был согласен на «интеграцию», что предполагает «уважение разнообразия и утверждение единства». «Мы, французы», — говорит он, — разные. У нас не одно и то же происхождение, даже не один и тот же цвет кожи, не одна религия, не одинаковые верования. И это разнообразие, которое восходит к далеким временам, есть наше богатство, наша сила. И не надо пытаться стереть все это, стремясь залить нас в одну и ту же форму»¹¹⁷.

Все лидеры правоцентристской коалиции выступали за укрепление репрессивного аппарата государств. Они предлагали создать крупное министерство внутренних дел или безопасности, увеличить число мест во французских тюрьмах (Жюппе — на 10 тыс., Фийон — на 16 тыс. а Саркози — даже на 20 тыс.), для рецидивистов отменить принцип автоматического сокращения наказания, восстановить правило «минимального наказания» (*peines planchers*), отмененного социалистами (то есть нельзя будет присудить срок ниже минимального по определенной статье, несмотря на смягчающие обстоятельства), снять все ограничения для применения «двойного наказания» для иностранцев (тюремный срок, а потом

* Воинствующие экологи.

высылка из Франции). Бывший президент Франции был даже готов идти намного дальше и предлагал запретить приезд во Францию любому иностранцу, осужденному на тюремный срок свыше 5 лет, и высылать «бессрочно» из страны любых иностранцев или граждан с двойным гражданством, которые связаны с «террористической деятельностью или сетью террористов». Он призывал считать посещение джихадистских сайтов правонарушением, изгнать из страны всех иностранцев, включенных в так называемую картотеку S (разыскиваемых лиц), а на французов, зарегистрированных в ней, надеть электронный браслет; создать центры дерадикализации, изолировать всех заключенных, осужденных за преступления, связанные с исламом. И наконец, он предлагал разрешить префектам немедленно закрывать любые места культа, в которых существуют хоть какие-то отношения с салафитами, и сразу же высылать тех имамов, которые там проповедуют¹¹⁸.

Границы правового государства стали еще одной темой, которая приобрела важнейшее значение в предвыборной борьбе. Через несколько часов после убийства священника, отца Амели, совершенного двумя террористами, один из которых был незадолго до этого отпущен судьей с электронным браслетом, Саркози созвал пресс-конференцию. Он заявил: «Мы должны быть безжалостными. Нельзя принять того факта, что юридические хитросплетения, меры предосторожности, всякого рода предлоги мешают нашей деятельности». Иначе говоря, бывший президент республики, как писал еженедельник «Экспресс», обвинил исполнительную власть «в чрезмерном уважении к конституции и правовому государству, считая эту позицию тормозом в борьбе против терроризма»¹¹⁹.

Другой темой стал запрет, введенный мэрами ряда городов на появление в публичных бассейнах или на пляже женщин в буркини. Этот запрет «во имя морали и уважения принципов светского государства» был широко поддержан правыми политиками, но отменен Государственным советом как «наносящий серьезный удар по фундаментальным свободам и полностью незаконный». Он вызвал полное непонимание международной прессы, которая признала его «идиотским», «сексистским», «актом чрезмерного фанатизма». Саркози воспользовался этой дискуссией, чтобы потребовать принятия закона, запрещающего ношение буркини, а Жюппе дистанцировался от этого подхода.

Фактически происходило сближение позиций Саркози и Марин Ле Пен в сфере безопасности при сохранении разногласий в социально-экономической и во внешнеполитической областях. Порой Саркози даже превосходил её в жесткости подхода к решению проблем безопасности. Марин Ле Пен заявляла, что она выступает за сохранение правового государства, тогда как для Саркози право должно было эволюционировать в соответствии с требованиями борьбы с террористами. Они предлагали отменить (Марин Ле Пен) или резко ограничить (Саркози) получение гражданства по праву «почвы». Оба желали ликвидировать или ограничить «объединение» семей. Саркози фактически взял у Национального фронта его лозунг о национальном «приоритете», заявив, что «необходимо ввести пятилетний срок пребывания в стране иностранцев, прежде чем они смогли бы воспользоваться социальными пособиями»¹²⁰. Саркози сделал ставку на защиту национальной идентичности (борьба с буркини и халяльной едой в столовых: «Пусть едят картофель фри!»), и это привело к тому, что его идеология стала правее программы Марин Ле Пен. Как писал еженедельник «Пуэн», «еще немного и можно было бы воспринимать мадам Ле Пен как умеренного государственного деятеля высокого полета»¹²¹.

Напротив, Жюппе воплощал идею объединения и пытался преодолеть идейно-политическое размежевание между правыми и центристами. Даже будучи правым политическим деятелем, он стремится подчеркнуть надпартийный характер своей идеологии и готов был призвать к себе на помощь левых избирателей. Его программа носила толерантный характер и подразумевала интеграцию иммигрантов, а не их ассимиляцию.

Как правильно отмечали французские аналитики, 14 июля, день террористического акта в Ницце, разделил медийное время на два периода: до и после. До этой даты пресса писала об отношениях Макрона и Олланда, обсуждала проблему морального права Саркози совмещать пост президента партии «Республиканцы» и кандидата на праймериз, французы говорили о Брексите и чемпионате Европы по футболу. И потом Мухамед Бушель убил в Ницце 84 человека, и все изменилось¹²². В этот ответственный момент Жюппе должен был улететь во французскую Полинезию, за 20 тыс. км от Парижа. И его штаб решил не откладывать поездку. В результате Жюппе оказался

далеко от Франции и в тот день, когда террористы убили отца Амеля в церкви Сен-Этьен-дю-Рувре.

Терроризм на какое-то время стал главной темой избирательной кампании. По этому поводу Саид Маран, главный редактор еженедельника «Пуэн», писал: «Если французы и признают множество недостатков Николя Саркози, у них нет сомнения, что от него исходит эманация власти, силы и энергии, которые, правда, могут восприниматься как простая агрессивность. Но когда речь идет об угрозе интересам страны, французы скорее склоняются к такому политик, как Николя Саркози, нежели к Алену Жюппе, который проповедует мультикультуризм, совместную жизнь и риторику, схожую с левыми идеями. Такой дискурс абсолютно неприемлем для значительной части сторонников правых. В этой ситуации часть правого электората радикализируется, особенно в сфере иммиграции, безопасности и приема беженцев. Они требуют более жесткого подхода. Следовательно, Жюппе противостоит общественному тренду»¹²³. **Но вся стратегия Саркози не была способна сломать неготовность французов принять его возвращение в Елисейский дворец, не говоря уже о том, что в этот период он находился под следствием сразу по двум уголовным делам. По данным компании ELABE, 79% опрошенных не желали его победы на президентских выборах, 67% избирателей правоцентристской коалиции предпочитали ему Жюппе**¹²⁴.

Неожиданная победа Фийона в первом туре

Победителем первого тура праймериз правоцентристов неожиданно стал бывший премьер-министр Франсуа Фийон, который намного опередил обоих фаворитов — Алена Жюппе и Николя Саркози. Фийон получил 44% голосов, Жюппе — 28%, Саркози — 20%.

Внезапный взлет Франсуа Фийона в опросах общественного мнения нарушил привычную картину дуэли мэра Бордо Алена Жюппе и бывшего президента Франции Николя Саркози, которая происходила в течение 2016 года. В январе 2016 года Фийон и бывший министр сельского хозяйства Брюно Ле Мэр делили 3–4 место с результатом 9%, значительно отставая от лидеров, набравших более чем на 20 пунктов больше (Жюппе — 44%, а Саркози — 32%, дан-

ные опроса IPSOS). Но за десять дней до первого тура опросы уже давали Фийону 22% голосов, и дуэль превратилась в «матч на троих».

Это была полная неожиданность для штаба Жюппе. Фийон воспринимался долгое время как «неудачник», проигравший в 2012 году борьбу за пост президента Союза за народное движение. Все помнили, как Саркози, представляя Фийона в 2007 году в качестве премьер-министра, назвал его своим «сотрудником». «Все эти обиды и поражения Фийон сумел пережить, не моргнув глазом, и добиться настоящего реванша»¹²⁵. Казначей кампании Жиль Буайе писал после праймериз: «В течение 800 дней, с 20 августа 2014 года, когда Жюппе выдвинул свою кандидатуру, до 20 ноября 2016 года, я ни одной минуты не сомневался в его победе». «Как в хорошем детективе, катастрофа, которая произошла, пришла оттуда, откуда её никто не ожидал. Она случилась в тот момент, когда все были уверены в победе. Никто не мог предположить такого поворота событий. И эта катастрофа дала победу тому кандидату, которого все считали проигравшим». Он назвал поражение Жюппе «проклятием фаворита»¹²⁶.

Последний опрос IPSOS, завершившийся за день до первого тура праймериз, уже вывел Фийона в лидеры с результатом 30% (прирост за пять дней 8 пунктов), тогда как его соперники набрали по 29%, причем Жюппе потерял 7 пунктов, а Саркози сохранил свои позиции. Динамика продвижения Фийона носила феноменальный характер — более 20 пунктов за менее чем 40 дней. Никто не прогнозировал столь масштабного прорыва.

Первый раз рейтинг Фийона вырос после выхода его книги «Победить исламский тоталитаризм» (с 9,5% в начале сентября до 11,5% в начале октября). Во время дебатов и выступлений по телевизору Фийону удалось доказать избирателям, что он является абсолютно самостоятельным политиком. На дебатах, проходивших 13 октября, он только разъяснял свою программу, не входя в конфликт с другими кандидатами, в то время как Саркози устроил перебранку, нападая на центриста Байру, союзника Жюппе, а мэр Бордо призывал к союзу с центристами. На этом Фийон заработал первые 4 процентных пункта. Его рейтинг поднялся до 13%. После вторых дебатов, которые состоялись 3 ноября, когда Фийон призвал совместно с Путиным разгромить ИГИЛ (запрещено в России), защитить христиан и запретить въезд во Францию тем французам, которые сра-

жались на стороне террористов, что пришлось по сердцу многим правым избирателям, он дошел до 16%. Перед вторым туром IFOP дал Фийону уже 27%. 25 ноября в ходе теледебатов Фийон одержал убедительную победу.

На первый тур пришли 4,3 миллиона избирателей, а на второй — 4,5 миллиона, то есть в 9 раз меньше, чем во время президентских выборов. Поэтому голосование даже одного процента избирателей способно изменить результат. Известно, что во время первичных выборов избиратели принимают решение гораздо позже: не за два месяца, как это происходит перед президентскими выборами, а в последние две недели. Как отмечал М. Фуко, директор CEVIPOF, «вероятность перехода от голосования за Брюно Ле Мэра к поддержке Франсуа Фийона намного выше, чем от голосования за Меланшона к голосованию за Саркози»¹²⁷. 92% тех избирателей, которые с января по ноябрь 2016 года заявляли хотя бы один раз, что они точно пойдут на первичные выборы, изменили свои планы, или отказавшись голосовать, или сменив кандидата. Больше всего этот процесс затронул электорат Фийона, 94% избирателей которого ранее изменили свой выбор в его пользу. Электорат праймериз был чрезвычайно неустойчив: почти половина (48%) сделала свой выбор в последние две или три недели, в том числе 15% в последние два дня¹²⁸.

Электорат Фийона первоначально увеличивался за счет избирателей Брюно Ле Мэра, который растерял своих избирателей (получил всего 2,5%). Но и Ален Жюппе превратился в «колосса на глиняных ногах». Он набирал 41% в октябре, 36% в ноябре и всего 28% в первом туре. Социолог Жером Фурке и политгеограф Эрве Ле Бра объяснили неудачу Жюппе его ориентацией на левоцентристских избирателей, которые пришли голосовать за него, чтобы преградить дорогу Саркози. Левые избиратели составляли 17% электората первого тура праймериз, но 30% избирателей Жюппе (10% Фийона и 7% Саркози). Если сопоставлять электораты, то контраст становится поразительным: за Жюппе голосовали 52% левых и 51% правоцентристских избирателей. Напротив, Фийона поддержало большинство (51%) сторонников Республиканской партии и 43% избирателей НФ. В самом электорате РП мэр Бордо набрал лишь 19% голосов, а Саркози — 27%. Это означало, что политическая линия Жюппе была в меньшинстве среди собственного электората РП и его результат определялся скорее внешними по отношению к правым

партиям избирателями, то есть теми, которые, голосуя за него, хотели прежде всего преградить путь Саркози¹²⁹.

Представляется, что непосредственно перед первым туром на сторону Фийона перешла часть избирателей Саркози, которые поддерживали его как «отчетливо правого» против слишком центристского Жюппе, и перестали делать ставку на экс-президента, когда поверили в успех более близкого им Фийона и возник «эффект снежного кома». За две недели до первого тура известный журналист Эрик Земмур писал, что самые правые избиратели выбирали Николая Саркози, чтобы преградить путь Жюппе. Но эта плотина стала давать течь. И тогда многие повернулись к Фийону, особенно в последние дни перед первым туром¹³⁰. Саркози сделал ставку на тех избирателей, которые были или близки к НФ, или колебались в своем выборе между НФ и РП, но, как показывает политгеографический анализ коммун, руководимых мэрами-«фронтистами», этот тип электората предпочел Фийона. Они выбрали кандидата, который в большей степени соответствовал их представлению о классическом правом президенте¹³¹. Таким образом, Фийон сумел воспользоваться слабостями своих конкурентов — центристской ориентацией Жюппе и импульсивностью Саркози (вряд ли консервативную буржуазию могли мобилизовать призывы не пускать женщин в буркини на пляжи или предложение заставить мусульман есть картофель фри). Президент института изучения общественного мнения Elabe Бернар Санане отмечал, что Фийон «нашел идеальное равновесие между экономической темой и проблематикой властных полномочий, между ценностями свободы и власти. Он воплощал сдержанный разрыв с прежним режимом. Он выглядел менее мстительным и более системным, нежели Николай Саркози. И казался более радикальным, нежели Ален Жюппе, сделавший ставку на объединение правых и центристов»¹³².

Фийон сумел также найти слоганы и месседжи, которые были близки традиционной буржуазии, людям старших возрастов, предпринимателям. Своей либеральной программой в духе Маргарет Тэтчер ему удалось соблазнить те группы избирателей, которые были ориентированы на радикальные перемены в социально-экономической сфере. Фийон вышел на праймериз с жесткими инициативами по либерализации экономики. В его программе были отказ от лимита рабочих часов в течение недели, повышение пен-

сионного возраста, снижение пособий. Кроме того, он постоянно делал упор на поддержку семьи и традиционных семейных ценностей, что, безусловно, отвечало идеологии традиционной буржуазии.

Важным фактором успеха Фийона стала его стратегия завоевания избирателей. Патрик Стефанини, руководитель его штаба, один из лучших политтехнологов Франции, провел обычную для российской политики операцию, но почему-то не очень принятую во Франции: разложил в почтовые ящики полтора миллиона газет, освещающих позиции кандидата, — чтобы пенсионеры, основная избирательная категория на первичных выборах, сумели спокойно ознакомиться с его программой — «15 главных мер»¹³³. По словам Стефанини, Жюппе слишком рано стал ориентироваться на достижение результата во втором туре и сбавил обороты. Напротив, команда Фийона постоянно работала на максимуме.

Штаб Фийона провел митинги практически на всей территории Франции: 64 — в 40 департаментах, тогда как его конкуренты предпочитали выступать реже, но в больших залах и в крупных городах (Саркози провел 32 митинга, Жюппе — 40 примерно в 25 департаментах). И если его конкуренты выбирали те регионы, в которых они исторически доминировали (Жюппе — запад Франции, особенно департамент Жиронда, а Саркози — районы, расположенные западнее Парижа, где он был мэром и депутатом, и юго-восток Франции, где у него были прочные позиции в электорате), то Фийон не ограничивался исторически связанными с ним регионами, но и вторгался на территорию противника. Ему удалось победить и на западе Франции, где позиции Жюппе традиционно весьма сильны, и на территориях Саркози. Даже в тех регионах, где Национальный фронт получил наибольший результат в 2012 году, Фийон обошел Саркози, который делал все, чтобы привлечь избирателей Марин Ле Пен¹³⁴.

Второй тур праймериз

После победы Фийона в первом туре с невероятным результатом в 44% Жюппе был явно деморализован, но не сложил оружия и решил провести вторую кампанию, противопоставив свой проект

проекту Фийона. На следующий день после первого тура он обрушился на программу Фийона. Он заявил, что «тэтчеризм на французский лад» находится «в тысяче лье от реальности» и объявил нереальным план сокращения численности госслужащих на 500 тысяч человек. По его словам, «этот неправдоподобный проект вызовет во Франции новую спираль разочарования и недоверия к политическим лидерам»¹³⁵. На митингах мэр Бордо назвал Фийона «традиционалистом», «ретроградом», политиком «испытывающим ностальгию по старому порядку», в частности по проблемам положения женщины в обществе. Произошла резкая смена ролей: до первого тура Фийон критиковал программы Саркози и Жюппе, которые практически не замечали его предложений. С 20 ноября он стал мишенью, интенсивно обстреливаемой сторонниками Жюппе.

Команда Фийона решила отвечать на каждое обвинение. Фийон противопоставил свои решительные реформы чрезмерной осторожности Жюппе. «Я реально хочу покончить с рабочей неделей в 35 часов, а не провести мнимую реформу»¹³⁶. Говоря о своем намерении пересмотреть закон Тобира о «браке для всех» (в вопросе о предоставлении гомосексуальным семьям право на усыновление детей), Фийон, выступая перед активистами католической организации «Sens commun» («Здравый смысл»), заявил: «Я верну семью в центр общественной политики. Для меня семья является ценностью, а не строчкой в бюджете и в ещё меньшей степени предметом смелых экспериментов в обществе». Говоря о своем отношении к абортам, он подчеркнул, что его личное негативное отношение к ним не коснется закона о добровольном прерывании беременности, предоставляющего возможность их оплаты. «После того как меня объявили ультралибералом, мне приписывают черты средневекового реакционера. Все это полный гротеск и абсолютно смехотворно», — заявил он, выступая перед поддержавшими его правоцентристскими депутатами.

В соответствии с принципом партийного товарищества на помощь Фийону фактически пришли все «нотабли» Республиканской партии. В праволиберальной газете «Фигаро» появилось письмо 215 депутатов правоцентристской коалиции, в котором осуждались попытки Жюппе очернить бывшего премьер-министра в ходе теледебатов.

Деятельность Жюппе вызвала протест даже в самом его окружении. Первоначально его раскритиковали депутаты Э. Маритон и Ф. Гусселен, консервативные политики, выступавшие против «брака для всех», за его фразу: «Я чувствую себя ближе к Папе Франциску, нежели к *Manif pour tous*». Затем сомнения стали выражать даже очень близкие к Жюппе политики. Они стали говорить, что его агрессивность переходит определенные границы (в том числе и Бенуа Аппарю, его официальный представитель). Депутат Европарламента Арно Данжан, отвечавший в избирательной кампании за международные отношения, заявил: «Я не нахожу для себя места в этом искусственном разделении на прогрессистов и реакционеров»¹³⁷.

В результате дебатов между Фийоном и Жюппе, которые состоялись 24 ноября, прошли мирно, без серьезных конфликтов. Дискуссия о здравоохранении и занятости носила технический характер, она несколько обострилась при обсуждении позиции Фийона по закону об абортах и поддержке его кандидатуры крайне правыми. Жюппе назвал программу Фийона «нереалистичной», на что последний заявил: «Действительно, мой проект более радикален и его сложнее реализовать». Но атмосфера дебатов все время оставалась корректной. Еженедельник «Пуэн» писал: «Первоначальная агрессивность, направленная против Франсуа Фийона, уступила место сердечному, уважительному, конкретному и достойному обмену мнениями»¹³⁸.

Накануне второго тура праймериз оба финалиста провели последние митинги. Ален Жюппе посетил могилу генерала де Голля, где объявил себя защитником «французской социальной модели», возникшей после 1945 года, и осудил «либерализм без принципа справедливости». В Париже Франсуа Фийон провел свой последний митинг, на котором говорил о «карикатурном портрете», нарисованном его конкурентом, пытающимся превратить его в «друга экстремистов» и «реакционное пугало».

По опросам, Фийон должен был победить, набрав от 61% до 65% голосов, против 31–35% у Жюппе¹³⁹. И на сей раз социологи не ошиблись: Фийон набрал 66%, а Жюппе — 34%. Благодаря столь оглушительной победе Фийон уже видел себя в Елисейском дворце: у него не было серьезных конкурентов в Соцпартии, он был уверен в существовании «стеклянного потолка» (электо-

рального барьера) у Марин Ле Пен, на Макрона тогда никто не обращал внимания. По январскому опросу SEVIPOF, Фийон набирал 27% голосов в первом туре и легко побеждал мадам Ле Пен во втором.

Внешнеполитические позиции Ф. Фийона

И Жюппе, и Фийон принадлежат к партии, которая исторически вышла из голлизма. Они вместе работали в правительстве: сначала оба были министрами в правительстве Балладюра (1993–1995), потом Фийон был министром телекоммуникаций в правительстве Жюппе (1995–1997), а затем Жюппе стал сначала министром обороны в правительстве Фийона, а потом министром иностранных дел (2010–2012). Все это время они оба выступали за независимую Францию, за её ядерные силы, за её членство в НАТО, в ЕЭС и в еврозоне, поддерживали её средиземноморскую политику, линию на сохранение тесных связей с франкофонной Африкой. В период правления Ширака они голосовали за Европейскую конституцию на референдуме в 2005 году и осудили американское вторжение в Ирак в 2003-м. Во время легислатуры Саркози они одобрили возвращение Франции в военную структуру НАТО (2008) и военную интервенцию (2011) в Ливию при Каддафи.

В то же время подходы двух финалистов праймериз по ряду вопросов различались, а по Сирии и России были противоположны. По отношению к США Жюппе был большим атлантистом, чем Фийон. Последний даже заявил, что Франции угрожает «американский империализм», чего никогда бы себе не позволил Жюппе. Для Фийона штраф в 9 миллиардов долларов, который американский суд присудил французскому банку BNP за нарушение санкций в отношении Судана, Кубы и Ирана, неприемлем, а у его конкурента лишь вызывает сожаление. Как «духовный сын» противника ускоренной европейской интеграции Филиппа Сегена, Фийон ближе к голлистской концепции «Европы отечеств», тогда как Жюппе, в соответствии с шираковской традицией, никогда не выступал против федерализации европейских институтов, предлагая лишь бороться с их бюрократизацией. Фийон призывал «построить новую Европу, которая больше бы уважала нации» и делал упор на межправительственное

сотрудничество. Фийон, конечно, классический голлист, тогда как Жюппе приспособлялся к идеям французского центризма. Он надеялся превратить Европу в «великий полюс будущего мира». Внешнеполитические взгляды Жюппе вписываются в преемственность французской дипломатии за последние 15 лет с её упором на права человека и гуманистические ценности, тогда как Фийон смещался в сторону «реальной политики» с её признанием компромиссов и взаимных уступок.

По Ближнему Востоку позиции конкурентов носили почти антагонистический характер. По примеру США Жюппе в 2012 году закрыл посольство Франции в Дамаске, протестуя против политики баасистского режима и одновременно обещая свержение в ближайшее время власти «дамасского мясника» Башара Асада, уничтожающего собственный народ. «Мы не можем не замечать военные преступления, которые совершаются у нас на глазах».

Фийон, напротив, говорил, что, поскольку именно ИГ убивает французов, надо борьбу с ним сделать приоритетом внешней политики Франции. Для него главное — как следует из названия его последней книги — «победить исламский тоталитаризм». Зная, что подавляющее большинство христиан в Сирии поддерживают Асада, Фийон ради защиты их жизни и имущества был готов вступить в союзные отношения с алавитским режимом. По его словам, в Сирии лишь две политические силы — «те, кто желает установить тоталитарный исламский режим, и все остальные». Он полагал, что в последнее время французская дипломатия сбилась с пути, считая, что «пока Асад у власти, ничего нельзя изменить». Он даже обещал вернуть в Дамаск дипломатическую миссию. Фийон опасался, что после победы Трампа возможно сближение США и России по проблеме Ближнего Востока, и в результате Франция окажется вне игры. Он призывал «вернуть Францию в центр международной политики».

Присоединение России к операциям в Сирии Фийон считал позитивным шагом и предлагал «вести диалог с Москвой, чтобы выработать общую стратегию освобождения территории Сирии» от исламистов. Без серьезной дискуссии с Россией «нет никакой надежды на то, чтобы вынудить Башара Асада уйти для запуска переходного режима».

На посту премьер-министра Фийон выступал за сближение с Россией. В мае 2008 года он заявлял, что расширение НАТО не должно привести к «ситуации, когда Россия почувствует себя изолированной, находящейся под угрозой и по этой причине вынужденной усиливать свою оборонную мощь». Фийон выступал за снятие санкций с России, считая, что перед лицом общих угроз важно создавать стратегический союз с Москвой. Он полагал, что санкции против России вредят самой Франции и при этом не достигают своих целей. Среди «Республиканцев» он считается самым «про-российским» кандидатом.

Фийон говорил о необходимости построения обновленного политического и экономического партнерства с Россией. «Развод» с Россией Фийон называл самой опасной перспективой для мирового сообщества. «Необходимо отменить санкции против России как можно быстрее. Это был безумный жест. Санкции не оказали никакого влияния на Россию в области международной политики, они только лишь осложнили отношения с ней. В то же время санкции разорили французских и европейских фермеров». По его мнению, «стратегическая ошибка европейцев — считать Россию одновременно и противником, и слаборазвитой страной. Унижение русских, оттеснение их в объятия экстремистов и националистов обернется против безопасности Европы». «Это страна нестабильная, которая может быть опасной, если почувствует угрозу или если к ней относиться не должным образом», — отмечал Фийон. Выступая 23 ноября, он даже заявил, что Путин — это «политик, отчетливо отличающийся от других политических деятелей на остальной части планеты». По его мнению, без России невозможно решать мировые проблемы и очень важно не допустить её возвращения в Азию и сохранить в европейской орбите¹⁴⁰.

Ален Жюппе в сентябре 2016 года обвинил Фийона в «злоупотреблении водкой» — чрезмерном заигрывании с Россией. В ответ Фийону пришлось оправдываться, указывая, что Франция не должна принимать все, что делает Россия, но вести с ней диалог обязана. При этом он осудил действия России, которые ведут к жертвам среди мирного населения в Алеппо.

Идеология и электорат Фийона

Фийон попытался создать свою правую идеологию, опираясь на:

- голлистскую традицию неприятия гегемонизма США;
- идеи одного из своих политических наставников, председателя Национального собрания (1993–1997), голлиста Ф. Сегена, возглавившего кампанию против подписания Маастрихтского договора 1992 года об учреждении Евросоюза;
- идеологию М. Тэтчер, «шоковой терапии» в экономической области;
- католические круги, озабоченные судьбой христиан на Ближнем Востоке (67% практикующих католиков приветствовали бы предоставление Францией убежища восточным христианам);
- противников гомосексуальных браков, которым надоели постоянные зигзаги Саркози по этой проблеме;
- симпатизирующие России группы в партии «Республиканцы».

Фийон сумел объединить эту разнородную публику и стал в наибольшей степени персонифицировать «разрыв со старым режимом», что привело его к победе на предварительных выборах. Как отмечал П. Перрино, «Саркози вел кампанию прежде всего в «серой зоне», которая в определенной мере расположена между Национальным фронтом и Республиканской партией; напротив, Жюппе, вынужденный противостоять Саркози, сдвинулся влево и стремился воплощать центристский электорат и даже левый центр. Мало-помалу Франсуа Фийон позиционировал себя в центре правых избирателей. Этому способствовал его политический темперамент и тот факт, что он хорошо понимал, что католическое общество является историческим и культурным ядром правого электората»¹⁴¹.

Электорат на праймериз был предельно консервативен. Он состоял из лиц старших возрастов: 46% избирателей преодолели пенсионный возраст, тогда как они составляют 23% всего населения. Только 6% были рабочими, хотя их доля в населении составляет 17%. И наконец, 44% электората праймериз имеют месячный доход выше 3500 евро (но 26% в среднем по стране)¹⁴².

Успех Фийона был обеспечен по крайней мере двумя социальными группами. Во-первых, консервативными избирателями западной Франции (он сам выходец из департамента Сарта, о котором есть политологическая работа Поля Буа о крестьянском консерватизме), опирающимися на здравый смысл и не любящими новомодные штучки и харизматических лидеров.

Во-вторых, мобилизацией правоверных католиков, весьма сильной группы давления, не имеющей своего политического представительства.

Католики приняла широкое участие в праймериз правоцентристской коалиции: они составляли 69% всех голосующих за это политическое крыло. И чем сильнее они были интегрированы в католицизм, тем пропорционально более высоким было их участие в голосовании: например, практикующие католики составляли 4% населения Франции, но 9% избирателей праймериз. И именно они обеспечили успех Фийона в первом туре: за него проголосовало 59% практикующих католиков и только 18% — за А. Жюппе. Во втором туре победитель праймериз получил 70% голосов католиков, не посещающих мессу, 72% голосов католиков, изредка посещающих мессу, и 82% голосов практикующих католиков. С другой стороны, среди французов, не исповедующих религию, Фийон и его соперник Жюппе набрали равное количество голосов. Объясняя характер голосования, французские социологи отмечают прежде всего, что кандидаты отличаются своим уровнем интеграции в католицизм. Жюппе определял себя как «католика-агностика», хотя 15 августа, на Успение Богородицы, посетил в качестве паломника город Лурд («Каждый раз, когда я посещаю это святое место, я испытываю одну и ту же сильную эмоцию», — заявил он)¹⁴³. Напротив, Фийон является практикующим католиком и противником закона о «браке для всех».

Фийон привлек к себе молодых католиков из *Sens commun*, которые политически представляли движение *Manif pour tous*, выступавшее против гомосексуальных браков. По опросу ИФОП, 11% сторонников РП объявили, что им очень «близки» идеи *Manif pour tous* и 25% — «достаточно близки»¹⁴⁴. И хотя Фийон согласился сохранить этот закон, если его изберут президентом, он обещал переписать ту его часть, которая разрешает однополым парам усыновление детей. Кроме того, он объявил себя идеологическим противником абортов, хотя и не дал обязательства поменять законодательство в

этой сфере¹⁴⁵. Католикам нравилась жесткая позиция Фийона по отношению к исламу и мусульманскому радикализму, который воспринимался как чрезмерно динамичный с демографической точки зрения, социально агрессивный и политически опасный (в июле 2016 года 45% практикующих католиков сочли ислам опасным, что на 12 процентных пунктов больше, чем в феврале 2015 года)¹⁴⁶.

Фийон опирался не только на ядерных избирателей РП, но и на разочаровавшихся в «системе». Он стал кандидатом тех, кто боялся стать «деклассированным» элементом в культурологическом смысле этого слова — здесь напрашивается аналогия с голосованием за Трампа в США (притом что Фийон, в отличие от Трампа, являлся «системным» политиком, подхватившим эти идеи).

Газета «Монд» опросила избирателей, голосовавших за Фийона, и выявила пять причин их выбора:

1. Первую причину мы уже указывали: небольшая часть левого электората поддержала Фийона, чтобы преградить дорогу Саркози, уже не будучи уверенными в победе Жюппе.

2. Значительную часть избирателей привлек имидж Фийона как честного политика, «верного своим убеждениям». Как заявил один из избирателей, менеджер 55 лет, Фийон — «прагматичный, постоянный и подлинный политик, не устраивающий политических спектаклей». Некоторые отмечали, что за ним нет хвоста каких-либо «юридических проблем в отличие от Саркози и Жюппе».

3. Части избирателей, особенно предпринимателям, понравилась его ультралиберальная экономическая программа, «болезненная, но абсолютно необходимая».

4. Как уже говорилось, избиратели стали его воспринимать как политика, полностью соответствующего президентскому посту. Один парижанин 65 лет отмечал: «Во время третьих дебатов он мне показался человеком, полностью готовым к осуществлению президентских функций, в отличие от двух других кандидатов, чьи неуместные заявления оставили негативный след».

5. И наконец, кого-то привлекли его внешнеполитические позиции. Избиратели надеялись, что Франция Фийона вернет себе достоинство, которое было у страны при генерале де Голле. Им нравилась идея «партнерства с Россией», что позволило бы «больше не подчиняться США». Их даже устраивал Башар Асад как «меньшее зло»¹⁴⁷.

Левый лагерь: капитуляция Франсуа Олланда и кризис Соцпартии

1 декабря 2016 года президент Франции Франсуа Олланд объявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на ближайших президентских выборах. Впервые в Пятой республике президент не выдвигался на второй срок (Ш. де Голль повторно баллотировался в 1965-м, В. Жискара д'Эстен — в 1981-м, Ф. Миттеран — в 1988-м, Ж. Ширак — в 2002-м, Н. Саркози — в 2012 году).

После пяти месяцев тщательного изучения политической позиции и с небывало низким рейтингом в 4% Олланд решился на «капитуляцию»¹⁴⁸. «Никогда президент, покидавший свой пост и даже готовый потерпеть поражение, не находился в столь унижительном положении», — писала газета «Фигаро»¹⁴⁹.

Причины кризиса

«Капитуляция» Олланда вызвана самыми различными причинами: социально-экономическими, политическими, личными. В самом начале своей легислатуры он обещал снизить безработицу. Но каждый месяц статистика демонстрировала падение занятости. 18 апреля 2014 года он вновь повторил, что если безработица не снизится к 2017 году, «то у него нет никакого смысла выдвигаться на новый срок или надеяться на избрание». Но кривая безработицы продолжала идти вверх: к моменту «отречения» Олланда безработных стало почти 3,5 миллиона, то есть на 556 тысяч больше, чем в начале президентского срока. Хотя в 2016 году статистика фиксировала незначительные успехи, все понимали, что в области занятости правительство социалистов не выполнило свои обещания. Никаких успехов правительство не добилося и в сфере экономики: квартальные рецессии сменялись стагнацией или незначительным ростом. Во втором квартале 2016 года — очередной спад ВВП (на 0,1%), а в третьем — рост на 0,2%¹⁵⁰.

Придя к власти с левой программой, Олланд в 2014 году стал переходить на позиции социал-либерализма. Но этот переход имел свою специфику: правительство приступило к либеральным ре-

формам, не проявив своей левой идентичности и не закрепив левый электорат. Во время правления Миттерана (1981–1988) левое правительство сразу провело ряд социальных реформ: оно ввело 39-часовую рабочую неделю и пятую неделю отпуска и лишь потом, в 1983 году, стало проводить политику «жесткой экономии». В годы правления правительства Л. Жоспена (1997–2002) была введена 35-часовая рабочая неделя, и лишь потом социалисты приступили к приватизации государственных предприятий.

Декларациям Олланда в экономической области недоставало идеологической ясности. 22 января 2012 года Олланд, выступая перед избирателями, объявил мир финансов «своим врагом». В конце 2013 года министр восстановления производства А. Монтебур уже заявлял, что «финансы похожи на холестерин, который бывает и хорошим, и плохой». В июле 2014 года министр финансов М. Сапен пошел еще дальше: «Наши друзья — это финансы, хорошие финансы». И наконец, в августе 2014 года на пост главы суперминистерства «экономики, промышленности и цифровизации» был приглашен бывший менеджер «Банка Ротшильд» Э. Макрон¹⁵¹.

Состав правительства постоянно менялся: в августе Олланду пришлось уволить двух членов правительства — А. Монтебура и министра образования Б. Амона, резко критиковавших новый правительственный курс. А за ними ушла и министр культуры Орели Филипетти. Газета «Фигаро» писала, что значительная часть левых избирателей «ощущала себя преданной и мечтала о реванше»¹⁵². Правительство стало более однородным, но правящая коалиция продолжала терять поддержку, из правительства вышли еще два министра-экологов — министр жилья и территориального равенства С. Дюфло и министр-делегат по делам развития при министре иностранных дел П. Канфен.

Новый удар по правительству нанесла попытка после террористических атак 13 ноября 2015 года в Париже провести через парламент конституционный закон о лишении гражданства лиц, обвинённых в терроризме¹⁵³. 16 ноября Олланд объявил о введении во Франции чрезвычайного положения и предложил лишать гражданства лиц, обвиненных в терроризме. Эти меры были с воодушевлением приняты общественным мнением, и рейтинг Олланда пошел вверх. Через месяц в Париже прошла международная конференция, которая завершилась подписанием 12 декабря соглаше-

ний по климату. Это также привело к укреплению авторитета президента Франции. На региональных выборах, которые состоялись 7 и 13 декабря, НФ добился крупного успеха, но поражение левого правительства оказалось не столь сокрушительным, как прогнозировали ранее политологи. В первом туре ФСП собрала 23,1% голосов, все левые партии — 35,9%. Социалисты потеряли два региона, но сохранили семь (правые — восемь, НФ не завоевал ни одного). Впервые Олланд, по опросам, обошел Саркози и получил шанс выйти во второй тур: 17 декабря опрос IFOP дал ему 22% голосов, а Саркози — 21%¹⁵⁴.

Однако Олланд не предусмотрел, что законопроект о лишении гражданства может привести к расколу внутри левого правительства, к конфликту между сторонниками приоритета борьбы с терроризмом и левыми «идеологами», защитниками великих республиканских принципов равенства граждан перед законом. В знак протеста против законопроекта министр юстиции Кристина Тобира, которая как автор закона о «браке для всех» была очень популярна и фактически стала символом левой субкультуры, подала в отставку.

В результате возник законодательный кризис, который привел к параличу левого парламентского большинство. Национальное собрание, где социалисты доминировали, приняло законопроект, по которому любые граждане Франции, обвиненные в терроризме, могли быть лишены гражданства, даже если в результате они превращались в апатридов. Однако сенат, который контролировали правые, выступил против, требуя применять закон только к лицам с двойным гражданством. Понимая невозможность согласовать позиции двух палат парламента, Олланд снял законопроект и в своем «отречении» признал саму идею ошибочной.

Ещё более драматические формы принял конфликт в связи с намерением власти осуществить реформу трудового кодекса. В марте начались общенациональные демонстрации против «закона Эль-Комри», как его называли по имени министра труда, которая инициировала законопроект¹⁵⁵. Демонстрации сопровождались насилием, жестко проводимыми забастовками и блокадой нефтеперерабатывающих заводов, вызвавшей нехватку бензина в стране. Действительность полностью опровергла надежды Олланда, который во время избирательной кампании обещал французам, что левые «умиротворят Францию». Именно тогда премьер-министр Фран-

ции Манюэль Вальс заявил, что социалисты и радикальные левые «несовместимы». «Я не могу управлять вместе с теми, кто считает, что Франсуа Олланд хуже, чем Николя Саркози, а Манюэль Вальс хуже, чем Жан-Мари Ле Пен»¹⁵⁶.

После того как законопроект Эль-Комри начал рассматриваться в Национальном собрании, депутаты внесли к нему 5000 поправок, из которых 1400 предложили оппозиционно настроенные депутаты Соцпартии, которые образовали так называемую фронду против правительства. Тогда 10 мая Вальс воспользовался статьей 49.3 Конституции Франции, которая позволяет главе правительства под свою ответственность провести закон через парламент без обсуждения и голосования. В этом случае депутаты имеют право, в соответствии со статьей 49.2, вынести на рассмотрение вопрос о вотуме недоверия правительству, если они соберут под резолюцией голоса 1/10 состава Национального собрания, то есть 58 голосов. Левые трижды выдвигали свой проект вотума недоверия правительству, собирая под своей резолюцией 56 голосов (то есть на два голоса меньше необходимого), из которых 28 дали «фронтеры» ФСП.

Все эксперты были согласны, что проект вотума недоверия, внесенный левыми депутатами, не являлся банальным событием: диссиденты хотели не просто изменить содержание закона, а свергнуть правительство Вальса¹⁵⁷. Подводя итоги президентства Олланда, первый секретарь ФСП Ж.-К. Камбаделис заявил, что изначально была совершена политическая ошибка, когда на праймериз 2011 года перед вторым туром А. Монтебур поддержал Ф. Олланда: «Существование двух отчетливо различных политических линий и вызвало все промахи правительства»¹⁵⁸.

Во время своей избирательной кампании Олланд обещал быть «образцовым» и «нормальным» президентом в отличие от Саркози. Но, как писал журналист Лоран Неуман, «все было аномальным в течение этих пяти лет, которые в конечном счете утомили, изнурили, истощили французов не меньше, чем за предыдущие пять лет, во времена Саркози»¹⁵⁹.

Первый неприятный эпизод произошел ещё в декабре 2012 года, когда пресса выяснила, что министр бюджета Жером Каюзак в течение нескольких лет имел счет в швейцарском банке, который он скрыл от налоговых органов. Во время разбирательства министр ка-

тегорически отверг обвинение, но через четыре месяца признался, что солгал, и подал в отставку¹⁶⁰.

В октябре 2013 года промах совершил и сам президент. Цыганку в возрасте 15 лет арестовали прямо на выходе из школы и потом вместе с семьей депортировали в Косово. Лицеисты начали протестовать, требуя её возвращения. Олланд в поисках компромисса согласился её вернуть, но без семьи. Во время телевизионной передачи школьница ответила ему резким отказом. Телевизионная запись дискуссии с пятнадцатилетней девочкой была явно проигрышной для президента. Правые упрекали его в проявленной слабости, тогда как часть левых публицистов — в негуманном решении, разделяющем ребенка и семью. Пытаясь удовлетворить всех, он лишь вызвал всеобщее раздражение.

Не удалось ему предъяснить «образцовое» поведение и в частной жизни. В январе 2014 года желтая пресса рассказала о любовной связи президента Франции с актрисой Жюли Гайе. На фотографиях Олланда показали на скутере в плотно закрывающем лицо шлеме, несущимся тайком на свидание. Эту фотографию увидел весь мир, она доставила немало приятных минут юмористам и испортила образ президента. Несколько дней спустя он в официальном коммюнике сообщил о завершении своих отношений с журналисткой Валерией Триервейлер, с которой с 2007 года состоял в гражданском браке. Подобный разрыв дал его противникам повод для насмешек. Но история на этом не закончилась. В сентябре 2014 года Валерия Триервейлер опубликовала книгу-исповедь (*Merci pour ce moment* — «Благодарю за этот миг»), в которой бывшая первая дама Франции рассказала о своем романе с Франсуа Олландом. Она нарисовала портрет лживого человека, лишённого сострадания и презирающего бедных, которых он обзывал «беззубыми». Эта книга стала катастрофой для президента. До этого момента, несмотря на рекордную непопулярность, он воспринимался как человек, вызывающий скорее симпатию.

Наконец, шок вызвало появление в октябре 2016 года книги «Президент не должен был этого говорить», основанной на 60 конфиденциальных интервью журналистов газеты «Монд» с Олландом¹⁶¹. Причем это издание было не первым. До книги журналистов газеты «Монд» появилось по крайней мере шесть книг, основанных на интервью с Олландом, видимо, «страдавшим нарциссизмом»¹⁶².

После издания работы журналистов «Монд» даже среди самых близких к президенту политиков возникли серьезные сомнения в готовности президента Франции выдвинуть свою кандидатуру на второй срок. Пресса объявила его интервью «политическим самоубийством». В своих интервью Олланд обидел корпорацию судей, назвав её «трусливым институтом», за что был вынужден сразу извиниться, бывшую «подружку», «зеленых», которые являлись его союзниками, «фрондеров» и даже Соцпартию, предложив ей реформатироваться. Придя к власти, Олланд обещал «нормальное» президентство в противоположность той системе управления, которую реализовывал Саркози в годы своей легислатуры. Комментируя издание этой книги, публицист Г. Табар предполагал, что «нарциссизм» Олланда, возможно, «приобретает мазохистский оттенок»¹⁶³.

Причем критика президента Франции исходила даже из его ближнего круга. Как заявил один из депутатов Соцпартии, «Саркози достаточно часто упрекали в том, что «он лишил функцию президента сакральности, сейчас гораздо хуже — она растоптана». В таком же духе писала и международная пресса: «О Саркози говорили, что он десакрализовал президентские функции, что он придал им вульгарность своей постоянной жестикуляцией и эксгибиционизмом в духе Берлускони. Олланд, человек честный и симпатичный, продолжил эту десакрализацию, добавив банальную несостоятельность к дискредитации институтов»¹⁶⁴.

Постепенно внутри Соцпартии появилось ощущение, что следует сменить лидера. Клод Бартолон, председатель Национального собрания в 2012–2017 годах, которого также обидел Олланд в книге, в своих интервью не скрывал удивления: «Необходимо понять, намерен ли он реально выдвинуть свою кандидатуру?» М. Вальс, всегда проявлявший лояльность к президенту, впервые не одобрил его поведение и фактически заявил о своей готовности «воплощать современную республиканскую левую силу, открытую к миру». Многие комментаторы отмечали, что он фактически начал свою избирательную кампанию, например, позируя на фоне сыров «Президент» и говоря: «Это отличный Камамбер». Главная проблема Вальса заключалась в дилемме, четко выраженной газетой «Монд»: «Как убить Цезаря, не надевая на себя одежду Брута?» И Вальс старался показать, что, в отличие от Макрона, он «не нанесет президенту Франции удар в спину, не убьет отца, хотя и не позволит сде-

лять себе хакари»¹⁶⁵. Опросы демонстрировали, что популярность Вальса была намного выше, чем у Олланда. В ноябре исследование института изучения общественного мнения ODOXA показало, что 42% французов считали, что Вальс был бы «неплохим» президентом Франции — это несколько хуже, чем Макрон (49%), но намного лучше, чем Олланд (13%)¹⁶⁶.

Объективно кольцо вокруг Олланда постепенно сжималось. Даже «патрон» Соцпартии Ж.-К. Камбаделис, для которого отказ Олланда баллотироваться означал бы хаос в партии, отметил, что, «если он реально желает выдвинуться, то отнюдь не облегчил свою задачу этой книгой»¹⁶⁷. Олланд становился все более и более одиноким в Елисейском дворце¹⁶⁸. Он надеялся, что Ф. Макрон, который был полностью им создан (из менеджеров банка в заместители генерального секретаря аппарата Елисейского дворца, потом в министры), до конца сохранит ему верность, но тот подал в отставку и выдвинул свою кандидатуру. Он верил, что институты Пятой республики не позволяют премьер-министру изменить своему патрону, но ошибся: Вальс явно начал проводить самостоятельную линию.

Рассуждая о болтливом характере Олланда, известный психоаналитик Ж.-М. Хьюэ подчеркивал, что президент настолько озабочен любовью французов к своей особе, что в результате не способен принимать ответственные решения, которые могли бы разочаровать избирателей: «Но парадокс заключается в том, что самым непопулярным президентом является тот политик, который не принимает никаких решений»¹⁶⁹. Карл Меюс, редактор газеты «Фигаро», в своей книге «Франсуа Олланд, президент потерянного времени» писал, что ни одна легислатура не была столь «путаной»: «В течение пяти лет Олланд своеобразно выражал себя: он не был способен отказать в чем-либо своим собеседникам и стремился показать им, что он согласен с их мнением. В результате они выходили от него, убежденные в том, что их точка зрения принята. Пятилетие Олланда похоже на куклу Кульбюто*, которая, после того как её толкнут, всегда возвращается на место»¹⁷⁰.

И сам Олланд ощущал «невротические комплексы» в ходе своей легислатуры: «Это жестоко, жестче, чем я ожидал»¹⁷¹, — призна-

* «Неваляшка» в русском переводе.

вался президент Франции. С точки зрения Хьюэ, Олланд, возможно, никогда не хотел быть президентом, он был обязан заменить Доминика Стросс-Кана, который после скандала не мог баллотироваться в президенты, и просто поднял знамя, которое упало ему в руки. А сейчас он понимает, что ему не хватает компетенции. В книге «Президент не должен был этого говорить» есть явный намек на возможность отказа от выдвижения на второй срок. «Гипотезы победы и даже выдвижение моей кандидатуры не являются самыми вероятными», — говорил президент. И уточнял: «Я сделал свою работу, теперь другой должен её продолжить».

Общественное мнение явно негативно оценивало итоги президентства Олланда. По опросу компании OpinionWay для газеты «Фигаро», 78% французов оценили их «негативно». Даже большинство избирателей Олланда, поддержавших его в 2012 году (51%), отрицательно относились к итогам правления президента. Подавляющее большинство электората (81%) были уверены, что Олланд не выполнил своих предвыборных обещаний. Это мнение разделяли 57% французов, проголосовавших за него в 2012 году. Только 21% из них думали, что предвыборные обязательства не были реализованы из-за неблагоприятной экономической ситуации, остальные возлагали вину на самого Олланда.

Очень негативные оценки получила деятельность правительства в тех областях, которые обычно рассматриваются как приоритетные для левых — социальная защита, справедливость и образование. Только закон Тобира о «браке для всех» получил относительно широкую поддержку французов (58%), тогда как закон Эль-Комри одобрили только 23% опрошенных¹⁷². Как заявил великий французский социолог Ален Турен, «Франсуа Олланд оставил Францию в состоянии небывалого расстройтва»¹⁷³.

«Балканизация» левого лагеря

В печальном состоянии оказалось и левое движение в целом. Победив в 2012 году и получив практически все рычаги власти, левые накануне новых президентских выборов оказались под угрозой институциональной маргинализации. Премьер-министр Манюэль Вальс в июне 2014 года прямо заявил, что «левые могут умереть».

Начиная с 2015 года об этом стали говорить и французские социологи. Например, Гаэль Брюстье писал, что «левые находятся на пути к политической смерти и могут уйти из истории»¹⁷⁴. Деятельность правительства Олланда возродила традиционные конфликты в левом лагере.

Согласно исследованию историка и публициста Жака Жюльера, левые не представляют собой единое целое и их можно разделить на несколько различных течений. Либеральные левые имеют общие с правыми либералами ценности, касающиеся экономической конкуренции, гражданского общества и разделения властей, примата индивидуальных свобод, но правые не принимают понимание левыми идей равенства и справедливости. Левые, традиция которых восходит к Великой французской революции («якобинские левые»), напротив, делают ставку на сильное государство, примат общества над частными интересами и универсальный подход к гражданам с помощью законодательства, бюрократии, государственного образования*. Их негативизм по отношению к клерикализму зашкаливает. Их не устраивает децентрализация, регионализация, федеративная Европа. Их родоначальником является Робеспьер, отправлявший своих противников на гильотину. «Левые-коллективисты» порождены русской революцией 1917 года. Эта левая рождена коммунистической утопией, строится на основе абстрактных принципов, которые доминируют над реальностью: если реальность не соответствует идеологии, то надо менять не идеологию, а реальность. Как писал Руссо, в этом случае надо «отбрасывать факты». Наименее известны «либертарные левые», типичным представителем которых в прошлом был Прудон, выступавший против любых ограничений личных свобод. Его не устраивало не только государство, но и любые институты, которые диктуют свои порядки — профсоюзы, регламентирующие трудовой процесс, или министерство образования, которое навязывает свои учебные программы. Он призывал к самоорганизации рабочих с помощью кооперативов, народных банков, самоуправления¹⁷⁵.

* Этатизм якобинцев находил выражение прежде всего в максимальном усилении вертикально-централизаторской структуры администрации, которая была призвана, по их мнению, подавить реставраторские тенденции в провинциях.

Доля французов, идентифицирующих себя как левых, выросла с 2014 года на один пункт и достигла в сентябре 2016 года 48%, согласно опросу IFOP для газеты «Юманите»¹⁷⁶. Причем в наибольшей степени различия между левыми и правыми проявлялись в сфере понимания сути классических понятий — социализм, профсоюзы, финансы, капитализм. 65% левых позитивно относятся к понятию «социализм», но 40% всех французов. Для 57% левых «профсоюз» был позитивным явлением, но лишь для 41% французов в целом. К финансам (как символу «власти денег») негативно относились 30% французов, но 40% левых, к капитализму — соответственно 25% и 36%. Однако осуществление правительственной власти левыми вызвало сильную эрозию левой идеологии. Более 40% левых избирателей не были уверены в том, что они могут гордиться своей левой идентичностью и что левое правительство проводит левую политику¹⁷⁷.

Социалисты делали ставку на первичные выборы, рассчитывая таким образом консолидировать левый электорат в рамках «Прекрасного народного альянса» (La Belle alliance populaire), объединяющего проправительственные партии и группировки. Но против этого проекта сработали два фактора. Во-первых, ухудшение имиджа Соцпартии, вызванное дебатами по поводу закона Эль-Комри, появлением «фронды» внутри ФСП, «износом» исполнительной власти с 2012 года. В августе 2016 года меньше четверти французов (23%) предполагали, что социалисты имеют проект будущего для Франции, что Соцпартия близка к проблемам «простых французов» (22%), что она располагает «эффективными лидерами» (19%)¹⁷⁸.

Во-вторых, и это ещё важнее, произошел раскол левых на несколько течений, плохо совместимых друг с другом, или, как сказал социолог Фредерик Даби, «балканизация» левого лагеря¹⁷⁹. Как и в 2002 году, «многообразная левая сила» превратилась в «разобщенную левую». Левый электорат составлял треть всех избирателей, но он был расколот на три политических течения: «крайнее левое» во главе с Ж.-Л. Меланшоном, продолжавшее линию «левых коллективистов» и «якобинских левых»; «социально-либеральное» во главе с Э. Макроном и собственно электорат ФСП. Причем последний был разделен между сторонниками Вальса, также ориентированными на «социальный либерализм», и избирателями, поддерживающими лидеров «фронды», которые испытывали сильную но-

стальгию по совместной программе и послевоенной практике перераспределения национального богатства или даже по марксизму-ленинизму.

Ж.-П. Меланшон уверял, что «Олланд хуже Саркози». Он ещё 10 февраля 2016 года выдвинул свою кандидатуру без согласования с коммунистами, «зелеными» и «фрондерами» (на прошлых президентских выборах он набрал 11%). Меланшон надеялся, подобно Миттерану в 70-е годы, сплотить вокруг себя всех левых и создать что-то вроде испанской партии «Подemos», с экологическими акцентами и неприятием так называемого продуктивизма. С «Подemos» он поддерживает тесные отношения¹⁸⁰. По словам Меланшона, он воплощает альтернативу социал-либерализму. В июне на своем первом митинге в Париже Меланшон собрал тысячи французов (официально 10 тыс.) и призвал сформировать движение «Непокорная Франция» (France insoumise)*. С его точки зрения, «избирательная кампания, построенная на картеле партий, не ведет никуда»¹⁸¹.

Леворадикалы явно были на подъеме. Они персонифицировали непримиримую оппозицию Олланду. По опросу, проведенному в мае 2016 года, 27% французов верили, что Меланшон способен «победить кризис» (87% избирателей радикального «Левого фронта», но лишь 28% — ФСП) и 38% считали, что он понимает проблемы простых людей («таких, как вы»). Одновременно французы воспринимали Меланшона в июне 2016 года как «раскольника»: по данным IFOP, так считали 59% опрошенных, а 58% думали, что он «слишком сильно противостоит правительству»¹⁸². На свои митинги он стал собирать тысячи участников, в Интернете более 100 тыс. человек поддержали его выдвижение, еще в июне 2000 человек ему прислали деньги в избирательный фонд, 1500 французов предложили свои услуги в кампании Меланшона¹⁸³. Его рейтинг поднялся до 15,5%, в середине октября он вошел в пятерку самых предпочитаемых французами политических деятелей. По октябрьскому

* В русскоязычной литературе встречается два варианта перевода названия этого движения: «непокоренная» и «непокорная». Французско-русский словарь предлагает оба этих варианта. Выбор И.М. Буниным в пользу прилагательного «непокорная» был сознательным, и при редактировании оно было сохранено.

опросу IFOP, Меланшон, с точки зрения левых избирателей, лучше всего представлял бы левые ценности на президентских выборах¹⁸⁴.

Для леворадикалов 15% голосов с 1981 года оставались неким потолком на президентских выборах. В 1981 году кандидат ФКП Ж. Марше набрал 15,3% голосов на президентских выборах, потеряв одну пятую своего традиционного электората. Для Компартии этот результат стал катастрофой, но «другая левая» с тех пор ни разу не перешла порога 14%. В 1988 году четыре кандидата от леворадикалов получили 10,2% голосов, в 1995 году два кандидата — 13,9%, в 2002 году радикальные кандидаты собрали 13,8%, и Жоспен потерял возможность выйти во второй тур из-за участия в президентских гонках Ж.-П. Шевенмана и К. Тобира. В 2007 году пять радикальных кандидатов получили 9% голосов. И наконец, в 2012 году — 13%, из которых Меланшон набрал больше 11%. Французский политолог Ж. Куртуа справедливо отмечал, что участие кандидата «Непокорной Франции» в президентской кампании, очевидно, приведет к провалу обоих левых кандидатов уже в первом туре¹⁸⁵. Но по своему потенциалу «радикальная левая» впервые в истории Пятой республики стала опережать Соцпартию.

Сохранилась «ностальгическая левая»: это прежде всего ФКП, потерявшая свою мощь, но не сумевшая пройти конверсию и сохранившая идеалы классовой борьбы. Численность партии упала со 125 тыс. в 2004 году до 53 тыс. в 2016-м. Коммунистический кандидат на президентских выборах в 2007 году получила всего 1,93%, тогда как в 2012 году Меланшон в союзе с Компартией — 11,1%. Лидер ФКП Пьер Лоран, боясь раствориться в «радикальной левой», долго откладывал решение об участии в избирательной кампании Меланшона, который вышел из «Левого фронта» и отказался вести переговоры с Компартией и подписывать совместную декларацию. На национальной конференции ФКП, состоявшейся 5 ноября 2016 года, 55,7% делегатов отказались поддержать Меланшона и высказались за выдвижение автономного кандидата. Но партийные руководители отменили результаты голосования 50 тыс. членов партии: 26 ноября выяснилось, что 53,6% поддержали кандидатуру Меланшона¹⁸⁶. Волна, поднятая Меланшоном, окончательно захлестнула Компартию.

Однако Меланшону не удалось привлечь на свою сторону экологическую левую партию «Европа. Экология. Зеленые» (EELV), ко-

торая организовала свои первичные выборы с четырьмя кандидатами, среди которых была и Сесиль Дюфло, бывший министр в правительстве Олланда. Результат первого тура праймериз принес ей разочарование: она заняла третье место. Впереди оказался евродепутат, бывший руководитель французского филиала «Гринпис» Янник Жадо, практически неизвестный общественности политик. Положение партии критическое: её денежные ресурсы исчерпаны, она постепенно превращается в «группку» (groupuscule), численность выбранных лиц «растаяла как снег на солнце»¹⁸⁷. Социальная база политической экологии очень узка (не более 3%) и было непонятно, как её расширить в условиях падения интереса к деятельности «зеленых» и конкуренции с экологической программой Меланшона, который стал воплощать «гуманистическую, экологическую и социальную оппозицию». Меланшон, писавший журналист и политолог Ален Дюамель, стал политиком, который «разрывает прежние связи: с Пятой республикой, которую он хочет заменить на Шестую республику, парламентский режим, дополненный принципами прямой демократии, с Европейским союзом, с МВФ, с ВТО, с рыночной экономикой, с реальным миром». Когда-то Франсуа Миттеран пронизательно подметил особенности характера нового лидера «радикальных левых»: «Жан-Люк Меланшон является одним из самых способных политиков. Он далеко пойдет... но при условии, что его собственное красноречие его не опьянит»¹⁸⁸.

Феномен Макрона

Особый интерес представляет феномен Макрона. Войдя в правительство Вальса по его приглашению и даже настойчивому требованию, Э. Макрон постоянно нападал на «тотемы левой идеологии» (например, на налог на богатство). Он предлагал трансформировать ригидный рынок рабочей силы, сделать более гибким рабочий график, изменить статус государственных служащих и даже уменьшить налог на наследство, символ концепции социалистов в области налоговой справедливости. Он сразу же начал претендовать на автономную политическую позицию, пользуясь тем, что не являлся членом Соцпартии. Вскоре он превратился в любимца прессы и институтов общественного мнения. С декабря 2015 года Вальс начал

воспринимать его как потенциального конкурента, выступающего с близкими позициями. Уже в январе 2016 года опросы выявили, что по своему рейтингу он способен конкурировать на президентских выборах с Олландом. Однако до марта 2016 года Макрон оставался лоялен президенту, говоря, что Олланд «естественный кандидат» на будущих выборах.

Новый этап начался в апреле 2016 года. 6 апреля Макрон объявил о создании общественно-политического движения «En marche!» («В путь!»*), которое, по его словам, является «ни левым, ни правым». Первые буквы названия движения совпадают с инициалами самого Макрона. Он включился в новый феномен — создание новых общественных движений вне традиционных партийных структур. 20 марта 2016 года десяток интеллектуалов, политических деятелей и представителей гражданского общества создали движение *Printemps républicain* («Республиканская весна»), петицию которых подписали тысячи левых активистов. Это движение продолжило дело «левых республиканцев» и призывало защитить светское государство, на которое нападают «крайне правые» и «политический ислам», содействовать развитию французской нации, бороться с расизмом, антисемитизмом и сексизмом. Другое движение, которое также возникло в марте 2016 года, — *Nuit debout* («Ночь на ногах») — первоначально объединило противников закона Эль-Комри («левых коллективистов»). 31 марта они собрались на площади Республики в Париже, чтобы провести там ночь. Они провели на ней три дня, а затем создали движение, которое можно сравнить с движением *Occupy Wall Street*, появившееся в США 17 сентября 2011 года, или с *Indignados* («Негодующие»), которые собрались на площади в Мадриде 15 мая того же года. Движение *Nuit debout* быстро распространилось и охватило около 40 городов Франции. Оно быстро переросло протест против закона Эль-Комри и приобрело антикапиталистический характер¹⁸⁹.

Макрон же выражал линию «левых либералов». Продолжая уверять Олланда в своей преданности, Макрон одновременно увеличивал дистанцию от президента. 8 мая 2016 года в своем выступлении в честь Жанны д'Арк он призвал вновь объединить Фран-

* Более распространенный перевод — «Вперед!». При редактировании был сохранен вариант, выбранный И.М.Буниним.

цию. У движения «В путь!» сразу же появились тысячи сторонников, а 12 000 французов с самого начала заявили о своей готовности участвовать в избирательной кампании Макрона¹⁹⁰. В июле его подерживало уже около 40 депутатов от ФСП и других партий.

Его отставка с поста министра экономики 30 августа не удивила никого, за исключением, пожалуй, президента, который был уверен в преданности своего протеже и с горечью заметил: «Макрон методично меня предавал». К осени движение «В путь!» насчитывало 120 тыс. человек; возникло 2600 местных комитетов; каждую неделю во Франции проходило около 400 собраний активистов движения. Возникла неплохо работающая машина, опирающаяся на 100 референтов в департаментах. Макрон сумел собрать 10 декабря в Париже митинг в 15 тыс. человек, примерно в 5 раз больше, чем Соцпартия. Как писал французский журналист Франсуа Базэн, «столь быстрый подъём Макрона был индикатором слабости Франсуа Олланда»¹⁹¹.

Французские журналисты назвали это движение «левым стартапом». Французская пресса в связи с появлением в политике Макрона, широко использующего политтехнологические методы в избирательной кампании (постеры, социологию, метод «от двери к двери»), вспоминала центристского политика Жана Леканюэ, которого называли французским Кеннеди. Леканюэ сумел в 1965 году набрать 15,78% голосов в первом туре президентских выборов, тогда как первоначальные опросы не давали ему больше 3%. Молодой (ему было 39 лет), телегеничный, спокойный Макрон, выступающий за преодоление раскола между левыми и правыми, «отчетливо выделялся на фоне авторитарных фигур Манюэля Вальса, Марин Ле Пен или некоторых других»¹⁹². 16 ноября 2016 года Макрон покинул правительство и выдвинул свою кандидатуру, отказавшись участвовать в праймериз социалистов, которые он объявил «войной кланов». Макрон выступал с программой, противоположной идеям Фийона: он был против планов ликвидации 500 тыс. рабочих мест в госаппарате. В сфере социальных отношений — главное не отменить закон о 35-часовой рабочей неделе, а перейти к контрактной системе, где все будет решаться в переговорах между работодателями и профсоюзами. «Я выиграю президентские выборы, — говорил он, — на основе прогрессивного проекта, предложив нации десять ключевых реформ, которые я разработаю до конца февраля».

Французские политологи постоянно подчеркивали структурные слабости движения Макрона. Согласно анкете CEVIPOF, опубликованной в марте 2016 года, только 6,1% избирателей называли себя «социал-либералами», то есть избирателями, которые были готовы голосовать за левых и одновременно поддерживали либеральную экономическую политику. По поводу этого феномена политолог Люк Рубен писал: «Социал-либералы занимают периферийное место в политической системе, и, видимо, очень опасно опираться на этот электорат в своей избирательной стратегии. Ничего не позволяет утверждать, что существует политическое пространство, в котором можно объединить правых и левых реформистов»¹⁹³. Рубен считал, что Макрон «политически зажат»: его хорошо воспринимают как левого кандидата в правом лагере, но его популярность среди левых избирателей отстает от популярности Вальса или Обри. Он становится «идеальным левым кандидатом для правых». Его либерализм в экономике входит в конфликт с представлениями левых избирателей, а его общественный проект (например, по вопросам иммиграции) не устраивает правый электорат¹⁹⁴. Все эти оценки оказались не совсем точными. Уже после победы Макрона журналист Л. Неуман писал, что «комментаторы квалифицировали его рейтинг как «пузырь», но он так и не лопнул. На каждом этапе его долгого «пути» они предрекали его падение, но он так и не упал»¹⁹⁵.

По сентябрьскому опросу CEVIPOF, проходившему до победы Фийона и во времена доминирования Жюппе, идеологически электорат Макрона состоял из трёх элементов: 35% объявили себя правыми, 37% — левыми, 28% — «ни левыми ни правыми». Но по конкретным идеологическим установкам его сторонники были намного ближе к электорату правых, нежели к избирателям Соцпартии. Те идеи, которые составляют костяк правой идеологии — увеличение продолжительности рабочей недели, уменьшение численности государственных служащих и сокращение социальных расходов, встречали среди избирателей Макрона столь же позитивный отклик, что и в электорате Жюппе, но полностью расходились с взглядами левых избирателей. Схожая картина складывалась и по проблемам идентичности и безопасности: 52% избирателей Макрона и 60% Жюппе согласились с тем, что во Франции «слишком много иммигрантов» (но лишь 25% избирателей Олланда). В целом, можно

сказать, что идеологические ориентации электората Макрона была скорее правоцентристскими.

Главным принципом деятельности президента страны, по словам Макрона, должна быть «организация примирения» двух Франций «во времена социального разлома»: «Той Франции которая рассматривает глобализацию и преобразования как новый шанс, с той Францией, которая их опасается; Францию счастливых кочевников — с оседлой Францией, которая испытывает страх». Задача президента «примирить французов с собой и со своими воспоминаниями»¹⁹⁶.

Паскаль Перрино назвал Макрона НЛЮ президентских выборов, порожденного расколом в левом лагере и кризисом правой коалиции. По его словам, пиаровский пузырь Макрона подпитывают модернистские избиратели ФСП, благосклонное отношение правых и центристских избирателей и потребность в обновлении элиты. Однако его слабостью является то, что его скорее предпочитают правые избиратели, а левые относятся более сдержанно. Перрино отмечал, что фактически Макрон занимал, во-первых, «центральную» позицию в электорате: он привлекал избирателей самых различных политических тенденций.

Во-вторых, считает Перрино, Макрон стал персонифицировать еще один полюс французской политики: за «счастливую глобализацию» были готовы голосовать 23% французов с семейным доходом в 6000 тыс. евро в месяц, 21% лиц, уверенных в своем профессиональном будущем, 20% лиц с университетским образованием, 19% высших менеджеров и 19% мусульман, видимо, сумевших приспособиться к французскому обществу, но лишь 9% рабочих, 8% безработных и 6% лиц с низкими доходами. Вместе с тем анализ французских политологов исходил из инерционного сценария, тогда как Франция, как и другие западные страны, вступила в эпоху мутаций.

Праимериз Соцпартии и победа Бенуа Амона

Судьба кандидата от Соцпартии должна была решиться на первичных выборах, которые состоялись 22 и 29 января 2017 года. М. Вальс подал в отставку с поста премьер-министра и выдвинул свою кандидатуру. На посту премьера его заменил министр внут-

ренных дел Бернар Казнёв, достаточно близкий Олланду политик, но сохранивший хорошие отношения с Вальсом. Этим выбором Олланд старался избежать войны между новым премьер-министром и главным кандидатом на праймериз. Сам Казнёв уверял, что он завершает политическую карьеру и возвращается в адвокатуру¹⁹⁷. Бывший премьер-министр обеспечил себе поддержку ряда «бонз» ФСП: он мог рассчитывать на первого секретаря Соцпартии Ж.-К. Камбаделлиса, председателя Национального собрания Клода Бартолона и др.

В отличие от Олланда, который находился в идеологическом центре партии, Вальс является периферийной фигурой в ФСП: на праймериз перед президентскими выборами 2011 года он получил всего 5% голосов. Его политическая карьера началась с избрания в марте 2001 года мэром города Эври, в департаменте Эсон. Он был единственным депутатом-социалистом, который поддержал введение комендантского часа во время беспорядков в предместьях Парижа и в нескольких городах Франции в 2005 году. В 2007 году Саркози даже предложил ему войти в правительство, но Вальс отказался. В 2009 году он заявил, что первый секретарь ФСП Мартин Обри не находится на высоте тех задач, которые стоят перед партией; в ответ она предложила ему покинуть партию. После своего поражения на праймериз в 2011 году он полностью поддержал Олланда и стал его незаменимым помощником, за что был вознаграждён постом министра внутренних дел, а 31 марта 2014 года стал премьер-министром.

В Соцпартии его считали «левым саркозистом» и иконоборцем: он предлагал изменить функционирование Соцпартии и её название, поскольку идея социализма умерла: это была «великолепная утопия XIX века». Он выступал за союз с центристами, возглавляемыми Ф. Байру. В 2014 году Вальс обвинял социалистов в сектантстве и говорил, что они совершили ошибку, не протянув руку Байру во имя «так называемой идеологической чистоты». Он предлагал отказаться от рабочей недели в 35 часов, от налога на крупные состояния, приносящего в казну сущие гроши. Он уверял, что Франция не может принимать больше беженцев, и Европа должна научиться контролировать границы и миграционные потоки. По его словам, цыгане должны вернуться в Болгарию и Румынию, ибо их образ жизни противоположен французскому. Ещё в 2008 году он говорил, что «существует пропасть между устаревшей левой, которой не

хватает воображения, и той левой, которую он желал бы представлять»¹⁹⁸.

Негативно против бывшего премьер-министра была настроена Мартин Обри, автор закона о 35-часовой рабочей неделе и лидер течения Соцпартии, которое было вторым в 2011 году (во втором туре она получила 43,4% голосов), и часть сторонников Олланда, испытывающих resentment в отношении Вальса из-за его интриг против президента перед его отречением. «Возможно, не он убил президента, но именно он нанес последний удар ножом», — говорили депутаты, тесно связанные с Олландом¹⁹⁹. Но они фактически не нашли фигуру, способную возглавить борьбу против Вальса.

Зато на левом фланге Соцпартии был переизбыток кандидатов: в избирательную гонку готовы были включиться не только лидеры «фрондеров», бывшие министры Бенуа Амон и Арно Монтебур, но и ряд других левых социалистов.

Фильтры на этих выборах были явно слабее, чем на праймериз правоцентристской коалиции: нужно было получить поддержку лишь 5% представителей одной из следующих категорий — или членов национального совета ФСП, или депутатов-социалистов, или советников департаментских и региональных советов, представляющих не менее 4 регионов и 10 департаментов, или мэров-социалистов из 4 регионов и 10 департаментов. У левого крыла не было единого лидера, и как сказал один из депутатов-социалистов, «организация праймериз рискует превратить партию в бардак»²⁰⁰.

В праймериз Соцпартии участвовало гораздо меньше избирателей, чем на первичных выборах правоцентристской коалиции: проголосовало всего лишь 1 млн 249 тыс. избирателей (по первым заявлениям избирательной комиссии), тогда как в 2011 году их было 2,6 млн²⁰¹. Сжатие электората Соцпартии было вполне объяснимо: все опросы показывали, что у кандидата Соцпартии нет никаких шансов выйти во второй тур президентских выборов. Политолог Жером Жаффре писал, что задачи праймериз Соцпартии были гораздо скромнее, чем первичные выборы правоцентристской коалиции: «речь шла не о выборе будущего кандидата в президенты, способного выиграть, а о голосовании за политика, который дальше понесет знамя Соцпартии». С его точки зрения, «если цель праймериз спасти Соцпартию, то это вряд ли может стать мобилизующими лозунгом»²⁰². Исследование, проведенное социологом Д. Ренье, пока-

зало, что избиратели ФСП были нацелены «скорее найти лидера левых, нежели завоёвывать политическую власть в стране»²⁰³. Поражение было уже включено в сознание активистов и избирателей ФСП. Газета «Монд» подчеркивала: «Смертельная спираль уже в действии, и её никто ни в силах остановить: ни рекордная непопулярность главы государства, ни крутые повороты его премьер-министра, который, констатировав существование «двух несовместимых левых», пытается без надежды на успех собрать осколки в единое целое, ни те, кто претендует на альтернативу, заблудившись и оказавшись в тупике»²⁰⁴.

Если кандидаты праймериз правоцентристской коалиции были идеологически однородны и спорили по второстепенным проблемам, то между Вальсом и «фрондерами» сохранялись фундаментальные противоречия. В экономической области Монтебур требовал «покончить с политикой жесткой экономии». «Фрондеры» выступали за резкое повышение уровня минимальной зарплаты — с 1467 евро до 1800 в 2022 году. Они выступали за сильное государство: Монтебур даже предлагал «временно или частично национализировать банки». По вопросу европейского строительства «фронтеры» требовали пересмотреть нынешний договор Евросоюза, а Монтебур был готов аннулировать его. В области экологии их предложения были весьма радикальны, хотя малореалистичны²⁰⁵. Амон предлагал отменить уголовную ответственность за производство конопли и легализовать употребление марихуаны. Чтобы получить голоса мусульман, он призывал признать Палестинское государство и ввести гуманитарную визу для беженцев. Представители команды Вальса даже называли Амона «исламо-гошистом», говорили о его повышенной терпимости к радикальному исламу и мусульманской системе ценностей. Столкнулись две концепции: с одной стороны, Амон, проповедник «антирасизма» и коммунитаризма, с другой — Вальс, «ортодоксальный республиканец»²⁰⁶.

В этой ситуации Манюэлю Вальсу оказалось весьма сложно «найти выход из классической ловушки в политике: как измениться, не отказываясь от своей идентичности»²⁰⁷. Он сделал ставку на объединение «двух несовместимых левых», протягивая руку своим бывшим антагонистам. Он боролся не только за голоса «легитимистов» Олланда, но и за «фрондеров» и даже за «радикальную левую» Ж-П Меланшона. «Я изменился, я больше не премьер-министр», —

говорит Вальс. И он предлагает темы, немыслимые для социал-либерала: «универсального дохода», «глобализации народов», «демократического возрождения». Вальс, который за полтора года шесть раз использовал статью 49.3 (принятие премьером закона без голосования в Национальном собрании), предложил изъять её из Конституции. Французские публицисты называют подобные идеи «великой ярмаркой демагогии»²⁰⁸.

В ответ его конкуренты выдвинули лозунг: «Кто угодно, только не Вальс», по аналогии с кампанией против Саркози во время праймериз правоцентристской коалиции. Они объявили Вальса «клонном» Олланда, в равной степени ответственным за итоги легислатуры. «Неважно, с кем мы сражаемся — с Олландом или Вальсом. Они разделяют ответственность за итоги этой политики, это одна и та же политическая линия в разных воплощениях», — заявил депутат Л. Бомель, поддерживающий Монтебура. Другая линия «фрондеров» сводилась к тому, что политический лидер, нарушавший традиционные табу социалистов, не способен объединить левых во всем их многообразии. М. Обри выразила эту мысль достаточно четко: «Если существует две левые силы, то одна из них становится правой»²⁰⁹.

Безусловно, Вальс обладал уникальными ресурсами: он рассматривался избирателями как единственный из кандидатов, готовый к осуществлению функций президента Франции. По опросу IPSOS, проведенному накануне первого тура, 43% французов признавали за ним это качество и только 17% — за Амоном. Кроме того, у экс-преьера была наиболее широкая поддержка среди нотаблей Соцпартии — он опережал и Монтебура, и Амона (имеющих поддержку по 25 нотаблей каждый) в несколько раз. Но по общему индексу предпочтений левых избирателей Монтебур и Амон намного опережали Вальса. Оценки Монтебура и Амона по 10-балльной шкале были равны соответственно 5,3 и 5,4 балла, а Вальса — всего 3,8. По своим идеологическим представлениям левые избиратели были ближе к Амону, чем к Вальсу (соответственно 4,8 и 4 балла)²¹⁰. Поскольку выбор носил прежде всего идеологический характер — он должен был подтвердить верность левым ценностям, Амон получил ощутимое преимущество над Вальсом.

Амон провел самую динамичную кампанию, опираясь на свои связи в молодежных организациях партии и в студенческих проф-

союзах. Именно идея Амона об «универсальном доходе» окончательно разделила Соцпартию. Он предложил заменить так называемый доход активной солидарности (RSA) в размере 524 евро, предоставляемый гражданам старше 25 лет, лишенным каких-либо ресурсов, «универсальным доходом» в размере 600 евро в месяц, автоматически распределяемым всем французам с 18 лет, а потом поднять его до 750 евро (стоимость проекта оценивалась в 300–400 миллиардов евро).

Эта шоковая идея, дорогостоящая и практически нереализуемая, доминировала в обсуждениях в двух из трех телевизионных дебатов и стала главной темой последних дебатов между Вальсом и Амоном. «Фрондер» Амон предложил также сократить рабочую неделю до 32 часов, аргументируя это тем, что в цифровой цивилизации работа постепенно станет редкостью. Каждый в результате получит возможность «распоряжаться своим рабочим временем». Не только Вальс, но и Монтебур назвали этот проект «абсолютно нереальным и нацеленным на создание «общества бездельников»²¹¹.

В традициях социализма Амон и его сторонники предлагали утопию, не обращая внимания на реальность — внешнее окружение, Европу, конкурентоспособность Франции, состояние финансов. Левые, персонифицируемые Вальсом, принимают внешние ограничители и логику управления. Это давнее разделение между «утопистами» и «прагматиками» в Соцпартии, но на сей раз большинство у тех левых, которые были готовы не обращать внимания на внешние ограничители во имя новой утопии — превращения *Homo faber* в *Homo ludens* (Человека творящего в Человека играющего). В результате Амон победил Вальса во втором туре с результатом 58,65% против 41, 35%.

Избирательная кампания: победа Эмманюэля Макрона

«Сумасшедшие выборы»

Президентские выборы 2017 года французские журналисты справедливо называли «сумасшедшими». Академик Ален Дюамель, который с 1965 года комментирует президентские выборы, говорил, что ни разу не видел столь драматической кампании. Он её называет «странной, необычной, нарушающей все правила, иконоборческой»²¹². Политические картинки менялись с калейдоскопической скоростью.

В своем исследовании политического характера французов Ален Дюамель писал, что «изменчивость» является типичной чертой поведения граждан Франции. Она поставила мировой рекорд по числу конституций: «За два века Франция произвела 15 конституций и, следовательно, 15 политических режимов»²¹³. Но в 1958 году Франция достигла стабильности благодаря Конституции Пятой республики и её избирательной системе — мажоритарным выборам в два тура, которая фактически навязала стране биполярность, и ее не смогли подорвать ни центристские лидеры (например, Раймон Барр в 1988 году или Франсуа Байру в 2007 и 2012 годах), ни «экстремистские» кандидаты (сначала от ФКП, а после 1986 года от Национального фронта). В годы Пятой республики две крупнейшие политические силы — левоцентристская (ФСП) и правоцентристская (от голлистского Союза демократов в поддержку республики (ЮДР) до сегодняшних республиканцев) доминировали на политической арене, набирая на президентских выборах от 44% до 76% голосов.

В Пятой республике центристы, недовольные биполярной системой выборов, пытались найти свой выход из сложившейся политической ситуации. Центрист Жан Леканюэ получил 15,6% голосов в первом туре президентских выборов 1965 года, Ален Поэр набрал 23,3% и вышел во второй тур президентских выборов 1969 года. С 1972 года министр финансов Валери Жискар д'Эстен уверял, что

«Франция желала бы, чтобы ею управляли из центра» и заявил, что необходимо собрать центристское большинство — «двоих из трех французов». В 1974 году он получил 32,6% в первом туре президентских выборов и 50,8% во втором. Однако ввиду усиления единого фронта левых сил ему пришлось стать правым президентом, и в 1981 году он проиграл Ф. Миттерану. Центристские кандидаты (Раймон Барр с 16,5% в 1988 году и Эдуар Балладюр с 18,5% в 1995 году) выдвигались справа и поддерживали Жака Ширака во втором туре президентских выборов 1995 года. После победы Ширака и его нового успеха в 2002 году казалось, что у центризма нет будущего. Продолжателем центристского наследия стал Франсуа Байру, который в 2002 году получил всего-навсего 6,8%, но в 2007-м сумел собрать 18,6% голосов и даже привлечь какую-то часть электората ФСП, разочаровавшуюся в левых партиях. Провал политики Олланда и неспособность правых к перестройке, открыли дорогу политику, который вышел не из правой или центристской партии, а, напротив, был связан с ФСП (с 2006 по 2009 год Макрон был членом Соцпартии).

Веру французской элиты в политическую биполярность не подорвали ни успех Байру на президентских выборах 2007 года, ни растущий абсентеизм избирателей, ни рост влияния Национального фронта, который в 2015 году на департаментских и региональных выборах лидировал среди партий Франции, ни даже настроения дегажизма, усилившиеся в последние годы. Дегажизм — протест ради протеста, без ясно выраженного стремления завоевать власть. Это понятие впервые появилось во время народного движения в Тунисе в 2011 году, когда демонстранты выдвинули лозунг «Dégage» («Убирайся») по отношению к президенту Бен Али.

В действительности две легислатуры — Николя Саркози (2007–2012) и Франсуа Олланда (2012–2017) — окончательно разрушили биполярную систему. По качественным социологическим исследованиям (методом фокус-групп), негативизм французов к Саркози в конце концов перешёл в отвращение. Что касается Олланда, то он быстро превратился в предмет насмешек и явного презрения. И всё это привело к настоящему кризису французской демократии²¹⁴. По данным CEVIPOF, перед президентскими выборами 89% французов считали, что «политические деятели практически не задумываются о проблемах простых людей». В 70-е годы более 2/3

французов верили в то, что политики Франции «честные люди». Но в 2016 году три четверти опрошенных были, напротив, уверены, что политики коррумпированы²¹⁵.

По опросу, проведенному в декабре 2016 года институтом общественного мнения IPSOS для газеты «Монд», 57% французов считали, что демократия во Франции осуществляется плохо, а 32% даже предполагали, что есть другие политические системы, которые функционируют не хуже, чем демократия²¹⁶. По другому опросу этого института, 9% французов утверждали, что политика им «безразлична», 20% — что они испытывают к ней «отвращение». Наконец, в другом исследовании выяснилось, что 27% опрошенных «в прошлом интересовались политикой, но сейчас с этим покончено и отныне она реально их не интересует»²¹⁷.

На предыдущих выборах всегда возникала центральная тема, которая доминировала в кампании: в 1995 году ею стала проблема «социального раскола», которая позволила Ж. Шираку «обойти слева» премьер-министра Э. Балладюра, в 2002 году преобладала тематика безопасности, в 2007 году — проблема труда («больше работать и больше зарабатывать» призывал Саркози), в 2012 году — тема кризиса и ответственности финансистов. Но в кампании 2017 года не было центральной темы. Даже борьба с терроризмом не находилась в центре дебатов. Проблема идентичности, которую пытались предложить Саркози и мадам Ле Пен, тоже не стала главной в дискуссиях кандидатов. «Пустота кампании привела к растерянности французов», — писал французский социолог Оливье Рей²¹⁸.

В результате сами избиратели фактически навязали кандидатам осевую тему избирательной кампании: кризис политического представительства. Социолог Брис Тентюрье писал: «Никто из кандидатов не сумел предложить своей темы, но избиратели предложили им свою — разблокировать политическую систему»²¹⁹. Ресентимент и гнев стали важными элементами мотивации французских избирателей. Известный французский политолог Ролан Кароль даже издал книгу с символическим названием «Причины гнева»²²⁰. Французские социологи писали и о возможности такого иррационального феномена, как дегажизм.

В 2010 году Меланшон издал книгу «Qu'ils s'en aillent tous!» («Пусть они все уходят!»), которая стала бестселлером. И действительно, во время избирательной кампании за 6 месяцев фран-

цузы вышвырнули за борт двух президентов Франции, одного из них действующего, и трех премьер-министров, один из которых только что руководил правительством. Одновременно они «взорвали» две партии, которые правили страной в течение 50 лет. Сейчас кандидаты этих партий вместе не набрали и 30% голосов, тогда как в 2012 году Саркози и Олланд имели вдвоём 56%²²¹. Французский политолог Брюно Котре пишет, что эти выборы напоминают «триллер, герои которого устраняются один за другим»²²². Волна дегажизма накрыла Н. Саркози, Ф. Олланда, А. Жюппе, М. Вальса, а потом и Ф. Фийона.

«Пенелопагейт» и провал Франсуа Фийона

После блестящей победы на первичных выборах у Фийона началось «головокружение от успехов». Патрик Стефанини, его главный политтехнолог, отмечал, что у него было явно неадекватное представление о сложившейся ситуации: «Как победитель великих Саркози и Жюппе он ощущал себя на облаке и сразу же уехал кататься на лыжах»²²³. Фийон был уверен, что избиратели праймериз поддержали его проект, а не проголосовали против Саркози и Жюппе. По словам Стефанини, он не хотел приспособить свой проект к новой реальности, ему не хватало эмпатии, он не понимал тех изменений, которые переживало французское общество, не чувствовал народных настроений²²⁴.

24 января 2017 года произошла сенсация, которая изменила ход президентской кампании: сатирический еженедельник *Canard enchaîné* опубликовал статью о том, что Пенелопа, супруга Фийона, никогда не занимавшаяся политикой, фиктивно работала помощником депутата Национального собрания Фийона, а также замещающего его депутата (исполнявшего обязанности, когда Фийон был министром) в течение 8 лет, заработав около 900 тыс. евро. Кроме того, не выполняя никакой работы, она занимала должность редактора журнала *Revue de deux mondes*, принадлежавшего другу премьер-министра. Национальная финансовая прокуратура открыла дело против Фийона, обвинив его «в злоупотреблении общественными благами и в хищении государственных средств». Далее последовал ряд подобных разоблачений, в том числе о незаконном найме

детей Фийона на юридическое обслуживание дел отца без наличия дипломов. Потом журнал *Canard Enchaîné* опубликовал статью о том, что Фийон взял в долг 50 000 евро, о котором вопреки закону не было сообщено налоговым органам. Он также получил в подарок дорогие костюмы, о которых не сообщил в налоговую инспекцию.

В результате «абсолютно выигранная избирательная кампания Франсуа Фийона превратилась в неизбежно проигранную»²²⁵. За месяц, с 7 января до 12 февраля, по опросу SEVIPOF, доля лиц, готовых голосовать за Фийона, упала с 27% до 18,5%. Кроме того, французские социологи выявили отсутствие какого-либо резерва для мобилизации новых сторонников²²⁶.

Закон не запрещал депутатам и сенаторам нанимать близких родственников в качестве своих помощников, и многие пользовались этим правом, и в парламенте даже существовала лоббистская ассоциация, призванная защищать интересы этих депутатов. Однако закон весьма строго наказывал фиктивную занятость родственников. Сам Фийон сразу же заявил, что Пенелопа осуществляла «реальную» работу и ситуация полностью «прозрачна».

Поначалу Фийон говорил, что откажется от участия в выборах, если ему будут предъявлены обвинения. Национальная финансовая прокуратура (НФП), имевшая персональные связи с администрацией Олланда, начала предварительную проверку обвинений против Пенелопы: были допрошены супруги, ряд свидетелей, проведены обыски в здании парламента. НФП нарушила французскую традицию невмешательства судебной власти в политический процесс. Информация собиралась в пожарном порядке, и её оказалось достаточно, чтобы НФП не прекращала дело. Некоторые юристы в связи с этим говорили о «институциональном государственном перевороте» за два месяца до президентских выборов.

Через год во Франции на двух телевизионных каналах было проведено специальное исследование, призванное понять — «Кто убил Франсуа Фийона?»²²⁷ Журналисты *Canard Enchaîné* уверяли, что им никто не передавал конфиденциальную информацию о платежной ведомости супруги Фийона, которая была доступна 95 служащим Национального собрания, и что они сами её нашли и обработали. Более понятна ситуация с дорогими костюмами: адвокат Робер Буржи, близкий друг Саркози, был возмущен словами бывшего премьер-ми-

нистра о том, что Шарля де Голля было «невозможно представить находящимся под следствием» (явный намек на уголовные дела Саркози — Буржи был недоволен таким оскорбительным для Саркози сравнением с де Голлем). Буржи недавно признался, что он, зная жадность Фийона, подарив ему костюмы, устроил победителю праймериз своеобразную ловушку, в которую тот и попался. Комментаторы приходят к выводу, что «Фийона убил сам Фийон». Он погиб из-за «своего характера, тех слабостей, которые не смог преодолеть»²²⁸.

Вопрос о юридической форме обвинения в хищении государственных денежных средств был решен в пользу предварительного следствия. Адвокаты Фийона надеялись, что следствие пойдет по обычному пути, и тогда оно затянулось бы на несколько недель, и вряд ли обвинение будет предъявлено до президентских выборов. Однако министр юстиции Жан-Жак Юрвоас заявил, что «ничего не оправдывает» какой-либо паузы в следствии. С невероятной скоростью судьи, нарушив республиканскую традицию «юридического перемирия» во время президентских выборов, 1 марта выдвинули обвинение Франсуа Фийону и вызвали его для предъявления обвинения 15 марта в 20 часов (то есть накануне дня выдвижения кандидатов на президентские выборы, намеченного на 17 марта, и в прайм-тайм на телевидении).

Решение НФП и атаки «пиаровского трибунала» пробудили в кандидате РП желание «сразиться с этой шайкой», как он сам выразился, и Фийон подтвердил свое стремление идти до конца и не снимать свою кандидатуру. По словам еженедельника «Экспресс», Фийон «показал такую волю к сопротивлению, которую никто из правых политиков в нём не подозревал»²²⁹. Депутаты-республиканцы поначалу сплотились вокруг своего кандидата, правда без всякого энтузиазма. Падение рейтинга было приостановлено: он не падал ниже 18–20%. Как писал еженедельник «Пуэн», это ядерный электорат «правой Франции, которая будет голосовать за консервативного кандидата, несмотря на ветер, дождь или снег, да еще с бельевой прищепкой на носу»²³⁰.

Однако вызов в суд и угроза предъявления обвинений сломали систему обороны, которую выстроил Фийон. 1 марта вся Франция ожидала, что он снимет свою кандидатуру. Фийон позвонил Саркози и Жюппе, и бывший президент посоветовал ему «держаться», а

Жюппе — самому принимать решение и нести за него ответственность.

Фийон решил сражаться до конца, тем самым отрекаясь от своего прежнего заявления о снятии своей кандидатуры, если ему предъявят обвинение. Когда же Фийон осознал, что следствие не остановится, он заявил, что «отныне он признает только приговор всеобщих выборов».

Но на сей раз сохранить единство правого лагеря оказалось невозможным. Брюно Ле Мэр, который был конкурентом Фийона на праймериз, а затем стал в его штабе ответственным за международную политику, вышел из кампании вместе с депутатами, которые его поддерживали во время первичных выборов. Его официальный мотив: Фийон не сдержал своего обещания снять кандидатуру в случае, если ему предъявят обвинение.

На следующий день началось бегство сторонников Жюппе, один за другим они заявляли о выходе из кампании. Жиль Буайе, казначей кампании, ранее являвшийся правой рукой Жюппе, тоже вышел из состава штаба. Даже в ближнем кругу Фийона началась переоценка ценностей. Председатель сената Жерар Ларше, политик, весьма близкий к Фийону, и генеральный секретарь РП Бернар Аккуайе рекомендовали ему выйти из кампании. Саркози также стал говорить, что ситуация деградирует с каждым днем. Патрик Стефанини вместе с двумя замами и пресс-секретарь Фийона Тьерри Соллер подали в отставку. Только за один день, 3 марта, избирательный штаб покинули 35 технологов.

Провинциальные «нотабли» РП стали требовать отставки Фийона: 46 региональных советников региона Прованс — Альпы — Лазурный берег, 31 — департамента Эссон и др. В течение одного дня 250 «избранников народа» отреклись от своей поддержки Фийона. Наконец, Жан-Кристоф Лагард, возглавляющий центристскую партию Союз демократов и независимых (СДН), заявил, что партия приостанавливает свою поддержку кандидатуры Фийона и, возможно, выдвинет свою кандидатуру. Чтобы вынудить Фийона уступить дорогу Жюппе, его избирательную машину просто-напросто «разламывали», разбирали на кусочки. *Это была настоящая операция «принуждения к отставке».* Республиканцы и центристы из СДН готовили «сценарий Б». Саркози заявил о драматизме ситуации и необходимости искать выход. Президенты советов трех ре-

гионов — Кристиан Эстрози (Прованс — Альпы — Лазурный берег), Валери Пекресс (Иль-де-Франс), Ксавье Бертран (О-де-Франс) призвали найти достойный выход для Фийона. На понедельник, на 24 часа раньше планового срока и без согласования с кандидатом, было неожиданно назначено заседание политического комитета Республиканской партии. В Конституционный совет стали приходить первые подписные листы на имя Алена Жюппе, хотя он не двигал своей кандидатуры.

Фийон категорически отказался снимать свою кандидатуру, а Пенелопа публично поддержала его решение, сказав, что оно принято на семейном совете. Призвав своих сторонников прийти на площадь Трокадеро 5 марта на демонстрацию в свою поддержку, Фийон, максимально драматизируя ситуацию, фактически решил сыграть ва-банк. В соответствии с бонапартистской традицией он обращался напрямую к правым избирателям, обвиняя правительство, что оно создало «климат почти гражданской войны» и совершает «политическое убийство».

Фийон заявил, что обойдется без депутатов, «избранников народа», и будет опираться на своих избирателей. В своих выступлениях он перестал ссылаться на депутатов РП и фактически проигнорировал массовое бегство «нотаблей» из избирательной кампании. Он говорил: «Можно ли представить, что десять партийных аппаратчиков отменят голосование более чем 4 миллионов французов, и объявят его недействительным, и решат, кто будет кандидатом партии на президентских выборах?»

После резкого ослабления своих позиций в элите судьба кампании Фийона становилась все более зависимой от народной поддержки в воскресенье на митинге на площади Трокадеро. Организаторы митинга говорили: «Если на площади будет темным-темно, то мы победили, если будет гулять только ветер, то надо завершать кампанию». По некоторым данным, в организации этого митинга участвовал К. Биян, президент *Le Sens Commun*, политического крыла католического движения *La Manif pour tous*. И действительно, тысячи французов пришли на площадь Трокадеро, которая была целиком заполнена. Объективные обозреватели предположили, что на митинг пришло от 30 до 50 тысяч человек, хотя его организаторы называли немислимые 200 тысяч²³¹. Фийон призвал их «держаться до конца, как и я». На тот момент митинг на

Трокадеро спас Фийона. Стало ясно, что «сценарий Б» не может быть реализован. Политический комитет РП, собравшийся 6 марта, единодушно поддержал кандидатуру Фийона. На своей пресс-конференции 5 марта в Бордо Ален Жюппе заявил, что он не будет выдвигать свою кандидатуру на пост президента, несмотря на многочисленные обращения к нему с этой просьбой. Он обвинил Фийона в «упрямстве», которое породило «невероятный беспорядок». С его точки зрения, в результате часть правых избирателей радикализируется, центристы уходят к Макрону, а часть нотаблей РП напуганы доминированием *Le Sens Commun* в кампании. Он поблагодарил всех за поддержку, в том числе и тех, кто «сначала резко критиковал мой проект, а потом обратился ко мне как к последнему средству спасения». Жюппе, писал еженедельник «Экспресс», «ушёл с политической авансены, раскритиковав попутно Фийона». Между сторонниками Жюппе и центристами из СДН, с одной стороны, и радикальными активистами, поддерживающими Фийона и Саркози, с другой, наметился идеологический и политический разрыв.

После праймериз Фийон предстал в общественном мнении «как голлистский кандидат, либеральный в сфере экономики, консервативный в области культуры и безукоризненный с моральной точки зрения»²³². Во время праймериз он утверждал: «Тем нужна порядочность, кто управляет нашей страной. Она особенно необходима тогда, когда ради возрождения страны придется просить французов согласиться на жертвы»²³³. Однако теперь под ударом оказались моральные качества Фийона, его честность, столь необходимые для проведения политики «тэтчеризма». «Наш кандидат проиграл, но определенная идея морали в политике восторжествовала», — подчеркивал Жорж Фенеш, депутат РП, который активно боролся за отставку Фийона после «Пенелопагейта»²³⁴.

«Пенелопагейт» перевернул ситуацию ещё в одном смысле: расчёты телевизионного времени, которое использовал Фийон на Первом канале, весьма показательны: из 299 минут, которые были затрачены, 174 минуты ушли на обсуждение «делишек» кандидата, то есть 58% всего времени. В разгар дела «Пенелопагейт», с 23 января по 21 апреля, эта тема заполнила 84% всего времени кандидата Фийона. Иначе говоря, свой меседж Фийон в этот период просто не мог донести до аудитории²³⁵.

Вовлеченный в «Пенелопагейт» Фийон «был вынужден вести оборонительную кампанию, в которой доминировали пораженческие и пессимистические интонации»²³⁶. Он говорил о «провале французского государства», о «колоссальных долгах», об «удушающей страну бюрократии», массовой безработице, отсутствии безопасности и угрозах исламского тоталитаризма. Фактически он конкурировал с Национальным фронтом по темам, которые вызывали общественное беспокойство, порой поднимая ставки. Он не пытался расширить свою программу, обогатить её, чтобы привлечь новые социальные группы, а, напротив, всё более и более замыкался в защите национальной идентичности и традиционных ценностей. Его кампания не генерировала новых надежд или национальной мечты. Темы, которые он проповедовал — честность и экономическая строгость, этика и семья, мораль в политике, стали контрпродуктивными в атмосфере «Пенелопагейта».

Опрос, проведенный социологическим институтом Kantar Sofres в марте 2017 года, показал, что положение Фийона стало катастрофическим: его рейтинг составлял всего 17% и «победа при Трокадеро» не спасала от поражения на президентских выборах. Главной проблемой политического позиционирования Фийона являлось восприятие его массовым сознанием как «нечестного» политика: только 10% считали бывшего премьер-министра «честным», тогда как до начала «Пенелопагейта» 32% были уверены в его «порядочности». 75% французов считали, что он должен покинуть президентскую гонку²³⁷.

Некоторые обозреватели выдвигали версию, что Фийон не сумел выйти во второй тур из-за участия в президентской гонке Николя Дюпон-Эньяна, «подлинного голлиста», руководителя правого движения «Вставай, Франция!», набравшего 4,7% голосов в первом туре президентских выборов, тогда как Марин Ле Пен опередила Фийона всего на 1,3 процентных пункта²³⁸. Впервые Дюпон-Эньян стал заметной фигурой в президентской кампании в середине марта 2017 года, когда он отказался признать «диктат» пяти кандидатов, которые проводили первые телевизионные дебаты в своем кругу, без шести кандидатов второго ранга. Это вызвало симпатии общественного мнения, и его рейтинг поднялся до 5,5% в конце марта. В конечном счете он все же не преодолел 5%-ный барьер, который позволял пользоваться поддержкой государства, и не стал первостепенной причиной провала кандидата РП. Если рассматривать в

качестве «адресной аудитории» Фийона электорат Саркози 2012 года, то 60% этих избирателей поддержали кандидата «Республиканцев», 17% — Макрона, 14% — Марин Ле Пен и только 4% — Дюпон-Этьена. Таким образом, его кандидатура «еще больше ослабила Франсуа Фийона, но не была главной причиной его поражения»²³⁹.

Надо принять во внимание ещё одно обстоятельство: католический электорат, который ранее поддерживал Фийона (в начале января за него собирались голосовать 30% католиков и 49% прихожан, постоянно посещающих мессу), гораздо сильнее отреагировал на моральный образ политика, чем избиратели, не связанные с церковью. За один месяц, по исследованию IFOP, Фийон потерял 6 пунктов среди католиков и 12 пунктов среди практикующих католиков, тогда как среди нерелигиозных избирателей — только 1,5 пункта (с 12% до 10,5%). Если для большинства французов характерен весьма циничный подход «все не без греха», то прихожанам, глубоко включенным в католицизм, сложнее простить небольшие грешки Фийона²⁴⁰.

Исследование CEVIPOF показало, куда ушли избиратели Фийона: половина перебежчиков в первом туре перешла на сторону Макрона, остальных перехватили другие кандидаты. «Перебежчики» были намного моложе, чем постоянные избиратели, чаще являлись мелкими служащими или рабочими, имели гораздо более низкие доходы. «Верный электорат» располагал себя на крайне правом фланге оси левые — правые, тогда как «перебежчики» были в большей степени центристами²⁴¹. Хотя многие правые политики уверены, что в 2017 году проиграл лично Фийон, а не правоцентристская коалиция, в реальности поражение было обусловлено слабыми позициями в народных слоях, которые поддержали Саркози в 2007 году, но потом стали переходить на сторону Национального фронта.

Амон и Меланшон в борьбе за левый электорат

«Жак-Люк Меланшон провел лучшую избирательную кампанию. По форме это была самая творческая и самая инновационная кампания. Он подтвердил свои способности великого оратора, тонко

чувствующего язык, к чему во Франции всегда относятся с уважением. Проведенная им кампания стала доказательством его политического интеллекта. Безусловно, он выдвинул самую абсурдную программу, но защищал её очень умно».

(Ален Дюамель, академик, высший авторитет по избирательным кампаниям)

Кампания Бенуа Амона, победившего на праймериз Соцпартии Франции и одного из лидеров левых социалистов, сложилась крайне неудачно. С самого начала в его кампании появилось множество проблем: долгое время естественным кандидатом ФСП был президент Олланд и поэтому первичные выборы все время откладывались и завершились только в январе 2017 года. После победы на праймериз Амон потратил очень много времени на переговоры с «зелеными», договариваясь о снятии их кандидата (Яника Жадо) и пытаясь выработать общую платформу. Затем он натолкнулся, несмотря на то что смягчил многие положения своей программы, на неприятие его кандидатуры рядом лидеров Соцпартии, которые не могли забыть, что он возглавлял фронду против правительственных проектов (например, министр сельского хозяйства Стефан Ле Фол или спикер Национального собрания Клод Барталон). А некоторые из них прямо перешли на сторону Макрона (в том числе и бывший премьер-министр М. Вальс). Руководство ФСП надеялось заключить соглашение с Макроном, но, понимая непопулярность правительства Олланда, он отказался от каких-либо переговоров.

В это же время вся публичная политика вертелась вокруг «Пенелопагейта» и пробиться к избирателям было крайне сложно. И наконец, в борьбе за левый электорат Амон столкнулся с Меланшоном, весьма сильным и опытным конкурентом. Но главное — это структурная проблема его кампании: он оказался в своеобразном «бермудском треугольнике», между Макроном и Меланшоном, которые с двух сторон раздирали его электорат. Первоначально Амон как победитель праймериз заработал вполне приличный рейтинг — в начале февраля за него были готовы голосовать от 15% до 18% избирателей, и он опережал Меланшона. Но это преимущество достаточно быстро улетучилось: к середине марта его рейтинг упал до 13,5%, а 22 марта, по данным IFOR, Меланшон его обошёл (12% против 11%). Дальше стал действовать эффект избирательной кампании Меланшона и принцип «полезного голосования»: 21 апреля опросы

уже давали Амону лишь 7%, а в конечном счете он получил и вовсе 6,4%. И его избиратели — это фактически остаточный электорат ФСП, в большей степени разделяющий ценности левой части Соцпартии. Французские социологи пишут: «Безусловно, поражение социалистов было ожидаемо, но не столь широкомасштабная катастрофа»²⁴².

Намного успешнее была кампания Жака-Люка Меланшона, которого французские политологи даже называли «скрытым победителем президентских выборов»²⁴³. Он получил практически 20% голосов (19,58%), почти удвоив свой результат по сравнению с 2012 годом (11,1%). В первом туре выборов 23 апреля 2017 года Меланшона поддержали 70% левых избирателей, тогда как Амона, официального кандидата Соцпартии, всего 26%.

Подъём лидера движения «Непокорная Франция» начался после первых телевизионных дебатов 20 марта, на которых он проявил себя как блестящий политический «дуэлянт», и после большого митинга 18 марта в Париже, на который, по словам организаторов, пришло около 130 тысяч человек. На телевизионных дебатах зрители восприняли его как реального политика со своей программой и как «честного» человека (по оценке французского социолога Брюно Жанбара)²⁴⁴. Даже правые издания признавали Меланшона лучшим оратором среди всех кандидатов («Какой дьявол превратил Меланшона в гениального оратора?» — писали французские газеты). Одновременно он использовал новейшие коммуникационные технологии — YouTube, браузерную игру в Интернете, в которой кандидат «вытрясал» средства на предвыборную кампанию, или голограммы для трансляции на митингах своих выступлений сразу в нескольких местах. Жан-Люк Меланшон выступал в Лионе, в то время как его трехмерная голограмма разговаривала со сторонниками в городе Обервилье. Для выступления Меланшона компания Adrénaline Studio разработала специальные аудиоэффекты, усиливающие эффект присутствия кандидата. Меланшон выступал на митингах сразу в семи городах в разных частях Франции одновременно, что стало своеобразным рекордом. Меланшон был первым политиком, который выступал в прямой голографической трансляции, его предшественники (премьер-министр Индии Нарендра Моди в 2012 году или президент Турции Реджеп Эрдоган в 2014 году) демонстрировали заранее подготовленную запись своих речей²⁴⁵.

Важным элементом его образа, по данным фокус-групп, проведенных социологами института изучения общественного мнения BVA²⁴⁶, стало ощущение его близости к народу, столь важное в период острого кризиса доверия к политической элите. «Он доступнее, чем другие кандидаты. Ощущается его желание быть ближе к народу», — говорила служащая 48 лет с севера Франции. «Это интеллигентный мужчина, образованный, с чувством эмпатии по отношению к другим людям, особенно к находящимся в неблагоприятном положении», — отмечал предприниматель 54 лет. 19% его избирателей заявили, что именно личность, а не его программа побудила их поддержать Меланшона.

Несмотря на то что Меланшон в политике более 20 лет, он воспринимался как новый кандидат, ибо его программа предусматривала реформу институтов Пятой республики, в том числе расширение политических прав граждан. «Я думаю, что только программа «Непокорной Франции» может вернуть французам право на выражение своего мнения, которое должно существовать в демократическом режиме», — подчеркивала служащая 32 лет, левая по своим убеждениям.

В результате Амон стал терять доверие своих избирателей и в системе сообщающихся сосудов они начали переходить на сторону харизматичного Меланшона. Левые избиратели нашли своего кандидата, который давал надежду на выход во второй тур, и в соответствии с принципом «полезного голосования» проявляли всё большую готовность поддержать его. Левые избиратели всё чаще говорили, что Амон должен снять свою кандидатуру в пользу Меланшона.

Таким образом, кандидат «Непокорной Франции» использовал «воспроизводство медийного воодушевления»: чем больше о нём говорили как о кандидате, который поднимается, тем выше он поднимался, а чем выше он поднимался, тем больше о нем говорили. По данным IFOP, 44% французов убеждены, что Меланшон «лучше всех выражает левые ценности», 31% — Амон и 21% — Макрон²⁴⁷.

Фокус-группы показывали, что его кандидатура отражает конфликт между левыми и правыми. Левым избирателям было сложно сделать окончательный политический выбор. За кого проголосовать, чтобы не «допустить второй тур между мадам Ле Пен и Фийоном»? У кого больше шансов пройти во второй тур? За кого го-

лосовать, не отказываясь от своей самости? Более половины избирателей Амона были готовы изменить свой выбор, значительная часть электората Макрона не приняла окончательного решения. Да и в самом электорате Меланшона примерно треть не определилась полностью. «Сложность выбора между разумом и сердцем доводит левых до мигрени». Их раздирают противоречия, и они ощущают себя «потерянными» и «загнанными в угол»²⁴⁸.

Сама специфика президентских выборов 2017 года сыграла на руку Меланшону: кризис стоящих у власти левых в конце легислатуры Олланда, потребность общества в обновлении и растущее неприятие политического класса. Появилась необходимость в левом кандидате, который сплотил бы «радикальных левых», выступающих против либеральной глобализации, и «либеральных левых» Олланда.

Меланшон, блестящий оратор, стал проповедовать левые, даже левачьи идеи с сильными элементами популизма. Фактически он вернулся к дискурсу левых, характерному для Лионеля Жоспена (ФСП) или Пьера Лорана (ФКП) в 80–90-е годы, от которых лидеры ФСП уже отказались. Он включил в свою идеологию идеи Просвещения и Великую французскую революцию, в том числе её якобинский период, социалистический проект и мечты «зеленых». Его фразеология состояла из таких понятий, как «человечество» и «гуманизм», и он обещал простым людям «счастье», создавая тем самым философию «гуманистического этоса». «1789 год был для него важнее, чем 1917-й, гуманизм — важнее, чем марксизм»²⁴⁹. Одновременно он широко использовал социальную тематику, такие понятия, как «минимальная зарплата», «зарплата», «социальное обеспечение», «рабочий класс» и так далее, которые отчетливо маркировали его как защитника трудящихся. (Я говорю от имени шести миллионов рабочих и могу засвидетельствовать: рабочий класс существует! Я говорю от имени семи миллионов служащих, которые часто имеют близкий к рабочим статус: итого тринадцать миллионов человек! Во Франции нет более могущественного и более полезного класса, чем тот который делает все! — таково послание Меланшона.)²⁵⁰ Наконец, его дискурс носил ярко выраженный экологический характер: он выступал за отказ от атомных электростанций и в защиту «морской экологии». В понятии «экологического планирования» он сумел синтезировать социалистические и экологические ценности. Во внешней политике

он призывал выйти из НАТО, называл себя «кандидатом мира», был более критично настроен к ЕС, чем Амон. Он осудил американские удары по Сирии, одобренные Олландом, и Меркель.

С точки зрения политолога Брюно Жанбара, предел экспансии Меланшона наступил в тот момент, когда к нему перестали относиться как «пиаровскому пузырю» и начали серьезно анализировать его идеи, опасаясь его выхода во второй тур. Ф. Фийон атаковал его «коммунистическую программу», Макрон объявил его «коммунистическим революционером», Ле Пен назвала его «сторонником абсолютной иммиграции». В «Фигаро» появилась статья под названием «Меланшон — это бредовый проект французского Чавеса»²⁵¹. Программные положения Меланшона по ЕС, международным отношениям и даже в социально-экономической сфере явно расходились с предпочтениями большинства французов. Он предлагал заново договориться о границах в Европе, а балтийским странам самим решать свои проблемы с Россией, а также присоединить Францию к боливарианскому альянсу. Да и цена его проектов превышала любые разумные пределы и оценивалась в 270 миллиардов евро²⁵². Сложно представить, чтобы большинство французов были бы воодушевлены образами Фиделя Кастро и Уго Чавеса, любимых героев Меланшона, или судьбой современной Венесуэлы с её галопирующей инфляцией. Вот что говорил служащий 70 лет о программе Меланшона: «Кто может поверить, что он будет хорошим президентом? Его программа вызывает смех, ибо её нельзя реализовать». Макрон и Фийон практически в одинаковых тонах критиковали программу Меланшона, называя ее «абсолютно иррациональной» и «достойной ФКП 1960 года»²⁵³.

Впервые после 1969 года, когда Жак Дюкло, кандидат в президенты Компартии, опередил кандидата социалистов Гастона Деффера, представитель радикальной левой выходит вперед, оставляя кандидата Соцпартии далеко позади. С помощью союза левых сил Ф. Миттеран надолго закрепил доминирование социалистов на левом фланге. Результат Меланшона стал прорывом для радикальной левой: за пять лет, на руинах расколотой Соцпартии, подвергшейся износу в результате пребывания у власти, он сумел построить новую политическую силу, тем самым разрушив созданную в 1972 году Миттераном конструкцию. И в этом смысле «Меланшон стал анти-Миттераном», писал Ален Дюамель. «Франсуа Миттеран ощипал

коммунистическую птицу, а Меланшон ощипывает социалистическую курицу»²⁵⁴.

Голосование за Меланшона коррелирует с голосованием за кандидатов ФКП после 1981 года: поддержка Меланшона была выше в тех департаментах, в которых добивались раньше успехов кандидаты Компартии. Однако в них проживают ныне другие избиратели: рабочие и служащие покинули предместья Парижа и других крупных городов и предпочитают голосовать за Национальный фронт, а на их место пришли иммигранты. Меланшону удалось создать временный и весьма хрупкий союз между левацкой интеллигенцией, испытывающей кризис «деклассирования» («гошистами»), и гражданами Франции арабо-мусульманского происхождения²⁵⁵. «Гошисты» — это своего рода правнуки Льва Троцкого, которые от него и Ленина унаследовали неприятие как либеральной демократии, так и ненависть к капитализму и рыночной демократии²⁵⁶.

Часть руководителей «Непокорной Франции» воспринимает исламизм как «новую революционную утопию», а в «мусульманах» или «иммигрантах» им видится «новый пролетариат», который можно мобилизовать как на «классовую борьбу», так и на «борьбу рас». «После Че Гевары пришел Бен Ладен. После Маркса — Аллах»²⁵⁷. Они отказываются признавать ответственность радикального ислама за терроризм, а в выступлениях Меланшона появляются антисемиитские нотки, которые в реальности есть проявление латентного антисемитизма.

Если же говорить об исторических корнях голосования за Меланшона и движение «Непокорная Франция», то они получали более высокие результаты в районах, где было наибольшее сопротивление гитлеровской оккупации и действовали партизанские отряды («маки»), или там, где было мощное антивоенное движение в годы борьбы алжирского народа за независимость (в этих районах Компартия раньше обладала весьма крепкими позициями), или там, где концентрируются мощные экологические силы (например, на плато Ларзак или в Нотр-Дам-де-Ланд, где шла борьба против строительства аэропорта)²⁵⁸.

Электорат Меланшона отличается высокой долей молодых избирателей: в возрастной группе от 18 до 24 лет Меланшон получил 30% — на десять процентных пунктов больше, чем в среднем по возрастной выборке. Во-вторых, Меланшон получил неплохой резуль-

тат среди рабочих: если в 2012 году его результат в рабочей среде не выделялся среди других категорий избирателей, то в 2017 году он набрал 23% голосов рабочих. В-третьих, голосование за Меланшона в 2017 году отличалось высокой долей трудящихся, находящихся в социально и профессионально «подвешенном состоянии»: безработные (26,8% голосовали за Меланшона), лица с временными контрактами (28%), частично занятые (24,1%) и так далее. Иначе говоря, кампания Меланшона добилась своей цели: она закрепила его влияние в народных слоях и в среде социально неблагополучных избирателей, хотя Национальный фронт добился в этих группах более существенных успехов, например за Марин Ле Пен проголосовали 31,2% безработных, а за Меланшона 26,8%, кандидата НФ поддержали 35,5% квалифицированных рабочих, а кандидата «Непокорной Франции» — 25,2%. Но Меланшон научился бороться с Марин Ле Пен за этих избирателей²⁵⁹.

Блеск и нищета Марин Ле Пен

В первом туре президентских выборов 23 апреля Марин Ле Пен набрала 7 678 тыс. голосов (21,3% всех проголосовавших избирателей) и вышла во второй тур, второй раз в истории Национального фронта. Но если в 2002 году выход основателя партии Жан-Мари Ле Пена во второй тур стал сюрпризом для всех и казался невероятной случайностью (он опередил Лионеля Жоспена менее чем на 200 тыс. голосов), то результат Марин Ле Пен был вполне предсказуем, и она была впереди Франсуа Фийона на 460 тыс. голосов. В то же время второе место Марин Ле Пен, отставшей от Макрона практически на один миллион голосов, вызвал сильное разочарование в Национальном фронте, поскольку во время избирательной кампании опросы предсказывали ей победу в первом туре с результатом близким к 25% голосов. При этом все комментаторы подчеркивали высокую степень консолидации её электоральной базы. Академик Ален Дюамель отмечал: «Электорат Марин Ле Пен высечен в граните, тогда как у её соперников он представляет известняк, если не песок». Кроме того, она получила меньше, чем Национальный фронт на выборах в Европарламент 2014 года (24,8%) или на департаментских и региональных выборах 2015-го (соответственно 25,2% и 27,7%).

Успехи НФ отражали кризис «открытого общества». В экономике он был вызван глобализацией экономико-финансовых отношений, в политической области — строительством объединенной Европы, в социально-культурной сфере — усилением миграционных потоков и постепенным формированием мультикультурного общества. Социально-политическая ситуация, казалось, была весьма благоприятна для НФ: миграционный кризис достиг своего пика, акты исламского терроризма потрясли Францию (упомянутые теракт в Ницце 14 июля 2016 года, убийство священника в Сент-Этьенн-дю-Рувре). Брексит показал возможность победы евроскептиков и выхода из ЕС. Победа Трампа 8 ноября 2016 года выявила высокий потенциал популистского голосования в демократической стране.

Программа Ле Пен («144 президентских обязательства») фактически состояла из двух частей — патриотической и социальной. Её патриотические «обязательства» включали в себя обещание провести два референдума: один — о «национальном приоритете», другой — о восстановлении суверенитета в четырех сферах — бюджетной, законодательной, территориальной, денежной. НФ предлагал ликвидировать право «почвы» для предоставления гражданства, обеспечить для французов приоритет в получении социального жилья, прекратить государственную поддержку для иммигрантов в области медицины и резко сократить для них годовые субсидии (оставить их только для 10 тыс. человек). В социальной сфере предполагалось сохранить залог на крупные состояния, гарантировать социальное страхование для всех французов, начинать платить пенсии с 60 лет при условии выплаты пенсионных взносов в течение 40 лет, отменить закон Эль-Комри, предоставлять субсидии тем, чей доход ниже 1500 евро в месяц, сохранить 35-часовую рабочую неделю, отказаться от евро и перейти к национальной валюте. 24 марта 2017 года во время встречи в Кремле с президентом России В. Путиным она осудила американский удар по Сирии.

Эта программа была ориентирована на две социально-психологические группы, порой тесно связанные друг с другом. Во-первых, на националистов и лиц с сильным авторитарным синдромом. Три темы были максимально близки электорату НФ — борьба с нелегальной иммиграцией, с терроризмом и с преступностью. 92% избирателей Марин Ле Пен назвали борьбу с нелегальной иммиграцией одной из проблем, которые определили их политический вы-

бор (только 50% всех опрошенных); 93% — борьбу с терроризмом (соответственно — 66%); 85% — борьбу с преступностью (соответственно — 56%). По всем остальным темам различия между электоратами других политических когорт были незначительными. Во-вторых, на тех, кому была особенно важна функция «трибуна», которую пытался осуществлять Национальный фронт. Именно в электорате Ле Пен был наибольший процент лиц (61%), говоривших, что важную роль в их электоральном выборе играет «способность кандидата понимать их проблемы». Поэтому прорыв НФ в привилегированные социальные группы был незначительным, тогда как продолжалось его укоренение в народных слоях. Мадам Ле Пен перешла барьер в 30% голосов только среди рабочих (35%), безработных (31%), лиц с низким уровнем образования (33%) или среди французов с низкими доходами (30%). Напротив, ей не удалось существенно внедриться в среду высших служащих (всего 11%), предпринимателей (13%), лиц с дипломами о высшем образовании (9%), французов, чей месячный семейный доход превышал 6000 евро. В этих социальных группах она занимала маргинальные позиции²⁶⁰.

Продвижение Национального фронта, по мнению социолога Люка Рубена, «вызвано «аномией» в области политики, которая распространяется по мере того, как растущая часть избирателей ощущает себя исключенной из системы. НФ подбирал всех тех, кого система отправляла на периферию, всех выключенных из обычной политической жизни: молодых, не нашедших постоянной работы, лиц, лишенных собственности, безработных, а также мелких государственных служащих, не принимающих коммуитаризма, избирателей-абсентеистов или тех, кто искал чего-то другого»²⁶¹. Рубен обнаружил корреляцию между страхом перед деклассированием и голосованием за Национальный фронт. Причем речь шла не столько об объективном падении статуса по сравнению с социальным положением родителей, сколько о субъективном ощущении обесценивания социального статуса. На основании данных CEVIPOF перед вторым туром президентских выборов 2017 года, были выявлены три категории социального статуса граждан: 42% опрошенных занимали более низкое, чем их родители, социальное положение, 12% — схожее, и 46% — более высокое. Но объективная ситуация не оказывала существенного влияния на политический выбор: 42% «деклассированных» собирались голосовать за Марин

Ле Пен, 46% — сохранивших социальный статус родителей и 38% опрошенных с восходящей социальной мобильностью. Но если опрошенные ощущали сами падение своего статуса («пессимисты»), независимо от реального положения дел, то процент голосующих за кандидата от НФ резко возрастал и достигал 58%. Рубен сделал важный вывод: «Отныне нельзя больше довольствоваться интерпретацией голосования за НФ только как выражение протеста против глобализации или против властной элиты. Тем более не стоит принимать голосование за НФ как принятие его идеологии, многие избиратели выбирали мадам Ле Пен «за отсутствием лучшего выбора». Появляется проблема устойчивости голосования за НФ как проявления «политического пессимизма»²⁶².

В избирательную кампанию Марин Ле Пен вошла с лозунгом «умиротворения» и «спокойствия». «Я надеюсь на спокойную Францию», — говорила она. Однако, несмотря на все усилия Марин Ле Пен и её команды по проведению политики «дедемонизации» партии, 58% избирателей в феврале 2017 года согласились с точкой зрения, что НФ представляет «опасность для демократии», — на 11 процентных пунктов больше, чем в 2012 году, и на 2 пункта больше, чем в 2016 году. Кроме того, 49% опрошенных рассматривали Ле Пен как представительницу «ксенофобской и националистической ультраправой партии», то есть на 2 пункта больше, чем годом раньше, и на 6 пунктов больше, чем в 2013–2014 годах (по данным КАНТАР-СО-ФРЕС) Чем ближе находился НФ к власти, тем страхи французов становились сильнее, а лозунг «умиротворенной Франции» не очень вдохновил избирателей.

Кампания Марин Ле Пен начала выдыхаться. Разоблачение коррупционных схем, связанных с оплатой её охранника и других лиц за фиктивную работу на посту помощников евродепутатов, конечно, не привело к такому эффекту, как «Пенелопагейт», но все равно сбавывало как «медленно действующий яд»²⁶³. Отторжение Марин Ле Пен усилилось: по данным мартовских опросов, 86% французов разочаровались в её кампании, 78% говорили, что она не способна найти решение тех проблем, которые волнуют избирателей. Дебаты, в которых она участвовала, только ухудшили её позиции. На них она была атакована по ряду проблем: были затронуты её честность, её отношение к социальной проблематике, к светскому государству. По опросам зрителей, она их проиграла: ее заявления на вто-

рых дебатах понравились лишь 11% зрителей. Её рейтинг постоянно снижался и накануне первого тура выборов за неё были готовы голосовать лишь 22,5% опрошенных, то есть с начала марта она потеряла 4 процентных пункта. Если сравнивать сентябрьские 2016 года и апрельские 2017 года опросы, то потери были ещё более существенными: 6–7 пунктов (с 28–29% до 22,5%)²⁶⁴.

Ушедшие от Марин Ле Пен избиратели чаще всего принадлежали к электорату, который недавно стал голосовать за НФ, они были в большей мере политизированы, в меньшей степени придерживались правой системы ценностей, нежели её «верный» электорат. Покинувшие Марин Ле Пен избиратели также были старше, имели лучшее образование и принадлежали в большей мере к «белым воротничкам» и более благополучным социальным стратам.

Сформировалась определенная картина избирательного пейзажа: разные «внесистемные» кандидаты боролись за различные «протестные» группы: Макрон завоевывал жителей крупных городов, Меланшон действовал на прежней территории Компартии, а Марин Ле Пен проникала в покинутые периферийные районы и в заброшенные промышленные зоны.

Макрон: «В нужный момент в нужном месте»

Макрона сопровождала невероятная удача: А. Жюппе, самый опасный для него соперник, способный создать правоцентристскую коалицию, проиграл праймериз Ф. Фийону, гораздо более правому кандидату. Президент Ф. Олланд отказался от участия в выборах, и Макрону удалось избавиться от обвинений в предательстве шефа. Праймериз Соцпартии избавляет его от премьер-министра М. Вальса, казавшегося прямым конкурентом в левоцентристском электорате, а победителем тут становится слишком левый Бенуа Амон. «Пенелопагейт» резко ослабляет позиции Фийона, который ещё в январе был фаворитом президентской гонки. Левый электорат был расколот на две части: за него боролись и Б. Амон, и лидер «радикальной левой» Жан-Люк Меланшон, возглавивший в феврале 2017 года движение «Непокорная Франция» Наконец, Макрон заключает союз с центристом Франсуа Байру, своим прямым идеологическим конкурентом, совсем недавно обвинявшим его в связях с финансовой

олигархией и электорат которого (около 5%) почти полностью переходит на его сторону.

Все это создало принципиально новую ситуацию в избирательной кампании: у Макрона не было конкурентов ни на левоцентристском поле, ни на правоцентристском фланге. Когда социологи Фонда Жана Жореса и политологического центра CEVIPOF просили избирателей расположить кандидатов по десятибалльной шкале левые — правые, то Меланшона они позиционировали на отметке 1,5, Амон располагался рядом — 2,8, а на правом фланге находились Фийон (8,1) и Ле Пен (9,1). Весь центр был свободен и на нем вольготно «развалился» Макрон с оценкой в 5,2. Макрон не только занимал самую широкую территорию центра, но и был способен заходить далеко за его пределы: он получил 22% голосов левых избирателей и 16% правых. Пространство от левого центра до правого центра оказалось свободным для Макрона, и к тому же французы отказывались доверить Марин Ле Пен управление страной.

Вопреки распространенной точке зрения о том, что международные события играли на руку НФ, они скорее помогли Макрону: после Брексита возник страх перед «фрекситом», который мог бы привести к полному хаосу в экономике. Появилась возможность открыто проводить проевропейскую политику, к которой французы начинают относиться гораздо лучше, чем раньше. Победа Трампа на президентских выборах усилила опасения французов, что победа Марин Ле Пен вызовет такую популистскую волну, которая захлестнет всю страну. Популизм Национального фронта вызывал страх, тогда как мягкий «дегажизм» Макрона не столько пугал, сколько, напротив, привлекал.

Хотя множество событий способны были помешать Макрону стать президентом (например, после его отставки с поста заместителя генерального секретаря Елисейского дворца в августе 2014 года, когда он намеревался лишь создать стартап в Калифорнии; Олланд и Вальс могли и не предложить ему пост министра экономики), однако он использовал все возможности, чтобы реализовать свой план. Известный политолог Жером Жаффре писал: «Конечно, стечение обстоятельств помогло Макрону (без «Пенелопагейта» победить было бы намного сложнее), но главным условием успеха, думается, было исчерпание возможностей бывших партий власти»²⁶⁵.

Макрон был дальновиден: он не стал бороться за выдвижение от

Соцпартии, предполагая, что страна устала от социалистов. Он понял, что нужна новая политическая сила, которая, как и «Подemos» в Испании, была бы внесистемной. Французский историк Франсуа Артог обращает внимание на способность Макрона понять тот решающий момент, когда всё приходит в движение и когда нужно действовать, чтобы добиться успеха. Этой способностью, согласно древнегреческой мифологии, людей способен наградить Кайрос, младший сын Зевса, бог счастливого мгновения удачи. Когда спокойное течение времени прерывается, надо хватать «бога за бороду» (в древнегреческом сценарии — за чуб), проявляя, как Одиссей, максимум интеллекта и хитрости²⁶⁶. Крупный немецкий философ Петер Sloterdijk писал, что Макрон фактически работал как «приемо-передающая станция», как «коллектор, собирающий солнечные лучи и ошущающий первые, практически незаметные подземные толчки»²⁶⁷.

Одной удачи недостаточно для успеха, необходима железная воля для реализации своих планов. Биографы Макрона сравнивают его с Франсуа Миттераном, который с детства надеялся «доминировать в жизни»²⁶⁸. В книге Макрона «Революция» есть характерное признание о его первых эмоциях после переезда в юношеские годы в Париж: «Меня уносила ненасытная амбиция молодых волков Оноре де Бальзака»²⁶⁹. Но если Растиньяк из «Человеческой комедии» мечтал покорить Париж, то Макрон надеялся завоевать всю Францию или даже Европу.

Правы те французские политологи, которые подчеркивали, что главное в «макронизме» не идеология, а «динамизм и политическая воля, очень четкая и в тоже время очень пластичная в своей способности соединять несоединимое, смешивать идеи и традиции, имеющие разное происхождение»²⁷⁰. Отношение Макрона к политике было достаточно циничным. Войдя в правительство по настоянию премьер-министра Вальса, он вскоре лишил его образа главного реформатора в правительстве социалистов. Создав свое движение «В путь!», он продолжал оставаться в правительстве, создавая у Олланда впечатление, что он его верный союзник. Объявив о своей кандидатуре до решения президента, он цинично сыграл на опережение. Его близкий друг в интервью еженедельнику «Экспресс» утверждал: «Самой главной чертой Эмманюэля является его абсолютный цинизм»²⁷¹.

Преимуществом Макрона являлся и высокий уровень политтехнологичности его предвыборной кампании²⁷². За спиной у Макрона стояли три молодых консультанта (1980–1983 годов рождения), которых французская пресса называла «бостонцами» — Гийом Льежи, Артур Мюллер и Винсент Понс, которые участвовали в избирательной кампании Барака Обамы девятилетней давности, а в 2012 году подключились к работе избирательного штаба Франсуа Олланда, отвечая за «работу в поле». Через некоторое время после выборов Олланда «троица» создаёт собственную консалтинговую компанию Liegey Muller Pons²⁷³.

Первой акцией Макрона стал «Большой марш» для мобилизации неопытных, но полных энтузиазма активистов. Волонтеры Макрона не просто раздавали листовки. Они провели 25 тыс. глубинных интервью с избирателями по всей стране, каждое продолжительностью около 15 минут («гигантская фокус-группа», по словам парижской журналистки Эмили Шултейс). Результаты интервью занесли в базу данных, которая была использована для формирования приоритетов агитационной работы. «Нам нужен консенсус по диагнозу ситуации в обществе», — говорил Макрон. На основе качественной и количественной социологии Макрон вместе со своим штабом готовил избирательную программу.

Одной из первых идей, которые были сформулированы в результате серии интервью, стало признание того факта, что французы ощущают, что система блокирует возможности их самореализации. «Невозможно реализовать какой-либо план, всё заблокировано». Государство должно помогать изменениям в личной жизни, но оно «не способно нам помочь». Оно сильно отстает от эволюции индивидуальных устремлений французов, которые хотели бы иметь возможность свободно устраивать свою жизнь. Вторым важным выводом из серии интервью стало ощущение отсутствия социально-экономической, а порой и физической безопасности. «Женщине жить в парижском предместье опасно — оскорбления, воровство и так далее. Выходя из дома, приходится идти, опустив голову». Что касается глобализации и цифровой экономики, то у интервьюеров было впечатление, что страна расколота на две части. Наконец, это исследование подтвердило, что интерес французов к политике не исчез, но неприятие политического класса, как об этом говорили многие социологические исследования, достигло максимума. «Мы не

ощущаем, что нас кто-то представляет», — говорили опрошенные. Одновременно выяснилось, что ряд проблем, которые обсуждали политики, мало интересуют французов, например ношение хиджаба или халяльная еда в общественных столовых²⁷⁴.

На митингах по специальной схеме расставляли клакеров, что позволяло Макрону создать атмосферу грандиозного шоу, добиться широкого присутствия и высоких рейтингов на телевидении²⁷⁵. Если первые митинги Макрона в Париже собирали примерно 10 тысяч человек, то перед первым туром на его выступление пришло уже 20 тысяч. Наряду с традиционными методами (митинги, листовки и так далее) широко использовались «цифровые технологии» (big data), позволяющие оптимизировать кампанию «от двери к двери» (в том числе семантический анализ текстов в Интернете). Все перемещения Макрона и его митинги публиковались на Facebook, но он не игнорировал и другие социальные сети, например Twitter и Snapchat.

Явной проблемой Макрона была недостаточная укоренённость на местах, слабая поддержка «нотаблей». Согласно публикации Конституционного совета от 18 марта 2017 года, он получил всего 1829 поручительств от различных выборных лиц (минимально необходимо 500 подписей), тогда как Франсуа Фийон собрал 3635, а Бенуа Амон от ФСП — 2039 подписей. Макрон старался компенсировать это отставание встречами с главами других государств (в Лондоне, Алжире, Берлине, Ливане и др.) и особенно с помощью присоединения к его поддержке политиков различной ориентации. Весной 2016 года его поддержали депутат-социалист Ришар Ферран, мэр Лиона социалист Жерар Коллон, мэр-социалист Кристоф Кастанэ и другие. Осенью того же года появились первые голлисты-шираковцы — Рене Дютрэй, Анн-Мари Идрак, Доминик Пербен, а в первые месяцы 2017 года пришел Жан-Поль Делевуа (бывший министр в правительстве Ширака), который стал ответственным за отбор кандидатов в депутаты, Франсуа Байру, бывший кандидат в президенты от центристской партии «Современная демократия», Франсуа де Рюжи (видный политик партии экологов).

В марте возникла ещё одна большая волна: к Макрону присоединились бывший мэр Парижа Бертран Деланоз, Робер Ю, бывший генеральный секретарь ФКП, Жан-Ив Ле Дриан, министр обороны в правительстве Олланда. К Макрону также шел широкий поток видных лиц гражданского общества, например герой мая

1968 года Даниэль Кон-Бендит или известные экономисты Жак Аттали и Филипп Агьион. Это последовательное расширение поддержки из разных сегментов французского общества и из различных политических течений происходило по мере кристаллизации электората Макрона.

Первого февраля, после «Пенелопагейта», опросы впервые вывели Макрона во второй тур, а 23 марта он впервые обошел Марин Ле Пен и стал лидером избирательной гонки.

В противоположность электоратам Франсуа Фийона и Марин Ле Пен, большинство избирателей которых с самого начала были намерены голосовать за своих кандидатов (соответственно 60% и 76%), только 35% избирателей Макрона заявили после первого тура, что они приняли свое решение давно, а 27% сказали, что они колебались до последнего момента. Определяющим фактором в выборе голосования за Макрона стала уверенность в том, что он способен выйти во второй тур, а не собственно программа кандидата или его личность: 53% опрошенных накануне первого тура заявили, что он является кандидатом, который не соответствует полностью их взглядам, но имеет наибольшие шансы выйти во второй тур. Макрон скорее заполнял пустоту, нежели выражал пожелания значительной части электората, если использовать теорию *minimax regret theory*, выдвинутую американскими политологами, согласно которой гражданин голосует или воздерживается или выбирает того или другого кандидата, стремясь избежать сожаления о своем действии²⁷⁶.

Во Франции на президентских выборах кристаллизация (переход от намерения голосовать к твердому решению) происходит обычно в феврале. Но выборы 2017 года оказались нетипичными — по словам Алена Дюамеля, полемика в связи с выдвижением кандидатуры Ф. Фийона замедлила принятие избирателями решения. Особенно это было свойственно электоратам левых и центра — Макрона, Амона и Меланшона, тогда как избиратели Марин Ле Пен были решительными. Однако у Макрона все же отмечалась положительная динамика — в условиях стабильности на высоком уровне позиций Ле Пен, регресса Фийона, колебаний на невысоких уровнях электоратов Амона и Меланшона. «Электорат Эмманюэля Макрона казался более соблазненным, чем завоеванным, он интересовался им, был настроен по отношению к нему благоприятно и эмоционально, хотя еще не сделал окончательного выбора», — писал Дюамель²⁷⁷.

Макрон выбрал агрессивную маркетинговую политику вторжения на политический рынок с новым продуктом — движением «В путь!» и политическим центризмом под лозунгом «Ни левые, ни правые», который потом превратился в лозунг «И левые, и правые»²⁷⁸. Макрон решил предложить французам не столько целостную программу, сколько свое видение будущего страны. По его словам, «ошибочно считать, что программа является основой избирательной кампании, ибо политика есть своего рода мистика», возвращаясь к старой идее Шарля де Голля, который утверждал, что президентские выборы являются «встречей личности и народа»²⁷⁹.

Макрон чередовал лево- и праволиберальную риторику, заручившись поддержкой как части социалистов, так и центристов. Лидер движения «В путь!» не раскрывал полностью свою программу, не детализировал её и не объяснял её финансовую составляющую, придерживая эту информацию до конца кампании. Это позволяло ему гибко реагировать на меняющуюся политическую конъюнктуру, и эта пластичность, которую в эпоху идеологий назвали бы оппортунизмом, в этот период была его плюсом.

Французская пресса писала, что в своих высказываниях Макрону проходило всё время выкручиваться, прибегать к акробатическим трюкам, используя приёмы слалома, двигаясь то вправо, то влево²⁸⁰. Любимыми выражениями Макрона стали фраза «в то же время», синхронное использование глаголов «защищать» и «освободить». Макрон, объясняя свой подход на митинге в Нанте 19 апреля 2017 года, говорил, что он не выхватывает «кусочки левых идей и кусочки правых «в то же время». Мы, напротив, просто-напросто являемся поколением «в то же время», которое ошибочно заставляют делать ненужный ему выбор». Таким образом Макрон стремился подчеркнуть цельность своей идеологии, интегрируя в нее различные элементы и подчеркивая, что его взгляды соответствуют представлениям поколения, к которому он принадлежит.

Закон о «браке для всех», который в левой культуре воспринимается как высшее достижение правительства Олланда, Макрон, с одной стороны, поддержал, но с другой — подчеркнул, что этим законом противники однополых браков были унижены, ибо с ними не вступили в диалог. Другой пример: выступая перед предпринимателями в ранге министра, он говорил, что «вряд ли Франция могла бы идти быстрее, работая меньше» (затронув тем самым одну из са-

мых дискуссионных тем — об увеличении продолжительности рабочей недели), но потом дал задний ход, объясняя, что речь идет не о рабочих часах, а об отношении к труду. В другом своем выступлении он осудил «пожизненный статус» государственных служащих, но вскоре опроверг свое заявление, говоря, что речь о реформе статуса государственной службы не идет.

Пустота программы Макрона, ее амбивалентность была дополнена риторикой, призванной завоевать избирателей. Социологи сформулировали шесть основных особенностей дискурса Макрона, начиная с банального призыва повысить энергию своих сторонников до более тонких рекомендаций²⁸¹.

Во-первых, он внес в свои выступления элемент мессианства, но в относительно мягкой форме, как это делают телевизионные проповедники в США, используя «мягкие эмоции». Сесиль Алдюю, специалист по политической семиотике, писала: «Проповедник, благожелательный апостол, со скрещенными руками, призывает свою паству подняться над собой и вступить на путь индивидуального и коллективного спасения в соответствии с неясными и одновременно соблазнительными наставлениями»²⁸². Макрон говорит, что он «заново рожден», что он познал «духовное обновление» и предлагает всем «обрести веру и надежду»: «В нас самих заложено решение наших проблем». В конкурентные выборы он вносит настроение «доброжелательности» и некоего спокойствия (вспомним лозунг Миттерана «Спокойная сила!»). Именно «прогресс» должен обеспечить «светлое будущее», ибо мы живем в эпоху, сопоставимую с «изобретением печатного станка» или «открытием Америки».

Во-вторых, риторика Макрона максимально банальна, полна общих мест, сладкоречива, обтекаема сверх меры (например, «цифровая экономика отличается тем, что она несет в себе и добро, и зло» или «диалог должен быть требовательным»). Специалист по политической риторике К. Дельпорт говорит, что речи Макрона напоминают избирательную кампанию Тони Блэра, которого называли «туманным кандидатом» (Tony Blur).

В-третьих, к банальностям добавляются какие-то острые фразы, за которыми в реальности ничего не стоит. Например, в одном из выступлений Макрон призвал «назвать кошку кошкой» и поговорить о «бедных». Подобного рода заявления порой делались, чтобы лучше «вылепить» образ антисистемного кандидата. Некоторые фразы (на-

пример, об «алкоголизме» среди шахтеров) призваны были предьявить избирателям образ нового политика, способного «резать правду-матку».

В-четвертых, в своей риторике Макрон всё время делал упор на «прагматизме», конкретных делах, «здравом смысле», «реальных проблемах».

Пятым элементом стала идея движения: все должно приходиться к движению, меняться, надо стремиться к индивидуальной и коллективной «одиссее». Прогресс возможен только в меняющемся мире, необходимо преодолевать «барьеры», «линию Мажино», «протекционизм», «закрепленные преимущества», бороться с «застоем». Этот подход продолжает традицию «сен-симонизма», который в XIX веке противопоставлял индустриализацию политике статус-кво и привилегий, подобно тому как сегодня Макрон предпочитает свежие силы извне, способные что-то изменить, прежним, закрепившимся в своем привилегированном статусе. Идея движения сохранилась и в PR президента Макрона: он даже изобрел новый стиль интервью — гуляя по Елисейскому дворцу, он 40 минут рассказывал журналисту телевизионного канала «Франс 2» о своих планах реформ²⁸³.

И наконец, шестой компонент дискурса Макрона — его упор в своих выступлениях больше на «лидерстве, нежели на идеях»²⁸⁴, и обещании «встречи личности и народа», одновременное обвинение политического класса в том, что он «втянул Францию в западную аппаратных игр» и «в расколы прошлых веков»²⁸⁵.

В его выступлениях больше говорилось о динамизме, необходимости объединения французов, движении Франции вперед, построении общественного консенсуса, нежели о программных положениях. Личность важнее действия: «я» и «вы» моментально превращаются в «мы». Любимыми словами Макрона были «преобразовывать», «полностью переделать», «обновить», «изменить» или даже «революция», как была названа предвыборная книга будущего президента. «Избирательный макронизм есть отшлифованная версия всеобщего дегажизма, который охватил Францию, если не весь современный мир». Речь идёт о том, говорил Макрон, чтобы «всё изменить, всё обновить»²⁸⁶. Но «лексическая смелость сочеталась с идеологической и программной робостью»²⁸⁷. «Прогрессизм» Макрона фактически выражается в банальностях: в требовании «эффективности», в призывах «объединить французов», провести

«глубинные преобразования» и «беспрецедентную морализацию политической жизни».

С точки зрения Макрона, победителя президентских выборов определяет не программа (он разделял эту позицию с Саркози, который в 2012 году вышел во второй тур фактически без программы). Макрон официально представил свою программу «полной перестройки» страны в форме «Контракта с нацией» только 2 марта 2017 года, за два месяца до первого тура. В этот момент он оказался в выигрышной ситуации. На правом фланге Фийон выдвинул амбициозную программу реформ в духе «тэтчеризма», которую французы не готовы были принять, а его личный образ был подорван продолжающимся процессом «Пенелопагейт». Слева Бенуа Амон оказался в ловушке своей идеи об универсальном доходе, которая принесла ему победу на праймериз. Объективные подсчеты показали, что её реализация обойдется в 15% национального достояния. Главным условием успеха стала способность кандидата с его европейской, глобалистской и прагматичной идеологией противостоять крайнему популизму Марин Ле Пен и Меланшона. Макрон, автор книги, которую он назвал с явным вызовом «Революция», выдвинул относительно скромную программу реформ, будучи уверенным, что победа определяется не отношением избирателей к программным положениям. Он, видимо, понимал, что свойственный французам «дегажизм» мог принять разные оттенки: гнева и требования независимости Франции от Брюсселя с Марин Ле Пен, социального протеста с Меланшоном и даже молодости и оптимизма с Макроном²⁸⁸.

У Макрона оказалось достаточно благоразумия, чтобы воспользоваться кризисом системы, депрессивным состоянием общества. Как подчеркивал великий немецкий политолог Макс Вебер, харизматический лидер воплощает разрыв и с прежним обществом, и с окружающей его элитой. В 1940 году де Голль бросил вызов элите, которая смирилась с поражением, а в 1958 году сменил элиту, неспособную разрешить алжирский кризис. Черчилль, сильный и решительный государственный деятель, пришел после премьер-министра Чемберлена, безвольного и слабого политика, одного из организаторов Мюнхенского соглашения с Гитлером. Молодой Кеннеди сменил семидесятилетнего Эйзенхауэра, героя другой эпохи. И по возрасту, и по характеру своей карьеры, и по своей идеологии Макрон также персонифицировал разрыв с прежней системой.

В то же время французы понимали, что речь не идет ни о крутом выраже вправо Марин Ле Пен, ни о «гражданской» революции по латиноамериканскому образцу, которую проповедовал Меланшон. «Революция» Макрона предполагала только ряд реформ, которые должны разблокировать французское общество.

Макрону удалось уловить ожидания современного французского общества. Слотердаик подчеркивал: «Как мне кажется, Макрон воплощает желание большинства французов выйти из состояния депрессии и истерии, которое характерно для французов и французенок в последний период времени. Чтобы власть смогла обновиться, они его выбрали, учитывая его молодость и новизну»²⁸⁹. Макрон обещал вернуть французам надежду и веру в будущее, пессимизму большинства политиков он противопоставил свое оптимистическое видение. В истории современной Франции многие кандидаты на президентских выборах стремились вернуть надежду и жажду победы. В 1974 году Валери Жискар д' Эстен предлагал «заглянуть Франции в глубину глаз», Миттеран в 1981 году призывал «изменить жизнь», Саркози в 2007 году утверждал, что «вместе мы можем всё». Однако за 10 лет разочарование в политике достигло такого уровня, что никто не решался использовать оптимистический тон. И Макрон пошел фактически против общего тренда и выиграл. Политолог Марк-Оливье Падис из парижского аналитического центра Terra Nova отмечал: «Во Франции преобладают пессимистические настроения — иногда даже слишком пессимистичные, а он (Макрон) пришел с очень оптимистичным и позитивным месседжем». Падис добавляет: «Он молод, полон энергии и объясняет, не что он сделает для Франции, а какие возможности появятся у людей. И он единственный, у кого такой месседж».

Для кандидата движения «В путь!» глобализация является объективной реальностью, к которой надо приспособиться, а не угрозой, как говорила Марин Ле Пен. «Мы входим в цивилизацию, границами которой является весь мир, а не одна страна», — писал Макрон в своей программной книге «Революция»²⁹⁰.

Разные подходы к глобализации отражают резкое различие в социальном составе электоратов Макрона и Марин Ле Пен. Бывший министр экономики весьма непопулярен в народных слоях: в начале 2017 года лишь 9% рабочих были готовы голосовать за него. Если сравнить электораты Макрона и Ле Пен по уровню образования, то

выясняется, что французы, не имеющие диплома бакалавра, почти в два раза чаще голосуют за кандидата НФ (соответственно 17% и 31%) и, напротив, лица с высшим образованием почти в два раза чаще предпочитают Макрона (соответственно 29% и 12%). Жером Фуркэ отмечал, что в данном случае воспроизводится традиционный водораздел между выигрывающими от глобализации образованными категориями населения и теми группами населения, которые не имеют этого ресурса. Как выразился профессор Юрий Рубинский, возникло «противостояние баловней и пасынков глобализации»²⁹¹. По всем социологическим данным, зависимость голосования от уровня образования прослеживается и во время Брексита, и в голосовании за Трампа, и во время выборов президента Австрии. Западная социология с явным преувеличением называет этот политический раскол конфликтом между «отличниками» (Front row kids) и «троечниками» (Back row kids). Как Макрон, так и Ле Пен играли на этом, ибо стремились заменить традиционный водораздел между левыми и правыми на принципиально новый, который лидер движения «В путь!» и называл борьбой «прогрессистов против консерваторов», а идеологи Национального фронта «столкновением между глобалистами и патриотами»²⁹².

Утверждения о том, что только «Пенелопагейт» или провал Марин Ле Пен на телевизионных дебатах обеспечили успех Макрону, не имеют аналитического смысла. Об этом говорит сам ход избирательной кампании. Никогда столь высокая доля избирателей не принимала решения в последний период избирательной кампании. Для этих выборов, как говорилось выше, было характерно отложенное принятие решения. В 2012 году половина избирателей знали заранее, за кого они проголосуют, а пять лет спустя — только четверть. В 2012 году лишь треть французов приняли решение в последний месяц перед выборами, в 2017 — половина (точнее 36% и 50%). Эти впечатляющие цифры — более 18 миллионов избирателей приняли решение в последний момент — дают нам понимание механизма политического выбора. Избирательный корпус Марин Ле Пен и Фийона сформировался или сразу, или в первый период кампании и соответственно лишь 27% и 36% их электоратов приняли решение в последний месяц. Напротив, 56% избирателей Макрона и 60% Меланшона сделали окончательный выбор в последний месяц. Позитивная динамика Меланшона в его борьбе с Амоном, кандидатом

ФСП, давала ему потенциальный шанс на выход во второй тур. Электорат Макрона был самым колеблющимся и наименее фиксированным, но в конце концов именно он стал лидером этой гонки.

Исследование CEVIPOF, проведенное в начале апреля, показывает соотношение между «ядрами» электоратов и колеблющейся периферией. В тот момент 43% опрошенных еще не приняли решение, за кого им голосовать, но 80% интересовались президентскими выборами. 56% выбрали «своего» кандидата, а 44% собирались голосовать как бы вынужденно, «не имея лучшего предложения». Можно сказать, что первые сделали «идеологический выбор», а вторые — «конъюнктурный». Идеологический выбор сделало большинство избирателей Фийона (68%), а конъюнктурный — большинство избирателей Макрона (57%). У Ле Пен соотношение в пользу идеологического выбора: 57% к 43%.

Получается, что 17% избирателей находились во фрустрированном состоянии, ибо их решение носило «вынужденный» характер и они в нем сомневались. Наиболее идеологический и окончательный выбор делали избиратели РП и НФ (соответственно 56% и 51%). В электорате Макрона преобладали колеблющиеся избиратели — их раздирали противоречивые чувства: 20% подумывали, не проголосовать ли им за Амона, 20% — за Меланшона, 19% — за Фийона и, наконец, 24% — просто воздержаться. Таким образом, электорат Макрона оставался самым хрупким²⁹³.

Как уже писали, везение было важной составляющей победы Макрона. «Пенелопагейт», слабость кандидата ФСП, зашкаливающая левизна Меланшона, поддержка Байру были необходимыми условиями успеха, но недостаточными. Мы уже отмечали значимость социально-психологических факторов: французов привлек оптимистический настрой его кампании, несмотря на присущий стране пессимизм, идея умеренного обновления Франции (реформировать «блокированное общество» с помощью глубинной трансформации) встретила большее понимание, нежели революционная идеология Меланшона или правый популизм Марин Ле Пен. Избирателям понравилась программа обновления элиты с помощью гражданского общества, замена значительной части «нонтаблей» новыми людьми без политического опыта. Руководитель CEVIPOF М. Фуко назвал такое голосование «премией за новизну»²⁹⁴.

Таблица 1. Опросы IFOР перед первым туром (в процентах)²⁹⁵

	Опрос IFOР																	
	2017								2018									
	5-7 сент.	16-17 нояб.	28-30 нояб.	2-3 дек.	3-6 январ.	1-3 февр.	6-10 февр.	13-17 февр.	20-22 февр.	23-24 февр.	27-февр. 3 мар.	6-10 мар.	13-17 мар.	20-24 мар.	27-31 мар.	3-7 апр.	10-14 апр.	17-21 апр.
Крайне левые	2,5	2,5	2,0	1,5	1,5	1,2	1,0	1,0	1,5	1,2	1,3	1,2	1,2	1,2	1,4	1,3	2,4	2,0
Жан-Люк Меланшон	11,0	13,0	11,0	12,5	12,0	9,5	10,5	11,4	11,3	11,0	11,2	11,7	11,2	12,1	14,3	16,0	18,6	18,8
Бенуа Амон	10,0	10,0	10,5	10,0	10,5	17,2	14,9	14,2	14,0	13,3	14,0	13,6	13,7	11,3	10,2	9,7	8,5	7,3
Эмманюэль Макрон	15,0	15,0	15,0	13,5	17,0	20,2	20,8	19,3	19,0	23,0	24,2	25,1	25,4	25,6	25,8	24,6	22,7	23,7
Франсуа Байру	9,0	5,5	5,5	7,0	5,5	4,3	5,3	5,2	5,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Франсуа Фийон	18,0	20,0	28,0	27,5	24,0	19,8	18,0	18,4	18,8	20,5	20,5	19,2	18,5	17,9	17,5	17,9	18,9	19,5
Николя Дюпон-Энъян	4,0	2,0	2,0	2,0	1,5	2,3	2,3	2,9	2,2	2,2	2,7	3,1	3,3	5,1	4,4	4,4	3,7	4,0
Марин Ле Пен	24,0	29,0	24,0	24,0	26,0	24,5	25,9	25,9	26,2	26,3	26,0	26,1	26,5	25,5	25,2	24,9	23,6	22,5
Левые	30,0	28,5	25,5	26,0	26,0	28,9	27,7	28,3	28,3	27,5	26,5	26,5	26,1	24,6	25,9	27,0	29,5	28,1
Центр	24,0	20,5	20,5	20,5	22,5	24,5	26,1	24,5	24,5	23,0	24,2	25,1	25,4	25,6	25,8	24,6	22,7	23,7
Правые	46,0	51,0	54,0	53,5	51,5	46,6	46,2	47,2	47,2	49,0	49,2	48,4	48,3	48,5	47,1	47,2	46,2	46,0

Таблица 2. Мотивация голосования в первом туре президентских выборов (в процентах)²⁹⁶

Мотивация	Среднее значение	Меланшон	Амон	Макрон	Фийон	Дюпон-Энльян	Ле Пен
Покупательная способность	27	35	28	30	18	31	21
Иммиграция	26	7	3	6	33	32	69
Безработица	25	23	22	32	27	22	19
Терроризм	24	10	11	17	28	26	46
Налоги	21	17	12	22	27	29	17
Социальное неравенство	20	42	45	15	6	13	10
Безопасность	19	6	5	11	24	18	42
Здравоохранение	18	21	26	24	12	21	9
Европейские проблемы	18	11	20	25	19	14	18
Труд	16	21	23	17	19	16	5
Политическая жизнь	15	23	17	22	5	15	5
Образование	14	14	20	22	12	12	4
Государственный долг	12	5	6	12	32	12	5
Окружающая среда	10	22	32	9	1	7	3
Будущее государственной службы	8	15	13	10	4	4	3
Глобальная напряженность	4	3	3	4	11	4	2

Второй тур: Макрон против Ле Пен

Результаты первого тура выборов подтвердили релевантность опросов: блестящий старт Макрона, суливший ему легкую победу во втором туре, продвижение Марин Ле Пен, однако несопоставимое с теми надеждами, которые были у НФ поначалу, третье место Фийона, которое впервые в Пятой республике лишило правых выхода во второй тур, катастрофический провал Амона, кандидата правящей партии, неожиданный успех Меланшона, лидера «радикальной левой». Ни правые, ни ФСП не прошли во второй тур, а левые, набравшие в совокупности 27,7%, получили наихудший результат в Пятой республике (31% в 1969 году).

Явка была относительно высокой (77,8%), хотя и несколько меньшей, чем в 2012 году. Динамизм Макрона и Меланшона обеспечил мобилизацию в их поддержку электората Олланда 2012 года, разочарованного деятельностью правительства социалистов. Результат правых, если учитывать голоса, поданные за Марин Ле Пен, остался на прежнем уровне, вполне сопоставимым с итогами предыдущих президентских выборов (45% в 2007-м, 46,9% в 2012-м, 46% в 2017-м), хотя на выборах в Европарламент в 2014 году и на департаментских и региональных выборах 2015 года они полностью доминировали.

Фийон с результатом в 20% получил на 7 процентных пунктов меньше, чем Саркози в 2012 году. Его электорат был в основном представлен французами старших возрастов и традиционной («наследственной») буржуазией, проживающей в западной части страны или на Лазурном берегу. Он был впереди других кандидатов только в пяти департаментах: три из них были тесно с ним связаны (Сарта, Майен, Орн), а два представляли типичную консервативную Францию (Лозер и Верхняя Савойя).

Результат Марин Ле Пен (21,3%) был на 3,4 процентных пункта выше, чем в 2012 году, но намного хуже, чем успехи НФ в 2015 году на департаментских и региональных выборах. Она опередила намного других кандидатов в северных и восточных департаментах Франции, в которых высока доля традиционного рабочего класса (Эн — 35,7%, Па-де-Кале — 34,3%, Арденн — 32,4%, Верхняя Марна — 33,2%, Верхняя Сона — 31,4%) и сохранила неплохие позиции в департаментах региона Прованс —

Альпы — Лазурный берег (Воклюз — 30,6%, Вар — 30,4%). Однако в тех районах Франции, где была высока доля среднего класса и трудящихся-иммигрантов, положение НФ ухудшилось.

ФСП получила один из худших результатов в своей истории (6,4%): только Гастон Деффер в 1969 году имел более низкий результат — 5%. Электорат Олланда 2012 года раскололся: его умеренная часть перешла на сторону Макрона, а радикалы предпочли Меланшона. Успех кандидата движения «Непокорная Франция» фактически повторил результат коммуниста Жака Дюкло в 1969 году, который набрал 21,3%. Получив 19,6%, Меланшон набрал на 8 процентных пунктов больше, чем в 2012 году (11,1%). Он добился прекрасных результатов в предместьях парижской агломерации, а в департаменте Сена — Сен-Дени был впереди всех с 34% голосов. Ему удалось привлечь к себе молодежь (30% избирателей в возрасте от 18 до 24 лет поддержали Меланшона). Голосование молодых французов вывело его на первое место в ряде французских городов (в Гренобле, Лилле, Тулузе, Монпелье, Марселе, Авиньоне и в восточных округах Парижа).

Эмманюэль Макрон с 24% был главным победителем первого тура: ни разу центристский кандидат не добивался столь высокого результата: даже Ален Поэр, председатель сената, который после отставки Шарля де Голля временно исполнял обязанности президента Франции, получил меньше — 23,3%. Макрону удалось объединить в хрупкую коалицию тех левых избирателей, которые поддерживали леволиберальную политику правительства Вальса, но были разочарованы Олландом как политическим лидером, центристов Байру и тех избирателей правоцентристской коалиции, которые были недовольны поражением Жюппе на праймериз и чрезмерным консерватизмом Фийона. Он добился наилучших результатов в тех регионах, где была высока доля лиц среднего класса, ориентированных на либерализм в экономической и культурной сферах. В Париже он получил 34,8% голосов, в департаменте Верхняя Сена — 32,3%, в Иль и Вилен — 30,3%. Электорат Макрона географически не был типичен для президентских выборов с их четким разделением на два блока — левый и правый. География его электората в большей мере напоминала распределение голосования на европейских выборах, и «карта голосования за Макрона была фактически обратной калькой голосования за Ле Пен»²⁹⁷.

Эмманюэль Макрон подготовил амбициозный проект по перестройке ЕС и проявил себя как убежденный сторонник европейского строительства. Его электорат был настроен соответствующим образом: 86% избирателей, симпатизировавших его партии, заявили, что они «испытали бы глубокое сожаление, если бы завтра объявили об отказе от Европейского союза»²⁹⁸. 50% избирателей Макрона предполагали, что протекционизм приведет к росту безработицы, но лишь 3% сторонников Марин Ле Пен разделяли эту точку зрения²⁹⁹.

Ален Дюамель справедливо отмечал, что перед вторым туром Европа стала главным водоразделом избирательной кампании: «В конфликте по поводу европейского строительства проявляются две Франции: одна — открытая миру и другая — замкнутая на самой себе; динамичная Франция, которая верит в инициативу, творчество, воображение, и несчастная Франция, которая мечтает о протекционизме, о границах и барьерах; оптимистичная Франция и пессимистичная Франция; Франция, чувствующая себя уверенно в XXI веке, и Франция, которая хотела бы вернуться в XX век; Франция, которая живет надеждами, и Франция, подавленная страхом». По мнению Дюамеля, у каждой из двух Франций свои корни и легитимность: «Правящий класс, руководители, состоятельный средний класс, дипломированные специалисты и те, кто имеет профессию, адаптированную к мировому рынку, чаще всего выбирают Европу. Народные слои, рабочие, служащие, крестьяне чаще не доверяют Европе, видя в ней угрозу глобализации, силу, против которой они не могут устоять, источник всех их несчастий, безработицы, нестабильности, нищеты, потери статуса. Для одних Европа представляет шанс и надежду, для других она олицетворяет собой сорок лет кризисов и страданий». Дюамель обращает внимание на то, что «Европа делит французов на бенефициаров и жертв рыночной экономики».

Дюамель считал, что «трудная задача Эмманюэля Макрона состоит в том, чтобы продемонстрировать, что Европа является преимуществом для Франции и шансом для французов, что она дает нам вес и возможности гораздо более эффективных соглашений, чем химеры изоляции, что евро укрепляет нас и защищает от валютных потрясений, что доказано в течение пятнадцати лет, что рынок в 500 миллионов потребителей дает огромные возможности». Дюамель считает, что Макрону надо вести борьбу за «Европу, менее требо-

вательную, менее нормативную, в меньшей степени навязывающую жесткие бюджетные правила, сосредоточив внимание на новых амбициях: обороне, безопасности, исследованиях, окружающей среде, инвестициях, гармонизации корпоративного налогообложения». Он рассматривал Макрона как анти-Трампа, анти-Брексит, анти-Ле Пен³⁰⁰.

После первого тура ни у кого не было сомнений в победе Эмманюэля Макрона. Да и он сам несколько легкомысленно сразу стал отмечать свою победу в шикарном ресторане La Rotonde. Большинство левых партий (ФСП, ФКП, Партия левых радикалов, «Зеленые») призвали поддержать Макрона. Только «Непокорная Франция» заняла двусмысленную позицию: Меланшон исключил голосование за мадам Ле Пен, но допустил возможность не заполнять бюллетень («пустой бюллетень»). На правом фланге Ф. Фийон, Н. Саркози и А. Жюппе поддержали Макрона, но Лоран Вокьё, будущий лидер партии «Республиканцы», выразил свои сомнения. В конечном счете «Республиканцы» после трёхчасовых непростых дебатов предложили своим сторонникам де-факто выбирать между голосованием за Макрона и «пустым бюллетенем».

Что касается Марин Ле Пен, то мало кто высказался в её поддержку, но ей удалось заключить соглашение с лидером праволиберальной партии «Вставай, Франция!» Николя Дюпон-Эньяном, изменив важнейшие пункты своей программы: она отказалась от замены евро на национальную валюту и от выхода из ЕС. В случае своей победы обещала назначить Дюпон-Эньяна премьер-министром. Она атаковала Макрона, упрекая его в том, что он продолжает дело Олланда, полностью подчинился Меркель и интересам финансового мира, выступает за открытые границы, «ослабляя» Францию, её основные ценности и единство. Его проект, по её словам, носит «глобалистский, олигархический, ультраевропейский, индивидуалистический и проиммиграционный характер». Она предложила трансформировать президентские выборы в референдум «за или против Франции». Одновременно она вновь попыталась гуманизировать свой образ — обращаясь к «соотечественникам», подчеркивала важность для нее каждого, вне зависимости от сексуальной ориентации или цвета кожи³⁰¹.

В рядах правоцентристской коалиции появилось течение, готовое сотрудничать с Макроном (Брюно Ле Мэр, Жеральд Дарманен,

Кристиан Эстрози и ряд политиков, близких к Алену Жюппе) и даже войти в новое президентское большинство. Схожие тенденции имели место и в ФСП, где политические деятели, связанные с бывшим премьер-министром Манюэлем Вальсом, проявляли готовность войти в новую президентскую коалицию, но левое крыло партии и её руководство надеялись спасти максимум депутатских мест на парламентских выборах и (или) восстановить её вес в оппозиции.

Макрон сделал ставку на жесткую антифашистскую риторику, играя на страхах избирателей перед радикализмом Национального фронта³⁰². Он посетил поселок Орадур-сюр-Глан, 642 жителя которого были уничтожены эсэсовцами в июне 1944 года. Макрон заявил: «Забыть — значит дать истории повториться», явно намекая на НФ³⁰³. 1 мая он посетил место гибели молодого марокканца, убитого в 1995 году экстремистами из числа сторонников НФ. В этот же день Макрон отдал дань 76 тысячам евреев, депортированным из Франции во время Второй мировой войны, а также «всем жертвам экстремистов». Макрон активно использовал образ «республиканского фронта», который позволил Жаку Шираку на президентских выборах в 2002 году буквально разгромить Жан-Мари Ле Пена.

Однако стратегия «республиканского фронта» дала трещину, и Макрону пришлось побеждать, группируя вокруг себя широкий центр, против которого выступали и «радикальные левые» Меланшона, и крайне правые мадам Ле Пен. В 2002 году Ширак раздавил Жан-Мари Ле Пена, получив во втором туре 82,2% голосов и получив между двумя турами дополнительно около 20 миллионов голосов, тогда как кандидат НФ — всего лишь 700 тысяч прибавки по сравнению с первым туром. Тогда во втором туре абсентеизм резко снизился — с 28,4% до 20,3% всех зарегистрированных избирателей.

Макрон же выиграл с результатом лишь в 66,1%, при высоком абсентеизме, выросшем более чем на три процентных пункта. Конечно, Макрон получил большую часть новых голосов (61%), но всё же 15% перешли к Ле Пен, а 24% или воздержались, или проголосовали «пустыми бюллетенями». Уровень абсентеизма был выше лишь в 1969 году, когда во второй тур президентских выборов вышли голлист Жорж Помпиду и центрист Ален Поэр, а кандидат ФКП Жак Дюкло призвал избирателей воздержаться, назвав вы-

боры *bonnet blanc et blanc bonnet* (одно и то же). Доля же лиц, не заполнивших бюллетень, достигла в 2017 году 11,5% от всех проголосовавших, что стало абсолютным рекордом французских выборов³⁰⁴. Еженедельник «Опиньон» писал: «Призыв голосовать за Макрона не стал таким же мощным, как в 2002 году в пользу Ширака. Лозунг «Ни Ле Пен, ни Макрон» нашел своих приверженцев. Потерявшие нить экономисты, расколотые партии, впавшие в полную растерянность интеллектуалы, оказавшаяся в затруднительном положении церковь, уклонившиеся от выбора профсоюзы. «Республиканский фронт» против НФ явно дал трещину»³⁰⁵.

Если сравнить передачу голосов между двумя турами, то станут очевидными те глубокие изменения, которые произошли в избирательном корпусе за полтора десятка лет. В 2002 году 80% левых избирателей проголосовали за Ширака во втором туре. Более того, четверть избирателей Жан-Мари Ле Пена пошли на попятную и во втором туре тоже поддержали Ширака, видимо, испугавшись своего первоначального решения. В 2017 году только избиратели ФСП в такой же пропорции (79%) перешли на сторону Макрона, подтвердив тем самым свою приверженность идее «республиканского фронта». Электорат Меланшона раскололся: 54% поддержали Макрона, 10% — кандидата НФ, а 36% воздержались. Большинство избирателей Фийона (52%) проголосовали за Макрона, но 20% решили поддержать Марин Ле Пен, а 28% воздержались³⁰⁶.

Изменения, которые произошли за 15 лет, показывают, что, несмотря на тяжелое поражение в 2017 году, Марин Ле Пен сохранила и даже приумножила свои позиции в определенных категориях французского общества, как мы показали в предыдущих главах. В 2002 году её отец получил 31% голосов среди рабочих, а его дочь — 61%. Она также доминировала среди трудящихся с постоянной или временной формой занятости (67%), среди безработных (54%), лиц, не имеющих диплома бакалавра (52%), или среди выпускников технических училищ (51%). В этих категориях она получила больше 20 процентных пунктов дополнительных голосов³⁰⁷.

Минимальный процент, который надеялись получить лидеры Национального фронта, равнялся 40%, и опросы первоначально давали Марин Ле Пен этот результат. Но неудачные дебаты с Макроном лишили её шести процентов голосов, снизив итог до 33,9%. Ма-

рин Ле Пен была плохо подготовлена, пришла совершенно разбитая предыдущими выступлениями, измотанная, с мигренью, с неправильно выбранной тактикой — агрессивной и неуважительной. Команда Марин хотела перенести дебаты, но она отказалась. Штаб Макрона даже сумел подготовить ей ловушку: он распространил слух, что если она будет вести себя оскорбительно по отношению к своему конкуренту, то он уйдет с дебатов, провоцируя её тем самым на более агрессивный тон³⁰⁸.

В ходе теледебатов 16 миллионов зрителей фактически вновь увидели агрессивного «дьявола Республики», а не его мягкую дочь. Тема, которую больше всего обсуждали на дебатах — судьба евро и переход к национальной валюте, была крайне невыгодна Марин Ле Пен: она не пользовалась поддержкой среди её сторонников и была плохо проработана. Темы, которые больше всего волновали электорат НФ — иммиграция, терроризм и безопасность, были едва затронуты. По данным опросов CEVIPOF, 4,5% избирателей изменили свою позицию после дебатов, причем подавляющее большинство (93%) выбрали Макрона. Это были чаще всего люди старше 50 лет, католики или правые избиратели. Выяснилось, что избиратели Фийона не готовы голосовать за НФ, предпочитая или Макрона, или абсентеизм³⁰⁹. В этот момент французы вновь осознали, что Национальный фронт — всего лишь «партия протеста» и не готов к реальной власти. Ни разу в истории Пятой республики дуэль второго тура не приводила к такому радикальному слову зафиксированных опросами тенденций.

Парадокс президентских выборов заключался в том, что победил кандидат, который не имел никакого избирательного опыта, без поддержки укоренённой политической партии и не пользующийся особым расположением французов. Он сумел пройти во второй тур благодаря принципу «полезного голосования» и из-за опасения избирателей, что во втором туре окажутся Ле Пен и Меланшон. По опросу OpinionWay, в первом туре только 53% избирателей выбрали Макрона как оптимального кандидата, а 46% проголосовали по принципу «полезного голосования» и с учетом шансов других кандидатов. Это предопределило голосование во втором туре. По опросу OpinionWay, 50,3% избирателей Макрона проголосовали во втором туре, чтобы его избрали, но 49,6% его поддержали, чтобы не допустить победы Марин Ле Пен³¹⁰.

Парламентские выборы

11 и 18 июня 2017 года в стране прошли парламентские выборы. Для Эмманюэля Макрона они стали новым испытанием, определяющим его политическое будущее. Поначалу только сам Макрон был уверен в своей победе, даже многие его сторонники не надеялись на подобную перспективу. Большинство политических обозревателей и большинство французов не верили, что «эту миссию Макрон сможет выполнить»³¹¹. Лидеры «Непокорной Франции», которые видели блестящие успехи Меланшона на финише избирательной кампании, думали, что его невыход во второй тур был случайностью и мечтали о реванше. Большинство руководителей РП готовились к новому периоду «существования» (то есть к получению большинства в парламенте, продвижению своего кандидата на пост премьер-министра и дальнейшей его работе с президентом, не принадлежащим к их партии). До февраля 2017 года они были уверены в победе своего кандидата Фийона и рассматривали поражение как досадную случайность, связанную с его «делишками». Эта уверенность подкреплялась информацией о положении дел в партии Макрона.

Партия президента начинала свой путь с нулевой отметки: у неё было мало бывших депутатов или просто «нотаблей», укоренённых в избирательных округах, не было государственных субсидий, не было сети активистов на местном уровне³¹². Всего 25 кандидатов партии имели статус депутата (24 выходца из ФСП и других левых партий и Брюно Ле Мэр). Движение «В путь!» (En Marche!) после президентских выборов было переименовано в партию «Республика на марше» (La République en Marche).

Исследование, которое провёл Люк Рубен среди 529 кандидатов в депутаты от движения «Республика на марше», отобранных среди 15 тысяч претендентов, показало масштабы перемен, которые принес Макрон во французскую политическую жизнь³¹³. Партия Макрона продемонстрировала омоложение своего депутатского корпуса и его обновление. Средний возраст кандидатов был менее 47 лет (среди кандидатов других партий он равняется 49 годам). Более половины кандидатов никогда не избирались, даже на муниципальном уровне (284 из 529). Состав кандидатов по их политической принадлежности показал относительно высокий разброс: 33% их них вышли из левых партий в широком смысле (из ФСП или экологи-

ческого движения), тогда как 15% — из правых партий (РП или Союза демократов и независимых), 12,3% — из правоцентристского Демократического движения Франсуа Байру. Почти 40% не принадлежали ранее ни к одной из политических партий и только перед парламентскими выборами вошли в партию президента. Но даже в последней группе, которую можно представить как выходцев из гражданского общества, многие были связаны с политикой. Они были или политическими активистами, или работали в качестве сотрудников «личных кабинетов» (секретариатов) министра, или возглавляли какую-либо общественную организацию, или просто были местными чиновниками. Среди них было мало «аполитичных» деятелей, которых ничто ранее не связывало с политикой.

Именно мажоритарные выборы в два тура обычно обеспечивали успех вновь избранному президенту (Миттерану в 1981 году, Шираку в 2002-м, Саркози в 2007-м, Олланду в 2012 году). Их партии получали на парламентских выборах дополнительные бонусы благодаря ощущению электората, что игра уже сыграна, и возникновению «дифференцированного абсентеизма». На парламентских выборах явка обычно резко снижалась по сравнению с президентскими (в 2012 году доля воздержавшихся достигла 42,7%) — в большей степени за счет проигравших кандидатов. Напротив, избиратели победителя были готовы и дальше поддерживать своего кандидата. Вместе с тем фактор «победителя» подкреплялся наличием у партии крепких позиций на локальном уровне, измеряемых количеством «нотаблей», что явно не было плюсом партии «Республика на марше».

По закону во второй тур могли выйти два победителя первого тура и те кандидаты, которые получили не менее 12,5% голосов зарегистрированных избирателей, что при низком уровне явки предполагал результат выше 20% голосов. При среднем числе кандидатов на округ в 14 человек добиться такого успеха сразу трем кандидатам весьма сложно. В силу этого обстоятельства возможность второго тура с тремя кандидатами была фактически исключена, что закрывало возможность для прогресса НФ (только в одном округе во втором туре было три кандидата). В каждом округе было от двух до четырех кандидатов от левых партий — от ФСП, ФКП, «Непокорной Франции», экологов, по кандидату от РП или Союза демократов и независимых, в выборах приняли участие 400 кандидатов

от «Вставай, Франция!», почти в каждом округе были кандидаты НФ, выдвинулось множество кандидатов от различных правых, не говоря о кандидатах президентской коалиции.

Главным победителем первого тура парламентских выборов стал абсентеизм, который достиг рекордного уровня — 51,2% в первом туре, более чем на 8 пунктов превышающий результат парламентских выборов 2012 года — 42,7%. Эти различия в доле абсентеистов были связаны с тем, что в 2017 году потерпели поражение две партии власти — РП и ФСП, а также с отсутствием сильного противовеса президентской коалиции. По словам известного историка и социолога Жерома Сент-Мари, «на парламентских выборах Макрону не противостояла реальная альтернатива из-за раздробленности оппозиции, которую выражали одновременно четыре политические силы — НФ, «Республиканцы», ФСП и партия Меланшона. Поэтому половина избирателей не считала необходимым пойти на избирательные участки»³¹⁴. В силу этого обстоятельства избирательная кампания была довольно вялой — без больших митингов и собраний избирателей, при безразличном отношении электората.

Часть избирателей была уверена, что «все уже закончено», и президентские выборы завершили избирательный цикл, который фактически начался с праймериз правоцентристской коалиции осенью 2016 года. За семь месяцев избирателей восемь раз призывали к урнам: дважды на первичные выборы правых партий, дважды на праймериз Соцпартии, на два тура президентских выборов и, наконец, два раза на парламентские выборы. Наступила естественная усталость от выборов.

Ни одна партия не смогла предложить мобилизующих лозунгов, и фактически они ставили перед своим электоратом минимальные цели: создать парламентскую группу (Национальный фронт или Соцпартия), опередить ФСП (Меланшон и «Непокорная Франция»), сохранить единство партии («Республиканцы»).

И самое главное, в электорате возник легитимистский рефлекс, характерный для президентских режимов: 65% французов желали, чтобы Э. Макрон добился большинства в Национальном собрании, и две трети из них хотели успеха партии президента только потому, что считали, что правительство должно спокойно управлять, хотя лишь меньшинство разделяло его идеи (всего 14%)³¹⁵. Образовался существенный разрыв между партией президента, за которую, по

опросу IPSOS, были готовы голосовать 31,5% французов, и Республиканской партией, которая пользовалась поддержкой всего 22% опрошенных³¹⁶. Партия «Республика на марше» практически не имела слабых зон, в которых она была бы уязвима для конкурентов. Её результаты были более или менее равномерно распределены по всем округам Франции. Даже в тех округах, где конкуренция высока и где позиции других партий сильны, «Республика на марше» была способна сопротивляться.

Кроме того, работал фактор «дегажизма». Исследование IFOP показало, что одним из важнейших мотивов голосования было стремление покончить с традиционной элитой. В округах, где были выдвинуты кандидаты от президентской партии, большинство опрошенных не хотели переизбрания прежнего депутата, независимо от того, кого он представлял. К стремлению покончить с прежней элитой добавился эффект закона от 14 февраля 2014 года, запрещающий депутатам совмещать свой мандат с постом в исполнительной власти в местных органах (82% депутатов занимали посты мэров, замов мэра, президентов или вице-президентов местных советов различных уровней). В результате 200 депутатов решили не участвовать в парламентских выборах, зачастую предпочитая сохранить свои позиции в местных органах управления (в том числе 80 депутатов ФСП). В итоге традиционный эффект «нотаблей» практически исчез.

И наконец, принципиально новым явлением стало превращение партии «Республика на марше» в центр тяжести политической системы. До одной пятой электората Ф. Фийона и Ж.-Л. Меланшона и около четверти избирателей Б. Амона собирались голосовать за президентский блок. Для 40% правых избирателей и 32% электората ФСП и даже 14% избирателей «Непокорной Франции» голосование за кандидатов Макрона являлось вторым выбором (опрос IPSOS). В зависимости от конфигурации второго тура кандидатов Макрона собирались поддерживать или левые избиратели, или правые, или даже те и другие, если во второй тур выходил кандидат НФ, тем самым обеспечивая победу президентскому блоку. В случае дуэли между кандидатом партии «Республика на марше» и республиканцем, по данным IFOP, 57% избирателей Соцпартии собирались поддержать макрониста и только 21% — кандидата Республиканской партии. В случае дуэли между кандидатом Макрона

и представителем НФ 55% избирателей партии «Республиканцев» и 72% Соцпартии были готовы проголосовать за макрониста и соответственно 19% и 10% — за кандидата от Марин Ле Пен³¹⁷. Во втором туре «Республика на марше» втягивала, как мощный пылесос, электораты партий, проигравших в первом туре.

Макрон сумел найти дополнительные возможности для усиления своих позиций в электорате. Президент Франции выбрал в качестве премьер-министра Эдуара Филиппа, мэра Гавра и альтер-эго Алена Жюппе, в тот момент одного из самых популярных политиков Франции. Филипп сразу же призвал преодолеть «смертоносный раскол» между левыми и правыми. Согласно опросу, проведенному институтом Harris сразу же после назначения премьер-министра, 47% сторонников РП одобрили назначение Филиппа. 88% правых избирателей желали, чтобы республиканцы вошли в правительство. Реагируя на этот запрос, Макрон включил в свое правительство в качестве министра экономики Брюно Ле Мэра, бывшего министра сельского хозяйства в правительстве Саркози, а Жеральд Дарманен, другой член его кабинета, стал министром государственной политики и госбюджета. Республиканцам доверили самый сложный участок в деятельности правительства — экономику.

Правым было весьма сложно критиковать правительство: за исключением бывшего министра обороны Жана-Ива Ле Дриана, весьма популярного во Франции, в нем не было бывших министров Олланда, а те социалисты, которых Макрон пригласил, принадлежали к либеральному крылу Соцпартии. Программы двух партий — «Республиканцы» и «Республика на марше» — отличались лишь деталями. Первые же меры Макрона были направлены на завоевание правоцентристского электората: от возобновления диалога с Москвой до либерального проекта реформы трудового кодекса.

Французы были довольны составом правительства. По опросу ELABE, 65% французов полагали, что команда Филиппа воплощает «обновление» власти, а 54% верили в её эффективность.

Политика «протянутой руки» Макрона вызвала позитивный отклик в правоцентристской коалиции, особенно среди центристов из Союза демократии и независимых (СДИ) и сторонников Жюппе. Они предлагали положительно ответить на эту политику, и на их призыв сразу же откликнулось около 200 руководителей РП различного уровня. Их явно не устраивала стратегия «фронтальной оп-

позиции», первоначально разработанная руководством партии. Опасаясь раскола, республиканцы отказались от воинственной риторики и пообещали «мирное сосуществование» в случае своей победы или начать переговоры с правительством в случае поражения.

Макрон нашел подход к той группе республиканцев и социалистов, которые были готовы к союзу с новой политической силой, но не решались вступить в ряды президентской партии. Он не выдвинул в 51 округе кандидатов от своей партии «Республика на марше», тем самым дав возможность победить потенциальным союзникам от Соцпартии (например, бывшему премьер-министру М. Вальсу) или в 20 округах правоцентристам (например, Брюно Ле Мэру или Тьерри Солеру). И на листовках многих кандидатов ФСП или РП появляются надписи «Президентское большинство». Президентская коалиция поделила округа между партией Макрона и Демократическим движением Байру. С помощью всех этих шагов Макрон получил поддержку избирателей и Республиканской партии, и ФСП. По данным IFOP, 85% электората Соцпартии и 65% сторонников «Республиканцев» одобрили вхождение своих политиков в правительство.

По итогам первого тура «Республика на марше» набрала 28,6%, а партия Байру — 4%. Президентская коалиция намного опередила правых, которые получили всего 21,5% голосов. Другим сюрпризом было изменение соотношения сил между ФСП (7,4%) и «радикальной левой», которую представляли ФКП и «Непокорная Франция» Меланшона (11,03%). Наконец, Национальный фронт, который набрал 13,2% голосов, не смог даже повторить свой результат 2012 года (13,9%).

Характер конкуренции во втором туре полностью изменился. В 2012 году доминировала классическая дуэль между левым и правым кандидатами — таков был сценарий в 80% округов. Через пять лет «Республика на марше» противостояла в 263 округах кандидатам от правых партий, в 128 — кандидатам от левых партий, в 102 округах — кандидатам от НФ. Всего партия Макрона участвовала почти в 500 дуэлях. Большинство этих дуэлей кандидаты президентской коалиции выиграли³¹⁸.

Обычная практика Пятой республики — второй тур подтверждал результат первого или даже укреплял его. И в этом смысле тренд абсентеизма усилился, и доля воздержавшихся выросла на

пять процентных пунктов, достигнув 56,5%. Вместе с тем оппозиции удалось провести частичную коррекцию результатов первого тура. На основе итогов первого тура предполагался полный разгром оппонентов президентской коалиции, и Макрон мог надеяться на 397–427 мест. Однако им удавалось в некоторых округах мобилизовать свой электорат. Правые спасли около 50 округов по сравнению с первыми прогнозами, и французские социологи пришли к выводу, что на помощь правым кандидатам пришли избиратели НФ³¹⁹. Хуже всего противостояли натиску «макроновцев» кандидаты ФСП: по ним сильнее всего ударило непринятие политического класса, «дегажизм», стремление сменить элиту. Операция Макрона по перехвату электората прошла лучше среди левоцентристских избирателей³²⁰.

Электорат «президентской коалиции» имел все черты типичной доминантной «партии для всех»: практически во всех возрастных группах или социальных слоях она опережала другие партии или соперничала с ними. В первом туре «Республика на марше» находилась впереди других партий во всех возрастных группах с 18 до 70 лет. Только среди лиц старше 70 лет «Республиканцы» незначительно опережали партию «Республика на марше» — 34% против 33%. Худший результат партия президента получила среди избирателей в самом трудоспособном возрасте (35–49) — всего 28%. И в этой возрастной категории НФ был способен оказывать какое-то сопротивление: он получил 22%. Движение Меланшона добивалось лучших результатов в молодежной среде: набрав всего 11%, партия «Непокорная Франция» получила 18% среди лиц в возрасте от 18 до 24 лет и даже 21% в возрасте от 25 до 34 лет.

Как и на президентских выборах, НФ преуспел в рабочем классе: за партию проголосовали 29% рабочих, тогда как за партию президента — всего 26%. С другой стороны, партия Ле Пен полностью провалилась в средних слоях: за неё проголосовало лишь 5% образованных французов, занимающихся управленческой или интеллектуальной деятельностью. В этой категории лучше выступила партия Меланшона — она получила 11%. Пенсионеры начали голосовать за Макрона: его партия получила 34%, а «Республиканцы» — только 30%.

«Республика на марше» добилась высоких результатов среди лиц с доходами выше 3000 евро в месяц (43%), но проиграла НФ в

низкодоходных группах (ниже 1250 евро в месяц) — соответственно 25% и 17% голосов. В городах Макрон полностью доминировал (41%), но в сельских зонах вынужден был конкурировать с «Республиканцами» (президентская партия набрала 26%, а РП — 21%).

На парламентских выборах Макрон одержал полную победу: его партия получила 43% голосов и 306 мест в Национальном собрании. Демократическое движение, составной элемент президентской коалиции, набрало 6% голосов и получило 42 депутатских места. Только «Республиканцы» смогли сохранить приличные позиции в Бурбонском дворце — 112 мест (22,2% голосов). К этому результату можно добавить 17 депутатов центристского Союза демократов и независимых. НФ сумел получить лишь 8 депутатских мест, ФСП смогла спасти лишь 30 мест, а «Непокорная Франция» создала парламентскую группу из 17 депутатов. Несмотря на успех своих сторонников, Макрон получил не самую большую парламентскую группу в Пятой республике: Ш. де Голль в 1968 году, Ф. Миттеран в 1981-м, Ж. Ширак в 2002-м и Н. Саркози в 2007-м добились лучших результатов.

Франция при президенте Макроне

Политическая философия Макрона*

По типу личности Макрон является «достижителем», всегда выигрывающим в меритократической конкуренции. За исключением провала при поступлении в Высшую нормальную школу (École normale supérieure), который он сам объяснял влюбленностью в Бриджит, он выиграл все конкурсы. Он был лучшим на генеральном конкурсе бакалавров по французскому языку, добился диплома высокого уровня (DEA) по философии благодаря дипломным работам по Макиавелли и Гегелю, стал сотрудником Поля Рикёра, знаменитого французского философа, ставшего практически его другом, несмотря на разницу в возрасте, был одним из лучших учеников в Институте политических исследований (Science Po), прошел по конкурсу в Национальную школу администрации (ENA). Окончил её в числе первых, попал по распределению в финансовую инспекцию, самый престижный из «больших корпусов» (неформальных

* К сожалению, И.М.Бунин не успел написать раздел о биографии Э. Макрона. Поэтому приводим краткую биографическую справку президента Франции. Эмманюэль Жан-Мишель Фредерик Макрон родился в 1977 году в городе Амьене в семье профессора неврологии Университета Пикардии Жана-Мишеля Макрона и врача Франсуазы Макрон-Ногес. Учился в католической школе в родном городе. В 15-летнем возрасте влюбился в свою 39-летнюю преподавательницу французского Бриджит Тронье, на которой женился в 2007 году. Учился в Университете Париж X-Нантер (магистр философии), в Институте политических исследований и Национальной школе администрации. В 1999–2001 годах был помощником французского философа П. Рикёра. В 2004–2008 годах работал финансовым инспектором. Затем был инвестиционным банкиром в Rothschild & Cie Banque, где в 2011 году стал управляющим партнером. В 2012–2014 годах — заместитель генерального секретаря президента Ф.Олланда. В 2014–2016 годах — министр экономики, промышленности и цифровых дел в правительстве М. Вальса. В 2016 году основал движение «В путь!». С 2017 года — президент Французской Республики.

объединений чиновников высшего эшелона), затем работал в знаменитой комиссии Жака Аттали по вопросам экономического роста во Франции, в которой он был заместителем председателя. Потом, по совету Аттали, перешел в банк Ротшильда, где очень скоро стал ассоциированным партнером и заработал приличные деньги. Во время праймериз ФСП он сделал ставку на Олланда и после его победы был назначен заместителем генерального секретаря Елисейского дворца. Затем его назначают на пост министра экономики. Вся жизнь Макрона до выдвижения его кандидатуры на президентских выборах свидетельствовала, что он является типичным победителем.

Пока рейтинг Макрона рассматривали как «электоральный пузырь», который вот-вот должен сдуться, большинство комментаторов видели в его успехах «эффект фортуны», счастливое сочетание случайностей. Когда же из «НЛЮ» Макрон превратился в реального победителя, возник интерес к источникам формирования его политической философии.

Все отмечают множественность источников вдохновения для Макрона, упоминают Наполеона, Шарля де Голля, Гизо и Валери Жискар д'Эстена, Мендес-Франса и Кеннеди, сен-симонистов и великих либералов³²¹. Сравнивая с Наполеоном (или, точнее, с Бонапартом), говорят о молодости, быстроте принятия решений, амбициях («духе победителя»)³²². С де Голлем Макрона сближает схожий подход к устройству власти. Де Голль понимал необходимость для высшей власти сохранять определенную дистанцию от общества. «Не бывает власти без престижа, а престижа — без дистанции», — писал молодой де Голль в своей работе «На острие шпаги». И именно голлистская концепция власти легла в основу его определения власти как «королевской» или власти «Юпитера». Макрон, как де Голль, верит в свою звезду и в вертикальную систему управления.

Макрон использовал и другую традицию — орлеанистскую, когда вслед за Франсуа Гизо, премьер-министром Июльской монархии*, призывавшего французов «обогащаться трудом и сбережениями», еще на посту министра желал, чтобы появились «молодые французы, которые стремились бы стать миллиардерами».

* Июльская монархия — период в истории Франции от Июльской революции 1830 года, свергнувшей династию Бурбонов, до Февральской революции 1848 года.

Но три составные части макронизма — это прежде всего труды Макиавелли, Шумпетера и философа Рикёра.

Многие обратили внимание на то, что одну из своих дипломных работ Макрон посвятил Никколо Макиавелли, которая до сих пор неизвестна широкой публике, хотя в своих выступлениях сам Макрон никогда не упоминал идеологическое наследие великого «флорентинца». Профессор Филипп Рейно писал: «Во Франции существует традиция считать всех политических деятелей, которые с некоторым успехом прибегали к различным уловкам, «макиавеллистами», например «флорентийца» Франсуа Миттерана или в последнее время даже Франсуа Олланда, который во время своей президентской кампании проявлял чудеса манипуляции»³²³.

И в этом смысле Макрон проявил необыкновенное политическое чутье. Во-первых, Макрон, единственный из кандидатов, понял, что праимериз, проведенные республиканцами и социалистами, не спасают политическую систему, а, наоборот, углубляют её кризис. Во-вторых, он сумел создать среди своих конкурентов смешанный образ «интеллектуала» и одновременно патрона start-up (удачливого дельца), который «случайно забрел в политику»³²⁴. В этом смысле он напоминает Фридриха Второго, которого все воспринимали как философа и любителя изящной словесности, тогда как в это же время прусский король создал свою армию и разгромил войска своих противников во время Семилетней войны.

Французские публицисты, как уже отмечалось, стали его сравнивать с молодым Бонапартом и Шарлем де Голлем 1958 года, в характере которых был несомненный дух «макиавеллизма». Эта аналогия оказалась возможной, поскольку все они смогли подняться над партийными страстями и предприняли попытку вывести Францию с помощью личной власти из политического кризиса и предложить стране амбициозный проект «трансформации» системы. Макрон доверяет не столько системе сдержек и противовесов, которые должны обеспечить демократический порядок, сколько воле государства и персонифицированной его личностью.

В этом смысле всех этих политических деятелей Франции можно сопоставить с «Государем» Макиавелли, который не просто следует за событиями, а предвосхищает их и предлагает государству свой проект системной «трансформации». Филипп Рейно думает, что Макрон и Макиавелли различаются своим подходом к морали, ибо

первым законодательным актом новой легислатуры стал инициированный Макроном закон о «морализации политической жизни». Но в этой оценке, возможно, сказалось не совсем адекватное прочтение идеи Макиавелли. Труд «Государь», безусловно, является политехнологическим трактатом (политика есть «опытная наука», писал он), в котором автор политическую целесообразность ставит выше моральных норм. Но идеальным правителем остаётся для него тот, кто уважает свободы своих подданных и заботится об их благосостоянии.

Другим источником «макронизма» является развитие идеи «творческого разрушения» Йозефа Шумпетера, хотя сам Макрон, будучи прагматиком, никогда не связывал себя с какой-либо экономической теорией. Как известно, для Шумпетера главным актором экономических преобразований является предприниматель-новатор, который создаёт новый рыночный продукт или новый способ производства. Обогащение не есть главный мотив предпринимателя, более важными являются эмоциональные потребности в победе в конкурентной борьбе, в утверждении своей самости, в создании новой предпринимательской династии. «Типичный предприниматель, — писал Шумпетер, — никогда не задается вопросом, несет ли ему каждое прилагаемое усилие достаточную компенсацию в виде прироста наслаждения. Его мало заботят гедонистические результаты его труда. Он трудится, не зная покоя, потому что не может иначе, цель его жизни не состоит в том, чтобы получать наслаждение от достигнутого. Если же у него возникает такое желание, то это не оставка в пути, а симптом паралича, не достижение цели, а провозвестник физической смерти»³²⁵.

Макрон заимствовал у Шумпетера две идеи³²⁶. Во-первых, борьбу с рентной экономикой и создание налоговой системы, которая вознаграждала бы предпринимательский риск и инновации. Налог на богатство, введенный Олландом, был заменен налогом на недвижимость, а ценные бумаги (акции, облигации и так далее) были освобождены от налогообложения. Эти идеи впервые выдвигал в Соцпартии Доминик Стросс-Кан, убежденный поклонник Шумпетера и значительная часть сотрудников которого сейчас работает на президента Франции. Во-вторых, Макрон полностью воспринял идею Шумпетера о том, что гибель предприятий и даже отраслей промышленности не обязательно ведет к безработице, ибо одно-

временно возникают новые профессии и новые рабочие места. Главное — помочь воспользоваться новыми возможностями. Профессор Филипп Агион, представитель экономической школы Шумпетера, ввел понятие *flexisécurité*, соединившее понятия *flexibilité* (гибкость) и *sécurité* (безопасность), которое на практике проверялось в Дании в 90-е годы. Оно означает относительную легкость использования механизма увольнений с одновременным улучшением системы пособий по безработице и помощь в переподготовке безработных. Реформа трудового кодекса была первым шагом по пути внедрения *flexisécurité*.

Все комментаторы называют Поля Рикёра, известного французского философа XX века, в качестве важнейшего источника политической философии Макрона. Они заявляли, что президент переложил «идеи Рикёра на музыку»³²⁷. Они подчеркивали близость философии Рикёра и политической практики нового президента, например в поиске равновесия между рынком и социальной солидарностью; в принятии мысли философа о том, что идентичность личности или страны находится в постоянном переформатировании, или о том, что политические решения тесно связаны с прошлым опытом нации. Даже любимое выражение Макрона «в то же время» взято из работ Рикёра. Философ Оливье Абель выявил четыре темы, в которых подходы философа и политика совпадают: отношение к истории, вера в способности индивида, восприятие зла в политике, значимость политической идеологии³²⁸. Исторический подход Макрона выразился в его весьма сбалансированной оценке войны в Алжире, которую не следует забывать, но и не надо чрезмерно предаваться воспоминаниям. В речах Макрона много говорилось о способности человека к самореализации. Правда, подход Рикёра более взвешенный: «человек способный» одновременно и «человек виновный», и «человек уязвимый». Рикёр пишет, что взаимозависимость людей и общества представляет собой «бесконечную взаимную задолженность». Как и Рикёр, французский президент выступает против технократических подходов и предлагает повысить значимость политической идеологии, которая дала бы возможность действовать.

На наш взгляд, главное, что заимствовал Макрон у Рикёра, это отношение к власти. По словам философа, «именно отношение к власти является в человеческой истории фундаментальным, основопо-

лагающим, именно опираясь на власть, человек творит историю»³²⁹. И главный конфликт возникает между горизонтальной и оптимистичной политической философией договора между гражданами и пессимистичной политической философией, базирующейся на вертикали, которая признает фактор насилия в обществе. «Власть устанавливает между одним человеком и другим человеком связь неравную, не взаимную, иерархическую, далекую от отношений братства»³³⁰. Именно философия Рикёра заставила Макрона задуматься о поиске нового равновесия между демократией, в которой доминируют юридические процедуры и постоянные консультации, и лидерством, способным решать возникающие проблемы. Макрон писал: «Рикёр является одним из философов континентальной Европы, который больше остальных думал, что из себя представляет процесс коллегиального обсуждения проблем. Он размышлял о возможности действовать в горизонтальной системе власти, но действовать так, чтобы избежать постоянного бега по кругу вечных обсуждений»³³¹. Отсюда появились рассуждения Макрона об образовавшейся пустоте власти из-за отсутствия короля или идея президента-Юпитера. Иначе говоря, Макрона больше всего волнует, как реализовать власть и сделать её максимально эффективной в демократическом обществе.

В целом «центризм» Макрона состоит из самых различных элементов: из философии Рикёра, из идей Эмманюэля Мунье, редактора журнала «Эспри», основателя персоналистского течения и проповедника «третьего пути» — среднего между капитализмом и социализмом. Макрон много заимствовал у интеллектуального социализма движения «вторых левых» и лично у Мишеля Рокара. Он впитал «левый реформизм», идеи персонализма, технократическую культуру ЕНА и элитных профессиональных сообществ — так называемых «больших корпусов». «Экономический либерализм» сторонников Макрона сближает их с правыми, а установки «культурного либерализма» — с левыми. И в этом смысле «центризм» Эмманюэля Макрона является именно «и левым, и правым»: левым в культурном плане, и правым в экономическом»³³².

Сразу после победы оптимизм французов возрос: подавляющее большинство (69%) надеялось на то, что новому президенту удастся повысить конкурентоспособность французской экономики. Феномен возникновения энтузиазма в послевыборный период — классическое

явление, и его пик наступает через месяц после победы. В этом смысле Макрон повторял рост оптимизма после победы Саркози в 2007 году, который, однако, быстро улетучился. Французская социологическая служба INSEE, предупреждала, что «пузырь оптимизма может быстро лопнуть после выборов»³³³.

К сентябрю 2017 года эйфория сменилась разочарованием. Эмманюэль Макрон подошел к новому политическому году с резким падением своей популярности. К сентябрю Макрон потерял 22 процентных пункта популярности после избрания, и его рейтинг достиг самого низкого уровня для четвертого месяца президентского мандата. По данным социологической службы IFOR, в конце августа 2017 года к нему позитивно относились 40% французов, тогда как через четыре месяца правления 54% опрошенных благоприятно относились к Ф. Олланду, а к Н. Саркози — даже 69%. «Медовый месяц» между Макроном и Францией закончился раньше обычного срока.

Разочарованный реакциями французов, Макрон стал говорить о сложностях проведения реформ во Франции. «Французы ненавидят реформы. Если можно их избежать, они обязательно это делают», — заявил он в Бухаресте. В своем программном интервью еженедельнику «Пуэн» он вновь подчеркнул, что «Франция идет на реформы реже, нежели на резкие внезапные потрясения». И комментаторы согласны с этой точкой зрения: «Франция всегда предпочитала бурные революции, которые ничего не меняют, оставляя после себя трупы и разочарование, прежде чем вернуться к статус-кво», — писал еженедельник «Пуэн»³³⁴.

Внешняя политика президента Макрона: Европа и глобальный мир

Ещё во время избирательной кампании французская пресса называла Макрона «разрушителем традиционных форм общественной жизни», ломающим все прежние политические устои. Он подорвал традиционное разделение на левых и правых, нарушил принцип властной солидарности, взорвал социалистическую партию. Он создал новую, абсолютно ни на что непохожую партию — «В путь!», которую объявил «и правой, и левой», заменив традиционный кон-

фликт между трудом и капиталом на принципиально новый — между отношением к глобализации и национальному суверенитету. Он выиграл парламентские выборы, опираясь не на профессиональных политиков («нотаблей»), а на выходцев из гражданского общества. Он назначил премьер-министром Эдуара Филиппа, представителя Республиканской партии, тем самым создав раскол в правом лагере.

После победы Макрон проводил политику слома традиционных структур во всех сферах общественной жизни, включая международные отношения: он пообещал превратить Францию «просто в великую державу», когда рассуждал о планах Валери Жискар д'Эстена в 70-е годы сделать Францию «великой державой среднего уровня», а выступая в Афинах, на родине европейской демократии, предложил организовать в ЕС в течение шести месяцев широкое обсуждение реформы европейских институтов, чтобы выявить приоритеты развития на ближайшие 5–10 лет и к лету 2018 года выработать цельную концепцию Евросоюза. Как обычно, для Макрона главное — «замутить» ситуацию, а потом попытаться найти выход из возникшей проблемы.

Динамизм Макрона произвел впечатление в дипломатических и журналистских кругах. Даже в Европе, где Ангела Меркель доминирует на политической арене уже десять лет, появление политика, который моложе её на 23 года, означало само по себе ослабление её позиций. В период между двумя турами немецкая газета «Фракфуртер альгемайне цайтунг» писала: «Макрон моложе Кеннеди, либеральнее Блэра, больший европеист, чем Шрёдер». Адам Плурайт, первый английский биограф Макрона, в полном восхищении от молодого французского президента пишет: «Страна великой революции превращается в громадную социальную лабораторию». Он вопрошает: «Может ли Великобритания произвести собственного Макрона?»³³⁵. Либеральные круги США усматривают в Макроне антипода Трампу. В руководящих кругах ЕС в Макроне видят будущего наследника Меркель в качестве реального лидера Европы. Еврокомиссия Юнкера попала под обаяние молодого политика, который впервые за многие годы сделал Европу и её институты главным элементом своей программы реформ. Бюрократия ЕС давно искала политического лидера, способного противостоять популизму, и поэтому с энтузиазмом восприняла Макрона. Один из чиновников

ЕС отмечал: «За шесть месяцев тот, кто обещал привести в движение Францию, стал тем, кто реально заставляет двигаться Германию...»³³⁶.

При Макроне Франция участвовала в совместном американо-британско-французском ударе по Сирии 14 апреля 2018 года. Для него психологическим основанием участия в коалиции была идея самоутверждения в качестве главнокомандующего, прежде всего из-за относительной молодости и принадлежности к поколению, которое не проходило военной службы. Впервые Макрон появился в качестве президента Франции на военном бронированном автомобиле, который специально используется во время военных операций в Африке. Он без раздумья сменил начальника генштаба генерала Пьера де Вилье, который на парламентской комиссии подверг достаточно взвешенной критике решение министерства финансов сократить бюджет армии на 850 миллионов евро. «Я принял на себя обязательства, и я ваш руководитель», — заявил Макрон. Популярный министр обороны Жан-Ив Ле Дриан возглавил Кэ д'Орсэ (МИД был переименован в министерство европейских и иностранных дел), а министерство обороны было переименовано в министерство вооруженных сил, руководить им стала бывшая социалистка Флоранс Парли, работавшая ранее в руководстве ряда технологических компаний. Министр стал отвечать в большей степени за техническую деятельность министерства, а не за его политику.

До удара по Сирии Макрон был гораздо осторожнее Олланда, который не отказывал себе в удовольствии поучаствовать в военных операциях в Ливии или Ираке; он мечтал нанести военный удар по позициям Асада вместе с США и был весьма разочарован новой позицией Обамы. Макрон, принявший участие в военной операции, мог ощущать свое превосходство над своим предшественником и своим «политическим отцом», которому он «методично» изменял (как сказал сам Обама). Французская пресса писала: «Через год после избрания Макрон надел костюм военного вождя».

Чтобы доказать миру, что Франция не следует пассивно за США, Макрон предпринял ряд политических шагов. Он внес в ООН проект резолюции, предусматривающий «создание международного механизма, устанавливающего ответственность за повторение химических атак и призванного помешать любой попытке рецидивов со стороны сирийского режима». Тем самым он дистанцировался от

неоконсерватизма Трампа и подтвердил старый принцип: война ради войны не имеет никакого смысла — её задача заключается в подготовке мира. Он дал России информацию о готовящихся ударах и подробно обсудил ситуацию с наследным принцем Саудовской Аравии. Уже после военной операции он вновь заявил о своей готовности к встрече с В. Путиным в конце мая 2018 года и фактически предложил себя в качестве главного посредника между Россией и Западом*.

Во время своего президентства Франсуа Олланд стремился лишь адаптироваться к мировым трендам по европейской проблематике и сохранить консенсус между государствами — членами ЕС. Он больше занимался африканскими проблемами, соглашением по ядерным силам Ирана и Минским соглашением.

Напротив, для Макрона европейская тематика стала доминирующей. Осенью 2017 года он постоянно возвращается к теме реформы ЕС, пытаясь обозначить контуры Европы «разных скоростей», в которой Франция и Германия будут играть определяющую роль. С его точки зрения, Европейский союз «чрезмерно слабый, чрезмерно медлительный и чрезмерно неэффективный». Газета «Фигаро» писала: «Эмманюэль Макрон пронесся как ураган по нашему старому континенту, обещая все изменить»³³⁷. Он фактически стал политическим лидером Европы, воспользовавшись Брекситом, который вывел Великобританию из европейских игр, и слабостью Меркель, чьи позиции подорваны относительным провалом на парламентских выборах.

По мнению французского президента, его план позволит преодолеть медлительность принятия решений, требующих единогласного голосования всех государств Евросоюза. Его «дорожная карта» включает десять важнейших положений. Во-первых, он предлагает подписать в ближайшее время новое соглашение между Францией и Германией, которое укрепило бы кооперацию между двумя странами. Он надеется, что до 2024 года удастся полностью интегрировать рынки обеих стран и дать предпринимателям общие правила. Во-вторых, он призывает создать бюджет зоны евро, кото-

* Визит Э. Макрона в Россию в мае 2018 года состоялся — в его ходе президент Франции встретился с В. Путиным и принял участие в Петербургском экономическом форуме.

рым руководил бы министр финансов ЕС и который контролировался бы Европейским парламентом. Бюджет пополнялся бы за счет налогов на предприятия «цифровой экономики» и экологических налогов. В-третьих, в Европе двух скоростей необходимо бороться с «социальным демпингом», ликвидировав разрыв в доходах «командированных работников» разных стран Союза. В-четвертых, он предложил, чтобы половина студентов и школьников обучалась по крайней мере 6 месяцев в другой стране ЕС. Он также выступил за унификацию дипломов в ЕС и за создание двух десятков общеевропейских университетов. Он также настаивает на том, чтобы каждый студент мог говорить на двух европейских языках.

Важнейшим предложением стала идея создания европейской обороны: в начале следующего десятилетия Макрон надеется создать европейские силы быстрого реагирования, военный бюджет ЕС и сформулировать военную доктрину Европы. В планы французского президента входит создание «европейской академии по подготовке кадров разведки» и общеевропейских институтов по борьбе с терроризмом и организованной преступностью. Для борьбы с незаконной миграцией, которая стала главным вызовом для Европы, Макрон намерен организовать фильтрационные центры и охраняемые пункты сбора для разделения ищущих убежища и трудовых мигрантов, а также укрепить пограничную полицию ЕС. Для финансирования новой Европы Макрон готов ввести новые налоги, в том числе на крупнейшие кампании цифровой экономики (Google, Apple, Facebook, Amazon). Наконец, в политической области он предложил, чтобы часть мест в европейском парламенте, которые раньше были зарезервированы за Великобританией (73 депутата), в 2019 году избирались по общеевропейским спискам (идея не нашла поддержки у депутатов). В 2025 году половина депутатов европейского парламента должна избираться по общеевропейским спискам. Он также предложил сократить число европейских комиссаров вдвое (с 30 до 15) и изменил систему выборов депутатов в Европейский парламент от Франции, сделав их общенациональными (раньше списки были региональными). Новая система выборов порождает новые сложности для Республиканской партии, внутри которой всегда существовал серьезный конфликт между сторонниками и противниками углубления европейской интеграции.

Сначала Меркель приняла идеи Макрона достаточно прохладно, опасаясь того, что Германии придется их полностью оплачивать. Но трудности формирования в Германии «большой коалиции», несмотря на то что из нее выбыл теперь уже бывший лидер СДПГ Мартин Шульц, разделявший подход Макрона, заставили ее пойти навстречу президенту Франции. «Мы должны найти совместное решение, ибо оно необходимо Европе», — заявила она в Брюсселе. И пообещала сблизить позиции Парижа и Берлина до марта 2018 года*.

Реформы Макрона

Во французском госаппарате Макрон изменил систему рекрутирования высших чиновников, введя ряд элементов американской *spoils system*** . Отношения с государственными служащими у новой власти складывались трудно, потому что она попыталась «закрыть гайки»³³⁸. Олланд все время искал синтез, который позволил бы ему сохранить электоральную поддержку среди госслужащих, традиционной опоре Соцпартии. Во-первых, если Олланд начал в 2016 году повышать базовую ставку государственных служащих после «замораживания», проведенного Саркози и первоначально продолженного левым правительством (итога — шесть лет), то Макрон вновь её заблокировал. Во-вторых, с 2018 года Макрон решил ограничить возможность для государственных служащих болеть без потери зарплаты. Фийон принял постановление, которое позволяло администрации штрафовать чиновников на один рабочий день в случае болезни (в частном секторе размер штрафа достигает зарплаты трех дней), и оно принесло позитивный эффект — болеть стали реже. Олланд отменил постановление предыдущего прави-

* М. Шульц не вошел в состав нового правительства А. Меркель из-за внутрипартийных разногласий в рядах немецких социал-демократов. Э. Макрон и А. Меркель продолжили сотрудничество в рамках Евросоюза, хотя наблюдатели заметили признаки конкуренции между ними в связи со значительно большей активностью и самостоятельностью Макрона по сравнению с Ф. Олландом.

** Назначение на должности представителей победившей на выборах партии, активистов президентской кампании.

тельства как «несправедливое». В-третьих, Макрон решил сократить численность госслужащих на 120 тысяч человек, что было вчетверо меньше, чем аналогичные обещания Фийона. В-четвертых, правительство приняло решение увеличить взносы государственных служащих в систему государственного обеспечения на 1,7 процентных пункта, не компенсируя это повышением зарплаты³³⁹. В ответ профсоюзы государственных служащих 10 октября провели забастовку³⁴⁰.

Реагируя на критику французами политического класса, Макрон первым делом приступил к подготовке законопроектов, призванных вернуть доверие общества к политикам. В связи с делом «Пенелопагейт» был принят закон, запрещающий депутатам, сенаторам, министрам и деятелям местного самоуправления нанимать близких родственников на работу в качестве своих помощников, несмотря на наличие в прежнем парламенте лоббистской ассоциации, защищающей этот порядок (около 200 депутатов и сенаторов). Одновременно был принят закон, лишавший депутатов представительских расходов, за которые они даже не были обязаны отчитываться (5372 евро в месяц) и специального ресурса на поддержку общественных ассоциаций в своем округе (130 тыс. евро в год).

Макрон заявил о подготовке оптимизирующих деятельность парламента законопроектов, изменяющих избирательную систему с помощью введения элементов пропорциональности (с 20%-ной квотой), сокращающих численность депутатов, сенаторов и выборных лиц местных органов власти на треть, а также резко уменьшающих возможность совмещения выборных мандатов: запрещено совмещение более двух выборных должностей.

В программе Макрона были намечены преобразования во всех сферах социальной жизни (6 крупных реформ за 18 месяцев): от реформы трудовых отношений (закон уже принят), до реформы системы пособий по безработице, которую предполагается распространить на «независимых» (ремесленников, торговцев и фермеров) и сделать государство третьим участником этой системы, жилищной реформы, реформы пенсионной системы, реформы системы образования и преобразование режима чрезвычайного положения, который после терактов 13 ноября 2015 года продлевался шесть раз — меры по борьбе с терроризмом должны

войти в уголовный кодекс. Главный лозунг этих изменений: «Освободить энергию, защитить французов, инвестировать в экологию».

Проведение реформ — всегда трудная и рискованная задача. Понятно, что для реализации «глубинной трансформации», о которой говорит Макрон, требуется ряд условий, большинства которых нет во Франции. Нет доверия к элите, которую все время подозревают в своекорыстных замыслах. Нет понимания смысла реформ и их неотвратимости. Все время возникают сомнения в справедливом распределении бремени, которое вынуждено нести общество вследствие преобразований. Если же реформы затрагивают существенные интересы, «завоеванные права» (*droit acquis*) или устоявшиеся привычки, то общество зачастую отказывается принимать реальность, предпочитая минимизировать возникшие угрозы и сохранить привычную картину мира (в соответствии с «когнитивным диссонансом» Леона Фестингера). Даже если угроза очевидна и идентифицирована, люди склонны к иллюзии, что ситуация «устаканится» сама по себе, без всяких реформ и особого риска. Последние тридцать лет политическим деятелям явно не хватало смелости, их преследовал страх перед социальными волнениями и протестом оппозиции (самый яркий пример — политика Ширака в середине 90-х годов). В результате, как отмечали французские политологи, «на смену славному послевоенному тридцатилетию роста пришли тридцать лет дрёмы»³⁴¹. Во Франции с её приверженностью к законченным идеологическим схемам и с двухсотлетней историей разделения общества на левых и правых проведению реформ мешает идеологическая ригидность, жесткое следование определенной системе ценностей. Когда же реальность всё же заставляет производить изменения, реформаторы предпочитают ограничиваться полумерами, небольшими изменениями, фактически оставляя систему в прежнем состоянии.

Только в долгосрочной перспективе можно будет понять реальный реформаторский потенциал Эмманюэля Макрона и его команды и оценить готовность французов принять «глубинную трансформацию». Министр труда Мюрель Пенико подчеркивала: «Обновление социальной модели должно затрагивать все шесть сторон, как в кубике Рубика, и на всех надо преуспеть»³⁴².

Реформа трудового законодательства

Свою реформу трудового законодательства Макрон назвал «коперниковской революцией», основой «глубокой трансформации» французского общества. Эта реформа продолжала те преобразования, которые начались ещё во время правления Франсуа Олланда, в период проведения закона Эль-Комри через парламент. Законопроект натолкнулся на жесткое сопротивление профсоюзов, которые организовали единый фронт из двух крупнейших профсоюзных объединений — ВКТ и «Форс увриер», сумели провести одиннадцать демонстраций, численность самой мощной из них достигла 400 тыс. человек (по данным профсоюзов, более миллиона). К демонстрантам присоединялись профессиональные «бунтовщики», вышедшие из различных анархистских объединений, порой из соседних стран, действовавшие под пиратским флагом, в капюшонах, как кагуляры* 30-х годов, или в белых масках «анонимов». Они были вооружены самым различным оружием — от камней и дубинок до «коктейлей Молотова», от их действий пострадали 554 полицейских и жандармов. Против законопроектов выступала даже часть депутатов от Соцпартии, так называемые фрондёры. Правительство пошло на ряд уступок, которые совершенно не удовлетворили предпринимателей, и было вынуждено прибегнуть к статье Конституции 49.3, которая открывает возможность принимать законы без обсуждения в нижней палате.

Правительство Эдуара Филиппа в 2017 году избрало другую тактику: обладая устойчивым парламентским большинством, оно провело через Национальное собрание закон, позволяющий принимать законы с помощью ордонансов (указов), выведя их тем самым из-под критики общественного мнения, прессы и оппозиции. Затем правительство в течение трех месяцев согласовывало свой проект с профсоюзами и работодателями. Во время переговоров министру труда Мюриэль Пенико удалось разорвать прежний единый фронт двух профсоюзов и добиться доверия президента «Форс увриер» Жана-Клода Майи, который занял менее критическую позицию,

* Крайне правые активисты, нередко использовавшие насильственные методы.

чем даже профсоюз Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ), который в 2016 году поддержал законопроект Эль-Комри.

Макрон пошел на важную уступку профсоюзам, сохранив в ряде сфер деятельности приоритет отраслевых соглашений над трудовым договором на предприятии. Но в целом профсоюзы вынуждены были занимать оборонительные позиции и довольствовались любой уступкой правительства. В лучшем положении оказались работодатели и их головная организация — Движение предприятий Франции (MEDEF), но на предприятиях от 50 до 300 занятых им не удалось добиться возможности подписывать соглашение напрямую с наемным персоналом, без участия профсоюзного делегата. Конечно, для предприятий с числом занятых менее 50 проведение переговоров с персоналом существенно облегчено. На предприятиях, где более 50 занятых, была упрощена система представительства персонала, и три института представительства (комитет предприятия, делегат от персонала, комитет по гигиене, безопасности и условиям труда) были объединены в один — Социальный и экономический комитет предприятия (ранее предприниматели старались не переходить порога в 50 занятых и не увеличивать персонал своего предприятия из опасения расширения прав коллектива).

Главным достижением работодателей стала статья одного из ордонансов, позволяющая предприятию пересматривать такие важные параметры коллективного договора, как зарплата и график рабочего времени, если дирекция добьётся согласия представителей персонала. В целом реформа практически не касается гигантов французской промышленности — тех 250 компаний, которые производят треть добавочной стоимости рыночного сектора, — но даёт прекрасные возможности для развития мелких фирм, которые создают менее 15% богатства страны. Она не приносит особых плюсов и для среднего бизнеса, по показателям которого Франция отстает от своих конкурентов в других развитых странах.

Конечно, реформа Мюриэль Перико не является ни «революцией» в трудовых отношениях, как утверждал Макрон, ни «государственным переворотом в социальной сфере», как заявил Жан-Люк Меланшон. По сравнению с жаркой весной 2016 года, когда начинались дебаты по законопроекту Эль-Комри, в 2017-м реакция профсоюзов была относительно умеренной. ВКТ призвала выйти на

демонстрацию 12 сентября, но не получила поддержки других профсоюзов, хотя часть её членов вышла на улицу. За исключением движения «Непокорная Франция» протест не поддержала ни одна политическая партия, лишь отдельные социалисты вышли на улицу. В этих протестах не ощущается ни радикализма, ни энтузиазма, это скорее «последний бой ради сохранения чести», как пишет еженедельник «Пуэн». 12 сентября в демонстрациях участвовало, по данным полиции, 223 тысячи человек, в Париже — 24 тысячи. Не обошлось без схваток с полицией, поскольку к демонстрации прикнули гагуляры (правда, их было немного). Протест был скорее направлен против социальной политики Макрона, а не против реформы трудового кодекса. По опросу ODOXA, большинство французов (68%) думают, что демонстрации 12 сентября оказались провальными. Скорее всего, правительство выдержало первый напор протеста.

Макрон заявил, что он не уступит требованиям «бездельников, циников, экстремистов», что еще больше раззадорило протестующих и вызвало осуждение большинства французов (60%). Нельзя исключить эффекта вовлечения в движение протеста новых групп населения, недовольных реформами, особенно студентов и лицеистов: 80% французов предполагают, что движение будет расширяться. Хотя известный социолог Гаэль Слиман считает, что «в этом прогнозе есть явно элемент желания». Две трети левых избирателей надеются, что движение протеста расширилось, тогда как правые и сторонники правящей партии его осуждают и хотели бы, чтобы оно постепенно ушло в песок (60%)³⁴³.

Да и общественное мнение, которое первоначально воспринимало реформу с опаской и тревогой, сейчас её поддерживает, хотя и с небольшим перевесом. По данным института общественного мнения ODOXA, 52% опрошенных думали, что реформа будет содействовать развитию занятости и росту экономики, 60% считали, что Макрон должен идти до конца, а не отступить под давлением профсоюзов. 69% одобряли идею соглашений на мелких предприятиях напрямую с персоналом, без участия профсоюзов, столько же одобряли возможность проведения референдума на предприятии по инициативе дирекции, 61% позитивно относились к приоритету трудовых договоров на предприятии над общенациональными договорами между работодателями и профсоюзами. Правительство не пред-

принимало попыток навязать французам более радикальный подход в области трудовых отношений.

С помощью этой реформы Макрон, безусловно, выиграл битву за общественное мнение, но вряд ли она принесет существенные дивиденды в борьбе с безработицей. Она не затрагивает те структурные элементы, от которых, по мнению большинства экономистов, зависит уровень безработицы: ни содержания трудовых договоров, которые носят весьма жесткий и обязывающий характер для предпринимателей, ни 35-часовую рабочую неделю, ни высокую минимальную зарплату, ни пособия по безработице. Конечно, безработица может упасть, но скорее не под воздействием этого закона, а за счет экономического подъема и более позитивного настроения предпринимателей.

Реформа железных дорог

Предшественником Макрона в вопросе противостояния с профсоюзами была Маргарет Тэтчер: она проявила качества «железной леди» в битвах с профсоюзами шахтеров в 1984–1985 годах. Тэтчер тщательно подготовилась к схватке: складировала на военных базах запасы угля на два года, использовала Службы безопасности MI5 для дискредитации профсоюзных лидеров, обвиняла их в связях с внешним врагом — СССР. Лидер консерваторов стремилась покончить с дорогостоящими государственными шахтами (четыре из пяти были убыточными) и для этого должна была ослабить власть шахтерских профсоюзов. В годы её правления Великобритания приобрела репутацию «больного человека Европы», страны, где этатизм и корпоративизм убивали любую личную инициативу. Благодаря своей железной воле Тэтчер сумела преодолеть все препятствия, в том числе и забастовку шахтеров, которая длилась с марта 1984-го по март 1985 года, и была триумфально переизбрана в 1987 году. В 90-е годы британская экономика в буквальном смысле слова возродилась: начался быстрый экономический рост, а Лондон стал мировой финансовой столицей.

В 2015 году английская радиостанция Би-би-си посвятила Франции передачу под знаковым названием «Какая катастрофа!». Бу-

дучи министром экономики Франции Эмманюэль Макрон говорил, что сейчас настало время пойти по пути, который прошла Великобритания в 80-е годы. «Французы должны отдавать себе отчет, что они единственные, кто не реформировал систему в то время, когда другие страны решили двинуться вперед».

В Германии реформа железных дорог была реализована в 1994 году совместно с профсоюзами. Долги взяло на себя государство, качество обслуживания улучшилось, но тарифы остались по-прежнему достаточно высокими. В Италии реформа прошла в 2000 году, что привело к появлению многих новых компаний и к снижению цен. Но региональная железнодорожная сеть страдает от нехватки инвестиций. В Великобритании приватизацию в отрасли, проведенную 25 лет назад, все больше критикуют: поезда дорогие и медленные, а электрички переполнены. В Швеции с 1988 по 2010 год на железных дорогах проходила либерализация и появилось около 50 операторов. Цены упали, предложений для потребителей стало больше, но инфраструктура ухудшилась.

Французское общество железных дорог (SNCF) имеет колоссальный долг — 47 миллиардов евро; в течение последних лет инвестиции шли или на систему высокоскоростных поездов (TGV), или на новые железнодорожные линии, а старая железнодорожная сеть деградировала. По требованию ЕС либерализация железнодорожного сектора началась ещё в конце 90-х. SNCF было разделено на SNCF Réseau, которое занималось железнодорожной сетью, и SNCF Mobilités, в ведении которого остались поезда. В 2003 году грузовой транспорт был открыт для конкуренции, сначала для международной, а с 2006 года и для национальной. В результате SNCF потеряло 40% рынка. В 2009 году произошла либерализация рынка пассажиров, но конкурирующих компаний практически не возникло.

Законопроект, представленный в парламент 14 марта 2018 года, предусматривал изменение статута, превращение SNCF из государственного предприятия в акционерное общество, которое, оставаясь публичным предприятием, будет вынуждено придерживаться более строгой финансовой дисциплины, особенно в области задолженности. Кроме того, отныне нанимаемые в железнодорожную компанию не приобретут статута государственных служащих, которым пользуются нынешние работники. Этот статут давал им га-

рантии пожизненного найма, привилегированное социальное и пенсионное обеспечение, бесплатный проезд на поездах и значительные скидки для членов их семей. Но изменения статута не должны затронуть нынешних работников SNCF.

В знак протеста против этой реформы профсоюзы объявили с 3 апреля о «пульсирующей забастовке». Она предполагает чередование трех рабочих и двух забастовочных будних дней в неделю на протяжении трёх месяцев. Как известно, мощное забастовочное движение осенью 1995 года против реформы системы социального обеспечения и пенсионного режима привело к отставке правительства А. Жюппе. Теперь профсоюзам удалось мобилизовать более трети железнодорожников (34%), в том числе 77% машинистов и 69% контролеров. В некоторых городах (в Париже, Монпелье, Лионе, Тулузе) железнодорожное движение было полностью парализовано. Железнодорожники вновь проголосовали за продолжение забастовки 8 и 9 апреля. Один из активистов ВКТ заявил: «Придя к власти, Макрон объявил нам войну, а мы обещаем ему Сталинград». И конечно, во Франции, стране «забастовочной культуры», как говорили ещё в начале XX века, с профсоюзами следует считаться.

У Макрона много аргументов в пользу проведения реформы — инерция в деятельности предыдущих правительств, необходимость подготовить железнодорожные компании к конкуренции, посредственные услуги, предоставляемые SNCF за высокую плату (примерно на 30% дороже рынка). Общественное мнение на стороне забастовщиков, защищающих свои «завоеванные права»: 46% французов в апреле их поддерживали. Но ситуация часто меняется — в пик забастовок Тэтчер поддерживали только 17% англичан. Макрон не мог уступить, в противном случае от его имиджа реформатора мало что осталось бы, но правительство могло проявлять гибкость и искать компромиссы*.

* 27 июня 2018 года Макрон подписал закон о реформировании государственной железнодорожной компании SNCF, принятый с некоторыми поправками, не меняющими его основной смысл. Профсоюзы, несмотря на забастовку, не смогли этому помешать. Правительство также взяло на себя 35 из 47 миллиардов евро долга SNCF. В конце июня большинство жителей Франции (56%) в ходе опроса заявили, что устали от забастовки железнодорожников.

Реформа в области жилищной политики

В сентябре 2017 года правительство представило в парламент законопроект о «жилищной политике и мобильности населения». В своей программе Макрон настаивал на том, что государство тратит чересчур много денег на помощь нуждающимся в жилье (около 40 миллиардов евро), но не добивается существенных успехов. Поэтому надо изменить парадигму и порвать с политикой, которая приводила к тому, что государственная поддержка нуждающимся арендаторам приводила лишь к росту арендной платы. Средства надо направлять на строительство в зонах повышенной напряженности, чтобы стоимость жилья начала падать. «Строить быстрее и дешевле и помогать остро нуждающимся», — призывал Жак Мезар, министр, отвечающий за жилищное строительство³⁴⁴.

Первым шагом этой политики стало сокращение с октября жилищных пособий на 5 евро в месяц, что, однако, вызвало широкое недовольство многих социальных групп. Макрон подтвердил, что эта политика будет продолжена, но в министерстве уточнили, что сокращение пособий будет происходить только одновременно со снижением арендной платы социального жилья. Непонятно, правда, почему собственники жилья должны понижать арендную плату после сокращения пособий нуждающимся. Высокая стоимость жилья объясняется министром Мезаром «ложными процедурами и нормами, усложняющими выдачу разрешений на строительство». Однако многие предшественники Макрона пытались облегчить эту процедуру, но не достигли особых успехов.

Реформа пенсионной системы

Французская пенсионная система является одной из самых сложных в мире. Она включает 35 базовых режимов и 29 дополнительных. Каждый француз отчисляет средства для пенсионного обеспечения в 2–3 различные отраслевые пенсионные кассы, а доля лиц, получающих пенсии от двух и более систем, достигает 40% всех мужчин и 30% женщин, уходящих ежегодно на пенсию. Многие застрахованы в 6 или 7 кассах одновременно.

Давно звучали призывы упростить систему, но все попытки правых правительств провести реформы заканчивались печально: например, план Жюппе в 1995 году решить проблему специальных пенсионных режимов натолкнулся на мощный взрыв недовольства, а предпринятое в 2010 году Фийоном повышение пенсионного возраста до 62 лет привело к массовым протестам в течение 14 дней и выходу на улицу до 3 миллионов человек³⁴⁵.

Макрон обещал не поднимать возраст выхода на пенсию, не повышать взносы в пенсионные фонды и не понижать пенсии. Он призывал лишь упростить систему, сделать её универсальной и справедливой, чтобы «каждый вложенный в пенсионную систему евро давал гражданам одинаковые права». Но после победы на президентских выборах выяснилось, что к 2021 году дефицит пенсионной системы достигнет 21 миллиарда евро, и пришлось искать решение текущих проблем пенсионного обеспечения, а не думать о системном кризисе. Правительство решило увеличить вклад пенсионеров в фонд «общей солидарности» на 1,7 процентных пункта, никак не компенсируя падение их доходов. Эта мера должна затронуть 8 миллионов пенсионеров, получающих более 1200 евро в месяц (беднейшие категории пенсионеров будут освобождены от дополнительных взносов). «Бедными в настоящее время является в большей мере молодежь, нежели пенсионеры. И я прошу жертв от более обеспеченной категории», — заявил Макрон.

Но ударить по этой возрастной категории смертельно опасно для любого политика: пенсионеров всегда обхаживали, особенно перед президентскими выборами. Как известно, пенсионеры чаще других категорий голосуют на выборах, в большей мере интересуются политикой и хорошо в ней разбираются. На каждых выборах их голос звучал громче, чем у других социально-профессиональных групп. В 2007 году большинство лиц старше 60 лет голосовали за Саркози. Через пять лет они отвернулись от него и поддержали Олланда. В 2017 году Фийон завоевал их симпатии в первом туре, но во втором они выбрали Макрона, не желая победы крайне правой Марин Ле Пен. Но после того, как они узнали, каких жертв от них требует новый президент, они начали отворачиваться от Макрона. Падение президентского рейтинга к сентябрю 2017 года во многом вызвано разочарованием лиц старших возрастов³⁴⁶.

Реформы системы образования

Французская система образования находится в явном кризисе: в 2016 году по классификации Pisa (Международной программы по оценке качества общего среднего образования) Франция занимает 26-е место по математике и 19-е по чтению среди государств, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития³⁴⁷.

Министр образования Франции Жан-Мишель Бланке готовит реформы в системе национального образования, философия которых прямо противоположна идеологии Соцпартии. Наджат Валло-Белкасем, министр образования в правительстве Олланда, исключила из школьной программы изучение древних языков, двуязычные классы, стажировку в других европейских странах. Её идеи были данью образовательному проекту, главной целью которого является уменьшение социального неравенства и ограничение принципа меритократии, а принципы восходят к Жан-Жаку Руссо, который в книге «Эмиль, или О воспитании» отрицал любое знание, привнесенное извне. В окончательном виде этот подход был изложен философом Пьером Бурдьё в 1964 году в его знаменитой работе «Наследники» и стал входить в образовательную практику после 1968 года³⁴⁸.

Новый министр, напротив, обещает восстановить и преподавание латыни и греческого, и двуязычные классы, и систему европейских стажировок в коллежах. В начальной школе классы сокращаются вдвое, до 12 детей в одном классе, восстанавливается возможность делать уроки вечером в классе под присмотром школьного учителя и разрешено переходить на четырехдневную неделю (для одной трети коммун)³⁴⁹. Из 10 опрошенных семеро поддержали проект сокращения учеников в начальной школе, 64% — план возвращения к четырехдневной неделе; 8 из 10 позитивно относятся к восстановлению двуязычных классов и столько же к возможности делать уроки в школе под присмотром учителя.

Требует реформы и система бакалавриата, которую Макрон собирается провести в конце своей легислатуры: сократить количество экзаменов до четырех, сэкономив таким способом немало денег, а по остальным предметам выставлять оценки на основании успеваемости учеников в школе. Это ключевой момент, поскольку диплом бакалавра во Франции считается начальным этапом высшего образо-

вания и открывает доступ в университет. Однако Макрон заявил, что не может каждый бакалавр обладать правом поступления в университет, хотя это законодательно закреплено. Он настаивает на том, чтобы отказаться от жеребьевки бакалавров при поступлении в университет, когда на том или ином факультете (особенно на медицинском, юридическом, психологическом) больше абитуриентов, чем мест (при этом никто не решается ввести реальный отбор, который противоречит левой культуре). Вместо вступительных экзаменов бакалавры играют в «русскую рулетку», и порой лучшие из них становятся её жертвой. В итоге 60% студентов отсеиваются после первого года обучения. Иначе говоря, отбор происходит в результате провала, а не благодаря личному успеху.

Деканаты предлагают предоставить им возможность самим устанавливать предварительные условия поступления абитуриентов, но могущественные студенческие профсоюзы усматривают в этом «скрытую селекцию» и обвиняют министра в консерватизме и в ориентации на правых. Хотя создание условий поступления на факультеты включено в президентскую программу («нам надо перестать верить в то, что университет есть решение для всех»), в рабочих группах, которые обсуждают изменения в системе поступления в университет, принцип отбора по-прежнему остается неизменным³⁵⁰.

Борьба с террором

В области борьбы с терроризмом Макрон решил не продлевать в ноябре 2017 года чрезвычайное положение, однако все меры по борьбе с террористами должны были войти в уголовный кодекс: министерство внутренних дел получило право без судебного разбирательства задерживать подозреваемых, принимать решение о ношении электронного браслета, проводить административные обыски (в том числе и ночью), закрывать места отправления религиозного культа (мечети). Все эти меры могли применяться только в рамках борьбы с терроризмом, тогда как в период действия чрезвычайного положения они могли быть распространены и на обычных преступников.

Если сравнивать программу борьбы с терроризмом Макрона и Олланда, то главное отличие заключается в том, что новый прези-

дент стал называть «кошку кошкой» — он назвал борьбу с «исламским терроризмом» приоритетом своей внешней политики, тогда как левые и даже другие государственные деятели Франции избегали использовать подобную терминологию.

Эволюция политики коммуникаций с обществом

В своих размышлениях о природе власти Макрон писал, что его не устраивает концепция «нормальной» власти, которую проповедовал Франсуа Олланд во время своего правления, ибо такая власть превращается в систему реагирования на уже произошедшие события, а не их предупреждение». С точки зрения Макрона, необходимо действовать как король («быть Юпитером»), восстановив вертикаль, авторитет и даже сакральность власти, одновременно стараясь быть ближе к народу. Он предлагал вернуться к «духу и букве Конституции Пятой республики». Президент-«Юпитер» не должен заниматься всем и за все отвечать. Он должен быть гарантом системы и нести ответственность только за основные приоритетные программы.

Макрон абсолютно не принимал ту систему коммуникаций, которую выстроил Олланд, постоянно общавшийся с прессой и совершавший множество промахов в своей коммуникативной стратегии. Каждое слово президента должно быть на вес золота, поэтому необходимо ограничить его общение с журналистами и даже более тщательно контролировать взаимоотношения высших чиновников со средствами массовой информации. Можно сказать, что по сравнению со своими предшественниками Макрон поначалу был «молчаливым президентом»: он отменил ритуальное интервью журналистам 14 июля, во время национального праздника, прекратил давать интервью без микрофона, между журналистским сообществом и президентом возникла четкая дистанция. Задачей молодого президента было «не допустить появления любого неконтролируемого имиджа».

В результате, во-первых, имидж президента стал важнее, чем содержание его дискурса, что вскоре привело к негативным последствиям. Понятно, что PR сам по себе не является волшебной палочкой: люди не будут поддерживать пустоту и любая коммуника-

ция должна опираться на содержание. «Чересчур много PR, слишком много фотографий создали образ избалованного ребенка, попавшего в магазин, торгующий конфетами», — писала газета «Фигаро».

Во-вторых, Макрона подводила его ставка на технократов, нежелание опираться на реальных политиков. В правительстве практически нет медийных фигур, широко известных публике и обладающих реальным весом в общественном мнении. В результате Макрон остался в одиночестве, без команды политиков, которые могли бы его поддержать или даже заменить в случае необходимости. Социолог Жан-Давид Леви отмечал, что в отличие от Николя Саркози, у которого «даже в трудные моменты находились политики, способные его поддержать словом и в некотором смысле умереть за него», Макрону явно не хватает «войск, готовых ему помочь и сражаться за него». Даже в выступлениях его премьера чувствуются «колебания» и неспособность объяснить смысл программы президента. Он явно не способен выполнять обычную функцию премьера — быть щитом президента.

Наконец, его поведение на общественной сцене грешит явным высокомерием. Специалисты по коммуникациям отмечают, что у французов возникает ощущение, что перед ними «отличник в школе, гений, живущий в башне из слоновой кости, который не нуждается в общении, чтобы объяснить гениальность своих мыслей и который, следовательно, всегда будет непонят окружающими»³⁵¹. Директор бизнес-школы Гийом Биго писал, что Макрону не удалось поддержать достоинство президентской власти и частично в этом вина его прежнего менеджерского опыта и тех рекомендаций, которые он почерпнул из учебников по управлению крупными корпорациями. «Между селфи с поп-певицей Рианной, фотосессией в стиле спортивного поколения (Макрон-футболист, Макрон-пилот, Макрон на подводной лодке) и фактическим принуждением к отставке начальника генштаба французской армии менеджерская природа Макрона взяла вверх». Настоящего лидера никогда не волнуют внешние символы власти, тогда как менеджеру обязательно надо доказывать, что он есть реальный начальник, и он кричит в гневе: «Я — ваш командир», тем самым признаваясь в своей слабости.

Но надо отдать должное молодому президенту: он способен быстро осознавать свои ошибки и корректировать свое поведение. В ме-

дидной политике он совершил поворот на 180 градусов: во время поездки в Восточную Европу он взял с собой журналистов, с которыми беседовал без записи, что раньше он себе категорически запрещал, без всякого смущения объяснял свою внутривластную стратегию за границей (ранее он обещал не говорить о ситуации во Франции за рубежом), вернувшись во Францию, дал программное интервью еженедельнику «Пуэн», чтобы быть ближе к народу, обещал каждые две недели выступать по радио и, наконец, назначил нового ответственного за свой PR — Брюно Роже-Пеи, профессионального журналиста, специалиста в области политики. Министрам и депутатам было велено активнее включаться в политические битвы и чаще выступать в прессе и на телевидении.

Есть ли шансы на успех политики модернизации Макрона?

По сравнению со своими предшественниками, особенно Саркози, Макрон изначально оказался в невыгодном положении: Саркози получил в первом туре 31% голосов, на 7 пунктов больше, чем Макрон, который, вдобавок, столкнулся с небывалым абсентеизмом во втором туре. Саркози был избран в период экономического подъема и мог некоторое время пожинать его плоды, тогда как Макрон вынужден отменять патерналистские решения своих предшественников.

Французские социологи отмечают, что имидж новой власти обычно формируется в первые месяцы после победы на президентских выборах. Как писал Жером Фурке из Института общественного мнения IFOP, французы осознали, что от них сейчас потребуют по крайней мере «слез и пота», если воспользоваться хотя бы частично выражением Уинстона Черчилля, и, может быть, компенсируют их намного позже. Премьер-министр сообщил о том, что жилищные пособия будут урезаны на 5 евро в месяц (в августе 60% недовольных) и что взносы в систему социального обеспечения вырастут (53% недовольных). Поскольку жертвами последнего решения правительства должны стать прежде всего пенсионеры, то по социальным позициям Макрона в этой среде нанесен серьезный удар: к сентябрю он потерял среди них треть своих сторонников.

Кроме того, система власти, которую пытается построить Макрон, наталкивается на ряд объективных препятствий. Во-первых, попытки создать весьма искусственную властную вертикаль в обществе, исторически основанном на демократических принципах и на системе «сдержек и противовесов», вызывают негативную реакцию французов. Каждая попытка удалиться хотя бы на сантиметр от традиционной системы разделения властей, наталкивается на сопротивление и элиты, и общества. Отсюда оценка увольнения генерала Пьера де Вилье как «злоупотребление властью» или петиция французов, моментально собравшая 300 тыс. подписей, против придания официального статуса первой леди жене Макрона. Во-вторых, эгалитаристские и индивидуалистические тенденции общественного развития, впервые ярко проявившиеся во время «майской революции 1968 года», вступают в конфликт с «монархическим» характером Пятой республики, в которой президента называли «республиканским монархом» и к истокам которой хотел бы вернуться Макрон. В обществе, в котором доминируют эгалитаристские и индивидуалистические ценности, весьма трудно строить вертикаль даже на предприятии или в семье, не говоря уже о государстве.

В-третьих, хотя разделение на левых и правых во Франции во многом стирается, его базовые принципы сохранились — как писал политолог Жером Жаффре, они «глубоко закреплены в коллективном бессознательном... Французы рассматривают реформы Макрона под этим углом зрения. Они рассматривают их как левые (редко) или как правые (чаще)»³⁵². Макрон, проповедующий центристскую систему ценностей, оказывается между двух огней: одни идеи вызывают критику правых, другие — левых. Ни те, ни другие не могут себя полностью идентифицировать с политикой Макрона. Избранный под лозунгом «Ни правые, ни левые», который он потом заменил на лозунг «И левые, и правые», он видит, как политики обоих лагерей выступают против него, тем самым подрывая его социальную базу. Как пишут французские журналисты, «Макрона избрали в президентское кресло, а три месяца спустя он сидит на двух стульях, которые опасно разъезжаются».

Наконец, сам технократический поход Макрона, отсутствие широкой общественной поддержки, которую могла бы дать только такая идеология, которая обладала бы элементами новой утопии, способной заменить и идеалы социализма, и идеологию либера-

лизма, обрекает нового президента на политическое одиночество. Программа, призывающая «разблокировать» французское общество, способна вдохновить часть технократов и предпринимателей, но вряд ли вызовет энтузиазм в широких слоях общества, зачастую больше озабоченных потерей ежемесячно 5 евро жилищных пособий.

Вместе с тем характер падения рейтинга Макрона несопоставим с провалом Трампа в американской политической системе. Трамп столкнулся с сопротивлением всего истеблишмента, с конфликтами в собственной партии, кризисом своей команды, ужесточением политической борьбы в американском обществе. Напротив, в краткосрочном плане Макрону ничего не угрожает: у него устойчивое большинство в Национальном собрании и сплоченная команда, а его политические конкуренты ослаблены и раздроблены и не знают, какую стратегию следует избрать.

В Национальном фронте не могут выработать новую программу и стратегию, обострилась борьба между различными группировками в партии. Сама Марин Ле Пен психологически до сих пор не оправилась от поражения, и многие обозреватели пишут, что она находится в депрессивном состоянии и даже отказалась возглавить список НФ на выборах в Европейский парламент, на которых партию ждут серьезные потери (в 2014 году она набрала 26% голосов, в 2019-м получит, по опросам, от 15% до 20%). Этот политический и психологический кризис происходит несмотря на то, что НФ сохранил свой избирательный потенциал: 21,5 % избирателей всё ещё готовы голосовать за Марин Ле Пен на президентских выборах, она, видимо, может использовать антииммигрантские настроения, весьма распространенные во французском обществе³⁵³. Это, скорее всего, объясняет ту твердость, которую стал проявлять Макрон в борьбе с нелегальной иммиграцией.

В ФСП действуют серьезные центробежные тенденции, и она оказалась без лидера, без программы, без денег и вынуждена продать свой офис.

Среди республиканцев началась обычная для правых партий борьба за власть, в партии намечается раскол между «правыми без комплексов», склонными договариваться с НФ, и центристами, готовыми работать с новым президентом. Макрон привнес в РП еще один элемент раскола, предложив на европейских выборах изменить

избирательную систему, превратив региональные партийные списки в национальные. По опросу СОФРЕС, 45% правых и правоцентристских избирателей готовы согласиться с формированием общего списка на европейских выборах части республиканцев и кандидатов партии президента и только 23% — с представителями НФ³⁵⁴. Таким образом, Макрон создаёт и для Республиканской партии Бермудский треугольник, как ему удалось сделать с ФСП на президентских выборах. Все партии согласны, кроме РП, которая обвиняет власть в «избирательных махинациях». Реально её зажимают между европейцами и еврофобами НФ, между Аленом Жюппе и Филиппом Сегеном, который до середины 1990-х годов возглавлял евроскептиков в голлистской партии.

Сейчас новый лидер РП Лоран Вокьё склонен занимать антиевропеистские позиции, а Жюппе говорит о необходимости сформировать центристскую коалицию на европейских выборах. Трое председателей региональных советов, состоявших ранее в РП (Ксавье Бертран, Валери Пекресс и Кристиан Эстрози), решили выйти из партии. Все эти события наряду с отказом центристской партии Союз независимых демократов восстановить союз с РП после избрания Вокьё на пост президента «Республиканцев», по словам Жерома Фуркэ, делают «сценарий раскола внутри правых вполне реальным»³⁵⁵. Фуркэ подчеркивает, что политическая топография изменилась: «Республиканцы» имеют от 15% до 20% электората и для выхода во второй тур им нужно еще 5% избирателей — их можно отобрать или у НФ, или у партии Макрона. Скорее всего, он попытается повторить стратегию Саркози 2007 года, который делал упор на национальной идентичности и сильном государстве, одновременно обращаясь к «Франции трудящихся и заводов». Вокьё сейчас также выступает против «коммунитаризма» («общества общин») и требует ужесточить отношение к потенциальным преступникам, подозреваемым в радикальном ислаимизме, и одновременно предлагает меры в пользу среднего класса, который задевают реформы Макрона.

Электорат перестал воспринимать «Республиканцев» в качестве главной оппозиционной силы. Так считают, по данным опроса ELABE, лишь 8% избирателей. Иначе говоря, отказав на президентских и парламентских выборах РП в праве управлять страной, французы не признают её и главной оппозиционной силой. Более

того, 77% опрошенных думают, что у правых нет новых идей и 73% — новых лидеров³⁵⁶.

Самой активной и шумной оппозицией стала «Непокорная Франция» Меланшона, но у нее нет союзников и она чересчур радикальна для современной Франции. Меланшон не воспользовался слабостью Соцпартии, не сумел стать вождем французской левой и среди социалистов его авторитет невысок. Во время президентских выборов Меланшон пытался предстать, впрочем, без особого успеха, в качестве нового Миттерана, конечно, более левого, чем бывший президент Франции.

Возможным сценарием может стать формирование широкого реформистского блока во главе с Макроном, в который войдут левоцентристские, центристские, правоцентристские избиратели. Многие вспоминают совет Алена Жюппе: «Необходимо обрезать омлет с двух сторон». Опрос IFOP, проведенный спустя шесть месяцев после президентских выборов, показал весьма оптимистичные для Макрона результаты, несмотря на резкое падение его рейтинга. Он набрал бы 28% в первом туре, то есть на 4 процентных пункта больше, чем в мае 2017 года. Макрон не просто сохранил свою социальную базу первого тура, но и переформатировал её и расширил за счет правых избирателей: каждый пятый избиратель Фийона готов голосовать за действующего президента. В ноябрьском опросе Kantar—«Фигаро магазин» 41% левых избирателей, 55% центристов, и 69% правых выразили ему свое доверие*.

Этот сдвиг вполне объясним: Макрон проводит политику, которая во многом отвечает системе ценностей правых избирателей: более гибкое трудовое законодательство, пересмотр закона о налоге солидарности на крупные состояния, ослабление уравнилельных тенденций в системе образования, жесткая борьба с нелегальной иммиграцией. Традиционное разделение на левых и правых, безусловно, сохраняется, но наличие этого «центристского блока» сузит пространство прежних конфликтов. Жаффре пишет: «Мы знаем Макрона как министра-социалиста, как кандидата от левого центра и как президента от правого центра. Такой сдвиг за столь короткое время не наблюдался никогда». И избиратели этот факт уже осо-

* Тем не менее уже в сентябре 2018 года рейтинг Макрона снова потерял 10 пунктов.

знали: 53% опрошенных считали его правым политиком в декабре 2017-го и лишь 35% в марте того же года³⁵⁷.

Макрон воспользовался кризисом французской политической системы, которая оказалась неспособной справиться с массовой безработицей, падением покупательной способности, бегством капиталов, дороговизной жилья, жеребьёвкой при поступлении в университет и так далее. Его реформы можно критиковать, но большинство пока надеется, что они принесут какие-то результаты. Главный вопрос заключается в том, примут ли французы подготовленную Макроном стратегию модернизации Франции, несмотря на те жертвы, которые от них она потребует, или предпочтут политику «иммобилизма» и сохранение завоеванных позиций в социальной сфере, защиту «приобретенных прав», как это традиционно было принято во Франции.

«Проклятие второго года» и перспективы Макрона

Во время вступления Макрона во второй год своего президентства журналисты все чаще говорили о «проклятии второго года»: история Пятой республики полна примеров, когда именно в этот период французский президент вынужден был менять свою социально-экономическую политику и даже, порой, заменить премьер-министра, и начинался кризис легислатуры. «Это неписанный закон V Республики, который регулярно применяется в течение 40 лет», — писала либеральная газета «Фигаро».

Избранный президентом в мае 1974 года Валери Жискар д'Эстен вынужден был заменить в 1976 году премьер-министра Жака Ширака на Раймона Барра, «первого экономиста Франции». В 1981 году Франсуа Миттеран пришел к власти с программой «оживления народного потребления» и национализации. И через два года после трех девальваций франка в марте 1983 года перешел к политике жесткой экономии. Ширак стал президентом в 1995 году, через два года он решил провести внеочередные парламентские выборы, проиграл их и премьер-министром стал социалист Лионель Жоспен. Триумфально избранный в мае 2007 года Николя Саркози провозгласил программу реформ с лозунгом «Работать больше, чтобы больше зарабатывать». В 2008 году начался самый мощный после 1929 года

экономический кризис, и государство стало «банкротом», как выразился Франсуа Фийон, тогдашний премьер-министр, и пришлось менять экономическую политику. И конечно, Франсуа Олланда также зацепило «проклятие второго года»: в апреле 2014-го он заменил премьера и левую политику, при которой врагом Франции провозгласили банки, сменили робкие либеральные реформы Манюэля Вальса. Благие пожелания французских президентов каждый раз наталкивались на международную конъюнктуру: нефтяной шок 70-х, либеральный поворот 80-х («тэтчеризм» и «рейганомика»), мировой кризис 2008 года.

Макрон верит, что его минует «проклятие второго года», и уверяет, что реформы могут принести свои плоды только через два года. Но он не контролирует мировую экономику, и биржи в любой момент могут привнести сюрпризы мировой экономике и разрушить надежды французского президента. За время правления Макрона произошло оживление экономики, безработица сокращается, а дефицит государственных расходов снижается. Но экономические успехи Макрона слабо связаны с проводимыми им реформами, а скорее вызваны изменением экономической конъюнктуры. Эффект Макрона проявится намного позже. К началу второго года президентства только две реформы Макрона — налоговая и реформа трудового кодекса — прошли предварительные стадии, которые включают в себя правительственный законопроект, голосование в парламенте и декрет о порядке применения закона. До практики дело ещё не дошло.

Макрон навязал обществу «инфернальный ритм реформ», как писала экономическая газета «Эко». Когда-то Жан-Пьер Раффарен, премьер-министр Ширака, говорил, что нужно ограничиваться одной реформой в год. Пресс-секретарь Макрона Бенжамен Гриво шутливо сообщал, что не следует проводить больше одной реформы в неделю. Комментаторы писали, что только в 1946 году было подобное «возбуждение» законодательной деятельности.

Ведущие экономисты Франции (Ф. Агьон, Ж. Сетт и Э. Коэн) предлагали сделать упор на реформах в трех сферах — в налоговой области, в общественных структурах, в государственной системе. В области налогов власть уменьшила налоги на фирмы и предпринимателей, компенсировав бюджет за счет увеличения налога солидарности. Правда, пока не затронуты офшорные зоны, хотя экономисты дали эти рекомендации.

Что касается структурных реформ, команда Макрона действует по всем направлениям. Сокращение в два раза числа учеников в классе средних школ в бедных кварталах, изменение правил поступления в университеты, вводящие несколько большую конкуренцию для абитуриентов, перестройка системы профессионального образования, расширение возможностей прямых переговоров наемного персонала и работодателей на уровне предприятий, введение более эффективных способов решения проблем увольнения. Все эти реформы начаты, но пока не завершены.

Доля отраслевых переговоров между профсоюзами и предпринимательскими организациями сокращена в меньшей степени, чем первоначально предполагалось, короткий цикл университетского образования пока не сформирован. Но меньше всего успехов в области государственного управления. Реформа системы страхования по болезни и пенсионная реформа объявлены, но до сих пор неизвестны сроки их реализации. Проблематика территориальной реформы ещё даже не обсуждалась. С точки зрения французских экономистов, проводимые реформы не очень глубоки: если реформы Шарля де Голля в 1958 году по шкале Бофорта можно обозначить как шторм (9 баллов), то реформы Макрона — как сильный ветер (6 баллов). Но в сравнении с полным штилем при предыдущих правительствах эти изменения воспринимаются как революция, как назвал свою предвыборную программу Макрон.

В своем отношении к реформам Макрона французы разделены: они признают за ним желание провести преобразования, но сомневаются в их успехе. Они говорят, что президент разворошил политический муравейник, но считают, что до сих пор политическая жизнь кардинально не изменилась. Они видят, что Макрон предпринял много усилий, чтобы высвободить общественную энергию, но не усматривают в его действиях желания «защитить» французов. (Официальный лозунг Макрона — «Высвободить энергию и защитить слабых».) Многие французы понимают, что с «застоем» надо покончить, но не понимают, куда ведут предложенные Макроном изменения. Они боятся последствий реформ и не понимают, какую выгоду они получают от них персонально.

До сих пор Макрона судят по его намерениям, причем не очень ясно выраженным, а не по конкретным делам. Те категории французов, которые находятся в неблагоприятной ситуации, не пони-

мают своего места в будущей Франции Макрона. Рабочие и служащие осознают, что экономическая ситуация глобально улучшилась, но не видят конкретных преимуществ для себя лично. Разрыв между уровнем доверия к Макрону со стороны среднего класса и народными слоями достиг небывалого уровня: его поддерживают 65% лиц, имеющих высшее образование и неплохие доходы, и всего 27% рабочих и служащих. И главное, этот разрыв продолжает расти. Руководитель социологической службы ELABE Бернар Сананэ отмечает: «Французы признают, что Макрон проводит реформы, но ими пользуются самые привилегированные группы». По данным социологической службы IFOP, 42% опрошенных удовлетворены деятельностью президента, но 58% недовольны. Правда, 57% признают, что до сих пор Макрон выполняет свои обещания, которые он дал во время избирательной кампании. Считают «позитивными» итоги деятельности Макрона в ЕС 67% французов, 63% позитивно оценивают его деятельность по созданию образа Франции в мире. Но только 27% положительно оценивают реформу пенсионной системы и 18% — ситуацию в области здравоохранения. «Авторитарным» политиком считают его 73% опрошенных, а 67% полагают, что он «знает, куда он ведет страну». 53% называют его «симпатичным», но лишь 30% считают, что он близок к «заботам простых людей»³⁵⁸.

Но слабость оппозиции оставляет Макрону возможность продолжить реформы и даже выиграть президентские выборы. По опросу IFOP от 18 апреля 2018 года, Макрон получил бы в первом туре президентских выборов 36% голосов, намного опережая Марин Ле Пен (23%) и тем более кандидата Республиканской партии Лорана Вокье (8%). Хотя опрос за четыре года до выборов 2022-го не может дать адекватного прогноза, зато он показывает, что оппозиция до сих пор находится в кризисе.

Примечания

- 1 Taguieff, Pierre-André. *Macron: miracle ou mirage?* Éditions de l'Observatoire, 2017. P. 264.
- 2 François Hollande. *Les leçons du pouvoir*. — P. Stock. 2018.
- 3 Jacques Julliard. *La gauche française. 1762–2012: Histoire, politique et imaginaire*. — Paris, Flammarion. 2012.
- 4 Guillaume Perrault. *Conservateurs, soyez fiers!* — Paris, 2017. P. 8.
- 5 *La naissance de la droite républicaine*. — Le Figaro, 02.03.2017.
- 6 Richard Gilles. *Histoire des droites en France de 1815 à nos jours*. Paris, Perrin, 2017. P. 76–82.
- 7 Michelat G., Simon M. *Classe, religion et comportement politique*. Paris, 1977.
- 8 Michel Crozier. *Le Phénomène bureaucratique*. — Paris, Seuil, 1963; Michel Crozier *La Société bloquée*. — Paris, Seuil, 1971.
- 9 Pascal Perrineau. *Le compromis: une difficulté française?* — Le Figaro, 13.03.2018.
- 10 *Mai 68, événement ou avènement*. — Le Point, 01.04.2018.
- 11 Jean-Laurent Cassely. *Ouvert vs Fermé: le nouveau clivage politique?* Slate.fr, 30 juillet 2016.
- 12 Michelat G., Simon M. *Attitudes religieuses et politiques en France*. — La Pensée, №351, juillet-septembre 2007. P. 75–91.
- 13 Jérôme Fourquet. *À la droite de Dieu*. Paris, Le serf, 2018.
- 14 *Le catholicisme poursuit son érosion*. — Le Point, 29.03.2013.
- 15 *L'Église catholique de France en chiffres — 27 juillet 2016 — L'Obs; Qui sont les catholiques de France?* — Le Monde, 24.01.2014.
- 16 *La France catholique d'aujourd'hui*. — «Atlantico», 11.03.2017; Jean Sévillia. *La France catholique*. — P. Michel Lafon. 2015.
- 17 Henri Tincq: «Une partie de l'Église se droitise, voire s'extrême droitise». — Le Point, 01.04.2018.

- 18 Qui sont vraiment les catholiques de France. — La Croix, 11.01.2017.
- 19 Religion: une étude équivoque sur le visage des catholiques. — Le Figaro, 14.01.2017.
- 20 Michelat G., Dargent C. Système symbolique catholique et comportements électoraux — «Revue française de science politique», 1/2015 (vol. 65). P. 27–60.
- 21 Dargent Claude. Les catholiques français et le Front national. — Etudes, 2016/12. P. 19–30.
- 22 Dargent Claude. Les catholiques entre les primaires et le vote à la présidentielle. — L'enquête électorale française: comprendre 2017. La note, № 29, vague 9, février 2017.
- 23 Подробнее см.: И.М. Бунин. Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы. Москва: «Наука», 1989.
- 24 Mayer Nonna. Que reste-t-il du vote de classe? — Perrineau P. et Rouban L. La politique en France et en Europe. P., Presses de Science Po., 2007. P. 287–310.
- 25 Terra Nova. Gauche: quelle majorité électorale pour 2012, contribution N1, mai 2012 (www.tnova.fr); Le vote ouvrier, vote oublié. — L'Opinion, 27.03.2017.
- 26 Que reste-t-il de la classe ouvrière en France. — Le Figaro, 04.04.2017.
- 27 Michelat G., Simon M. Les ouvriers et la politique. Permanence, ruptures, réalignements. Paris. 2004. P. 139–147.
- 28 Там же. С.162–168.
- 29 M. Foucault. Un vote de classe éclaté. — Note ENEF 32. Science Po — CEVIPOF, mars 2017, URL:<https://www.enef.fr/les-notes>.
- 30 Rouban L. On est passé d'un vote de classe à un vote privatif. — Le Monde, 05.11.2013.
- 31 Luc Rouban. Du vote de classe au vote privatif. — CEVIPOF. Les enjeux. №1, octobre 2013. P. 1.
- 32 Brice Couturier. Macron, un président philosophe. L'Observatoire, Paris, 2017. P. 8.
- 33 Laurent Bigorgne, Alice Baudry, Olivier Duhamel. Macron et en même temps... — Paris, Plon, 2017. P. 16.
- 34 См. постановку проблемы в: С. Alduy. Nouveau discours, nouveaux succès. — Pouvoirs, № 157, 2016.
- 35 Подробнее см. И. Бунин. «Феномен Ле Пена». — «Мировая экономика

- и международные отношения», 1989, № 8. С. 67–75; G. Kauffmann. Les origines du Front national. — *Pouvoirs*, 157, 2016.
- 36 S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. Les faux-semblants du Front national. P. *Science Po*. 2015. P. 62.
- 37 См. подробнее: К. Бенедиктов. Возвращение Жанны Д'Арк. Политическая биография Марин Ле Пен. М., 2015. С. 215–222.
- 38 S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. *Op.cit.*
- 39 A. Dézé. Le changement dans la continuité: l'organisation partisane du Front National. — *Pouvoirs*, № 157, 2016. P. 59.
- 40 S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. *Op.cit.* P. 46.
- 41 *Ibidem*. P. 46–48.
- 42 Crépon S. La politique des mœurs au Front National — S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. *Op.cit.* P. 185–205.
- 43 См. К. Бенедиктов. Ук. соч. С. 116.
- 44 S. Crépon. *Op.cit.* P. 186.
- 45 S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. *Op.cit.* P. 303–304.
- 46 *Le Figaro*, 02.09.2016.
- 47 C. Alduy. *Op.cit.* P. 21.
- 48 Crépon S... *Op.cit.* P. 173.
- 49 Марин Ле Пен. Во имя Франции. М., 2016. С. 27.
- 50 S. Crépon... *Op.cit.* P. 174.
- 51 Le projet du FN déchiffré: «Incompétence, lachété, cynisme» — *L'Express*, 11.08.2016.
- 52 G. Kauffmann. Le nouveau FN. Les vieux habits du populisme. P. Seuil, 2016 цит. по: *Le Monde*, 03.09.2016.
- 53 Цит. по: К. Бенедиктов. Ук. соч. С. 98.
- 54 Подробнее см. P. Perrineau Montée en puissance et recompositions de l'électorat frontiste. — *Pouvoirs*, 157, 2016; P. Perrineau. *La France au Front. Essai sur l'avenir du Front National*, Paris, Fayard. 2014.
- 55 P. Perrineau. *La France au Front: essai sur l'avenir du Front national*. Paris, Fayard, 2014; Marine Le Pen effraie moins que son père, mais elle n'a pas changé le FN. — *Liberation*, 21.04.2012.
- 56 N. Mayer. «Reprendre les thèmes du Front national est la pire solution» — *Le Monde*, 20.12.2015.
- 57 Pascal Perrineau: La force des populistes, c'est de réussir à politiser le rejet de la politique — *L'Opinion*. fr. 02.07.2016.

- 58 Le Vote des Français: de Mitterrand à Sarkozy, P. Press de Sciences Po, 2014.
- 59 S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. Op.cit. P. 306.
- 60 P. Perrineau «Nous vivons un nouveau chapitre de notre histoire politique» — Point, 25.03.2015.
- 61 P. Perrineau: «Pour le FN, cette élection est un échec» — Le Point, 30.03.2015.
- 62 Le Monde, 13.12.2015.
- 63 Le Point, 09.12.2015.
- 64 Le Monde, 14.12.2015.
- 65 J. Jaffré. Les nouveaux électeurs du Front National. La note № 7, Vague 4, www.enef.fr.
- 66 Pascal Perrineau. Cette France de gauche qui vote FN. Seuil, Paris, 2017.
- 67 C. Alduy. Op.cit. P. 26–28.
- 68 G. Courtois. FN: le vieil homme et sa fille. — Le Monde, 03.06.2016.
- 69 Ibidem.
- 70 Marine Le Pen. La stratégie du trou de souris. — L'opinion, 03.09.2016.
- 71 Ibidem.
- 72 Le Point, 03.09.2016; Le Monde, 03.09.2016.
- 73 G. Tabard La stratégie de second tour de Marine Le Pen. — Le Figaro, 04.09.2016.
- 74 N. Mayer. Le plafond de verre électoral entamé, mais pas brisé: S. Crépon, A. Dézé, N. Mayer. Op.cit. P. 299–320.
- 75 Aude Lorriaux. Le plafond de verre contre le Front National résiste, mais il est fissuré. — Slate.fr. 14.12.2015.
- 76 La Libre.be. 05.02.2016.
- 77 La progression électorale du FN et ses limits. — Hommes et Libertés, № 173, mars 2016. P. 14–16.
- 78 La Libre.be. 05.02.2016.
- 79 G. Lavau. A quoi sert le Parti communiste Français. P. Fayard. 1981.
- 80 Marine Le Pen en quête d'une stratégie présidentielle. — Le Monde, 03.09.2016.
- 81 Rémond R. Les Droits en France. — P. 1982.
- 82 Уварова А. А. Бонапартизм и голлизм: уроки и возможности для Франции XXI века. — Франция на пороге перемен. М. 2016. С. 114.

- 83 René Rémond. *Les Droites aujourd'hui*. Paris, 2005.
- 84 Gilles Richard. *Histoire des droites en France de 1815 à nos jours*. Perrin, Paris, 2017. P. 20, 536.
- 85 *Ibidem*. P. 537.
- 86 *Le Figaro*, 05.12.2014.
- 87 Цит по: Yves de Kerdrel. *La droite la plus bête du monde*. — *Valeurs actuelles*. 01.02.2018.
- 88 J. Jaffré. *La seule arme de Juppé est d'être l'incarnation du refus de Sarkozy*. — *L'Opinion.fr*. 07.07. 2016.
- 89 Подробнее см. *Праймериз во Франции: история и современность*. — *Политком*, 23.07.2016.
- 90 *L'Express*, 03.05.2016.
- 91 *Les intentions de vote à la primaire de la droite — Vague2 — L'Opinion*, 30 juin 2016.
- 92 *Primaire à droite: évitera-t-on la guerre des chefs?* — *Le Figaro*, 15.07.2016.
- 93 Подробнее см. И. Бунин. *В преддверии праймериз французских правоцентристов: Жюппе vs. Саркози*. — *Политком*, 03.10.2016.
- 94 *L'Express*, 21.03. 2016.
- 95 *Alain Juppé est-il déjà président?* — *L'Express*, 24.05.2016.
- 96 *L'Express*, 28.05.2016.
- 97 *Les Echos*, 17.02.2016.
- 98 J. Jaffré. *Op.cit*.
- 99 *Le Figaro*, 11.05.2016.
- 100 Perrineau P. *Le Phénomène Juppé. L'Enquête électorale française. La note № 13, vague 2*, www.enef.fr.
- 101 *Portrait de l'invité: Alain Juppé .TNS SOFRES. TNS 2016*.
- 102 IFOP. *Les traits d'image comparés d'Alain Juppé et de Nicolas Sarkozy*. — *Vague 4. Juillet 2016*.
- 103 *Primaire à droite: Juppé a plus de réserve de voix que Sarkozy*. — *Le Figaro*, 08.07.2016; Perrineau P. *Les primaires à droite. La note № 21, vague 4*, www.enef.fr.
- 104 G. Tabard. *La guerre des ego et la paix des idées* — *Le Figaro*, 01.07.2016.
- 105 *Le Monde*, 28.06.2016; *L'Express*, 24.06.2016.
- 106 Bruno Cautres. *Regrets, indifférence ou soulagement? Les français et l'abandon de l'Europe*. — *La Note № 22, vague 4, juillet 2016*.

- 107 L.Rouban. Le retour de l'autorité. CEVIPOF, Note № 10, Vague 2, fevrier 2016-www.enef.fr/les/notes.
- 108 Le Monde, 10.06.2016.
- 109 Nicolas Sarkozy. Tout pour la France. — Paris, Plon, 2016.
- 110 Un bon usage du Gaulois en période électorale. — Le Figaro, 20.09.2016.
- 111 Le Figaro, 09.08.2016.
- 112 Le Monde, 10.06.2016.
- 113 Laïcité: les projets des candidats à la primaire de droite. — Le Figaro, 22.05.2016.
- 114 Le Monde, 11.08.2016.
- 115 Sarkozy croit en ses chances et mise sur son image d'homme à poigne. — Le Figaro, 02.08.2016.
- 116 Sarkozy met la «nation» au coeur de sa campagne. — Le Figaro, 08.06.2016.
- 117 Le Monde, 12.06.2016.
- 118 Le Figaro, 03.07.2016; 26.07.2016; 27.07.2016.
- 119 Etat de droit: Sarkozy et Urvoas s'écharpent sur les fichés S. — L'Express, 28.07.2016.
- 120 Sarkozy et Le Pen deux programme proche sur le régalien. — Le Monde, 12.09.2016.
- 121 Le Point, 23.11.2016.
- 122 Journal de Dimanche, 05.08.2016.
- 123 Atlantico, 29.07.2016.
- 124 Laurent Neumann. Op.cit. P. 28.
- 125 François Fillon. L'Homme qui revient de loin. — Le Figaro, 27.11.2016.
- 126 Gilles Boyer. Rase campagne. P., J CLattès, 2017. P. 175–176.
- 127 La Croix, 23.11.2016.
- 128 Bruce Teinturier. Linérite (et dernière) primaire de la droite et du centre. — Le vote disruptif. Paris, 2017, 32–33.
- 129 Jérôme Fourquet et Hervé Le Bras. La guerre des trois. La primaire de la droite et du centre. Paris, 2016. P. 21–22.
- 130 Figaro Magazine, 04.11.2016.
- 131 J. Fourquet et H. Le Bras. Op.cit. P. 25, 51.
- 132 Bernard Sananes. François Fillon incarne la rupture tranquille. — Les Echos, 21.11.2016.

- 133 Stefanini. L'homme-orchestre. — Le Monde, 25.11.2016.
- 134 Primaire de la droite: la stratégie de terrain de Fillon explique-t-elle son succès? — Le Monde, 23.11.2016.
- 135 Le Figaro, 22.11.2016.
- 136 Dans son nouveau costume de favori, un François Fillon sur la défensive. — Le Monde, 22.11.2016.
- 137 Primaire de la droite: Juppé face au défi d'une campagne impossible. — Le Monde, 24.11.2016.
- 138 Le Point, 24.11.2016.
- 139 La bataille de primaire de la droite touche à sa fin, Fillon favori face à Juppé. — La Croix, 26.11.2016.
- 140 Подробнее см. Т. Становая. Внешнеполитическая доктрина Франсуа Фийона: интересы и чувства. — Политком, 12.01.2017.
- 141 Pascal Perrineau. Aucun second tour n'est jamais totalement plié. — Les Echos, 25.11.2016.
- 142 Bruce Teinturier. Op.cit. P. 38.
- 143 L'électorat catholique objet de toutes les convoitises. — Le Figaro, 17.08.2016.
- 144 J. Fourquet et H. Le Bras. Op.cit. P. 92.
- 145 Dargent Claude. Les catholiques entre les primaires et le vote à la présidentielle. — L'enquête électorale française: comprendre 2017. La note, № 29, vague 9, février 2017.
- 146 J. Fourquet et H. Le Bras. Op.cit. P. 95.
- 147 Cinq raisons pour lesquelles les électeurs ont choisi François Fillon. — Le Monde, 23.11.2016.
- 148 François Holland capitule. — L'Opinion, 04.12.2016.
- 149 Pourquoi François Hollande n'est pas le candidat naturel de la gauche. — Le Figaro, 14.09.2016.
- 150 Le Monde, 01.12.2016.
- 151 Цит по: Le Figaro, 16.10.2016.
- 152 Le Figaro, 29.05.2016.
- 153 См. подробнее: François Bazin. Rien ne s'est passé comme prévu: les cinq années qui ont fait Macron. — Paris, Robert Laffont. 2017.
- 154 Vincent Martigny. À gauche, la fin de la synthèse social-démocrate. — Le vote disruptif. P. 44–45.

- 155 Подробнее см. Бунин. И. Франция: реформа трудового законодательства и судьба правительства. — Политком, 02.06.2016.
- 156 Le Figaro, 12.05.2016.
- 157 Подробнее см. Бунин И. Французские левые накануне президентских выборов 2017 года: расколы и размежевания. — Политком, 16.06.2016.
- 158 Le Figaro, 04.11.2016.
- 159 Laurent Neumann. Les dessous de la campagne 2017. — P. Calmann-Lévy, 2017. P. 8.
- 160 Jérôme Cahuzac. 4 mois de mensonges et démentis. — Le Monde, 04.02.2013.
- 161 F. Lhomme et G. Dave. Un Président ne devrait pas dire ça... P. Stock, 2016.
- 162 A. André et Karim Rissouli. Conversations privées avec le président. P. Albin Michel, 2016; E. Freyssenet. Ça n'a aucun sens. P. Plon, 2016; C. Amar Jusqu'ici tout va mal. P. Grasset, 2014; F. Fressoz. Le stage est fini. Albin Michel, 2013; B. Bonnefous. Le Pari. Plon, 2016; H. Asquin. L'Élysée selon Hollande. L'Archipel, 2016.
- 163 Le Figaro, 12.10.2016.
- 164 Le Monde, 16.10.2016.
- 165 Tuer César sans être Brutus, la voie très étroite de Manuel Valls. — Le Monde, 23.10.2016.
- 166 2017: un nouveau sondage donne Valls devant Hollande. — Le Figaro, 22.10.2016.
- 167 Le Figaro, 15.10.2016; 18.10.2016; Le Monde, 15.10.2016; L'Opinion, 15.10.2016.
- 168 François Hollande de plus en plus seul dans son palais. — Le Monde, 16.11.2016.
- 169 François Hollande, c'est l'homme qui n'a jamais voulu être président. — Le Figaro, 15.10.2016.
- 170 Carl Meeus. François Hollande, le Président du temps perdu. — Paris. Stock, 2016.
- 171 Conversations privées avec le président. P. Albin Michel, 2016.
- 172 Sondage: 8 Français sur 10 rejettent le bilan de François Hollande. — Le Figaro, 04.12.2016.
- 173 Alain Touraine: « François Hollande laisse la France dans un état de délabrement inouï » — Le Monde, 02.12.2016.
- 174 Цит по: Kévin Boucaud. Victoire. La guerre des gauches. P. Cerf. 2017. P. 17.

- 175 Jacques Julliard. *Les gauches françaises: 1762–2012*. P., Flammarion, 2012.
- 176 IFOP. *Etre de gauche aujourd'hui*, septembre 2016.
- 177 IFOP. *Op.cit.* P. 31.
- 178 IFOP. *L' image du Parti Socialiste auprès des Français*. Vague 15, aout 2016.
- 179 *Le Monde*, 07.06.2016.
- 180 *Assiste-t-on à la fin du Parti socialiste?* — *Le Figaro*, 17.10.2016.
- 181 *Le Monde*, 22.01.2016.
- 182 *L'Express*, 05.06.2016.
- 183 *Le Point*, 10.06.2016.
- 184 *La percée de Mélenchon rebat les cartes à gauche*. — *Le Figaro*, 01.11.2016.
- 185 *Le Monde*, 07.06.2016.
- 186 *Présidentielle: Les militants communistes votent d'une courte tête pour le soutien à Mélenchon*. — *Le Monde*, 07.12.2016.
- 187 Yannick Jadot, candidat inattendu. — *Le Monde*, 09.12.2016; G. Tabard: *Le chant du cygne de l'écologie politique*. — *Le Figaro*, 08.11.2016.
- 188 Цит. по: Alain Duhamel. *Jean-Luc Mélenchon, l'anti-Mitterrand*. — *Libération*, 24.05.2017.
- 189 См. подробнее: Kévin Boucaud. *Op.cit.* P. 11–14.
- 190 *Le Figaro*, 24.05.2016.
- 191 François Bazin. *Op.cit.* P. 394.
- 192 P. Perrineau. *Le phénomène Macron peut-il être durable?* — *Le Figaro, Le Point*, 07.04.2016.
- 193 Luc Ruban. *Existe-t-il un électorat social-libéral?* — *Notes № 12, Vague 2*, mars 2016.
- 194 *Macron est politiquement coincé*. — *Le Parisien*, 23.04.2016.
- 195 Laurent Neumann. *Op.cit.* P. 7.
- 196 *En pré-campagne, Macron s'attaque au thème de l'identité*. — *Le Figaro*, 19.10.2016.
- 197 G. Tabard. *Le choix de la tranquillité pour finir le quinquennat*. — *Le Figaro*, 07.12.2016.
- 198 Цит по: Manuel Valls ou la transgression érigée en arme politique. — *Le Figaro*, 05.12.2016; D'Évry à Matignon, l'ascension de l'ambitieux Manuel Valls. — *Le Figaro*, 06.12.2016.

- 199 Le Figaro, 09.12.2016.
- 200 Le Figaro, 18.06.2016.
- 201 Подробнее см. Игорь Бунин. Праймериз соцпартии во Франции и их последствия. — Политком, 30.01.2017.
- 202 J. Jaffré Pour la gauche, l'enjeu de la primaire est plus modeste que pour la droite. — Le Figaro, 12.12.2016.
- 203 Sondage: ce que les Français savent, et ne savent pas, des primaires. — Le Figaro, 19.10.2016.
- 204 Requiem pour la gauche. — Le Monde, 24.10.2016.
- 205 Les sujets qui divisent les candidats de la primaire à gauche. — Le Monde, 01.12.2016.
- 206 Islamo-gauchiste, le nouveau point Godwin de la campagne politique. — L'Express, 25.01.2017.
- 207 Manuel Valls, une campagne sur la défensive. — Le Monde, 06.01.2017.
- 208 Le Point, 16.12.2016.
- 209 Clone de Hollande, traître. — L'Express, 04.12.2016; La gauche éclatée — Le Figaro, 10.12.2016.
- 210 IPSOS. Enquête électorale française 2017. Vague 10. P. 24–26.
- 211 Revenu universel: Hamon fait l'unanimité contre lui. — Le Figaro, 13.01.2017.
- 212 2017, la crazydétielle! — L'Opinion. 02.02.2017.
- 213 Alen Duhamel. Les pathologies politiques françaises. P. 2016. P. 18.
- 214 Teinturier Bruce. Plus rien à faire, plus rien à foutre. La vraie crise de la démocratie. P., Robert Laffont, 2017. P. 29.
- 215 Laurent Neumann. Op.cit. P. 17.
- 216 Pour une majorité de Français, la démocratie fonctionne de moins en moins bien. — Le Monde, 07.11.2016.
- 217 Teinturier Bruce. Op.cit. P. 153–155.
- 218 Olivier Rey. Le vide de la campagne nourrit le désarroi des Français. — Le Figaro, 18.04.2017.
- 219 Teinturier Bruce. Op.cit.
- 220 Roland Carol. Les raisons de la colère. L'élection de la dernière chance. P. Grasset, 2017.
- 221 Comment le dégauchisme s'impose. — l'Opinion, 14.04.2017.
- 222 Le dégauchisme va-t-il encore frapper? — WWW.pop 2017 fr. Billet.

- 223 Stefanini, l'ex-bras droit de Fillon, livre les secrets de la campagne. — Le Parisien, 26.11.2017.
- 224 P. Stefanini. Déflagration. — Paris, Robert Laffont, 2017.
- 225 François Fillon: comment l'élection imperdable est devenue ingagnable. — Le Figaro, 24.04.2017.
- 226 Sylvain Brouard. À la source des intentions de vote présidentiel: concurrence et monopoles, les différents segments électoraux. La Note de l'Enquête électorale française, 34, vague 12, CEVIPOF, mars 2017. P. 9 <https://www.enef.fr/les-notes/>
- 227 Qui a tué François Fillon? — Le Figaro, 25.01.2018.
- 228 Qui voulait la peau de François Fillon? — Le Point, 29.01.2018; Mensonges et trahisons. Autopsie du meurtre politique de François Fillon. — l'Express, 01.02.2017.
- 229 François Fillon toujours dans la tourmente. — L'Express, 15.02.2017.
- 230 Présidentielle 2017 Pourquoi, Macron peut encore gagner à l'arraché. — Le Point, 12.04.2017.
- 231 Le Monde, 06.03.2017.
- 232 M. Foucault et F. Chanvrlil-Ligneel. Le vote François Fillon, autopsie d'un naufrage. — Le vote disruptif. P. 221.
- 233 Le candidat de l'honnêteté touché à vif. — Le Monde, 28.01.2017.
- 234 Fenech, Georges. Qui imagine le Général De Gaulle mis en examen? First, 2017.
- 235 Christophe Piar. La présidentielle vu par les JT. — Le vote disruptif. P. 84–89.
- 236 Damon Mayaffre. Op.cit. P. 145.
- 237 www.mediapicking.com/news/145-comment-fillon-piege-election-impredeable.
- 238 Подробнее см. Наумова Н.Н. Николая Дюпон-Эньяна и движение «Вставай, Франция!» в 2017 г.: поиски политической идентичности. — Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. Москва: ИМЭМО РАН, 2018. С. 109–120.
- 239 Jérôme Fourquet. L'électorat Dupont-Aignan, souverainiste jusqu'à voter Le Pen, — Le vote disruptif. P. 241–242.
- 240 Les intentions de vote des catholiques à l'élection présidentielle de 2017 après le déclenchement de l'affaire Fillon. — Ifop — «Atlantico», mars 2017.
- 241 M. Foucault et F. Chanvrlil-Ligneel. Le vote François Fillon, autopsie d'un naufrage. — Le vote disruptif. Paris, 2017. P. 221.

- 242 Pierre Bréchon. Un vote socialiste résiduel, siphonné par sa droite et sa gauche. — Le vote disruptif... Paris, 2017. P. 202.
- 243 Bruno Cautrès. Mélenchon, «vainqueur caché» de la présidentielle — Le vote disruptif. — Paris, 2017. P. 175–192.
- 244 Bruno Jeanbar. Mélenchon aura du mal à aller plus haut dans les intentions de vote. — Les Echos, 10.04.2017.
- 245 Выборы во Франции: боты, голография и рука Москвы. Газета.ru, 27.04.2017.
- 246 Comment expliquer la dynamique de Jean-Luc Mélenchon dans la dernière ligne droite de la campagne? — BVA, Communauté en ligne POP, 13 avril 2017.
- 247 Jusqu'où Mélenchon peut-il grimper. — L'Express, 10.04.2017.
- 248 Le casse-tête du vote utile pour les électeurs de gauche. — Le Monde, 15.04.2017.
- 249 Damon Mayaffre. Op.cit. P.133.
- 250 Ibidem. P. 135.
- 251 Mélenchon, le délirant projet du Chavez français. — Le Figaro, 12.04.2017.
- 252 Mélenchon, un projet... 270 milliards d'euros. — Le Figaro, 11.04.2017.
- 253 «Alliance bolivarien»: François Fillon tacle «L'Ubi» Jean-Luc Mélenchon. — Le Point. 17. 04. 2017.
- 254 Alain Duhamel. Jean-Luc Mélenchon, l'anti-Mitterrand. — Libération, 24.05.2017.
- 255 Eric Zemmer. Cette France insoumise qui cherche à relever le drapeau rouge. — Le Figaro, 24.06.2017.
- 256 Le Retour des gauchistes. — Le Figaro, 01.07.2017.
- 257 La France insoumise de Mélenchon serait-il une gauche soumise? — Le Figaro, 10.10.2017.
- 258 Quelles sont les explications historiques du vote Mélenchon? — Le Figaro, 20.09.2017.
- 259 Bruno Cautrès. Op.cit. P. 187–188.
- 260 Pascal Perrineau. Marine Le Pen au premier tour: la puissance d'une dynamique, l'échec d'une ambition.-Le vote disruptif. P. 251–268.
- 261 Rouban L. On est passé...
- 262 Le Front National 2002–2017: du vote de classe au vote de classement.-
<http://www.la.tribune.fr/opinion/tribune>. 27.05.2017.

- 263 Le grand resserrement final. — *Le Point*, 08.04.2017.
- 264 Pascal Perrineau. Marine Le Pen au premier tour: la puissance d'une dynamique, l'échec d'une ambition. — *Le vote disruptif*. P. 251–268.
- 265 Jérôme Jaffré: «Macron était un candidat de centre gauche, c'est un président de centre droit». — *Le Figaro*, 18.12.2017.
- 266 François Hartog: «Emmanuel Macron est un homme du «kairos»». — *Le Monde*, 10.06.2017.
- 267 Sluiterdijk: «Les Français ont choisi Macron pour se renouveler eux-mêmes». — *Le Point*, 09.05.2017.
- 268 Anna Fulda «Macron ou le désir de puissance». — *Le Figaro Magazine*, 16 juin 2017; Anna Fulda. Emmanuel Macron un jeune homme si parfait. P., Plon, 2017.
- 269 Emmanuel Macron. *Revolution*. — Paris, 2017. P. 19.
- 270 Pourquoi le macronisme n'est pas une doctrine, mais une dynamique. — *Le Figaro*, 02.02.2017.
- 271 *l'Express*, 20.09.2017.
- 272 Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг». Технологические уроки выборов президента Франции для России. Май 2017.
- 273 Становая Т. Синтетическая политика, или В чем успех Эммануэля Макрона. — *Политком*, 09.03.2017.
- 274 См. Brice Couturier. *Op.cit.* P. 37–39.
- 275 Emmanuel Macron, le produit de l'année. — *Le Point*, 16.02.2017.
- 276 John Ferejohn et Morris Florina. «The Paradox of not Voting: A Decision Theoretic Analyse», *American Political Science Review*, 68, 1974. P. 535–536.
- 277 Alain Duhamel. La semaine de la cristallisation. — *Libération*, 23.03.2017.
- 278 Le Vote disruptif. Les élections présidentielle et législatives de 2017. — P., Science Po, 2017.
- 279 Там же. С. 208.
- 280 Le slalom droite-gauche d'Emmanuel Macron. — *L'Express*, 19.02.2017.
- 281 Rémi Noyon. Vous aussi, apprenez à parler comme Emmanuel Macron. — *L'Obs*, 18.02.2017.
- 282 Cécile Alduy. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots. P., Seuil, 2017.
- 283 Macron s'est livré à un exercice de communication en marchant. — *Le Monde*, 20.12.2017.

- 284 Damon Mayaffre. Les mots des candidats, de «allons» à «vertu». — Le vote disruptif. P. 141.
- 285 Emmanuel Macron. Révolution, Paris, 2017. P. 43.
- 286 Ibid. P.142.
- 287 Ibid. P.143.
- 288 Présidentielle: surprenants «deuxièmes choix» des électeurs. — Le Point, 14.04.2017.
- 289 Sluterdijk. Op.cit.
- 290 Macron E. Révolution — c'est notre combat pour la France // XO Éditions. — 2016. P. 53.
- 291 РСМД: Франция 2017: противостояние баловней и пасынков глобализации. 02.05.2017.
- 292 Le vote Macron: sociologie d'électorat en cours de cristallisation. — IFOP. Focus, février 2017. № 148.
- 293 Présidentielle: pourquoi l'issue du scrutin est totalement imprévisible. — Le Point, 12.04.2017.
- 294 См. Martial Foucault. Le Clivage gauche-droite n'a pas disparu. — Le Monde, 02.09.2017.
- 295 Martin, P. 2017. Un séisme politique. L'élection présidentielle de 2017. Commentaire 158. P. 252.
- 296 Martin, P. 2017. Un séisme politique. L'élection présidentielle de 2017. Commentaire 158. P. 257.
- 297 Jérôme Fourquet. Géographie et sociologie du vote Macron: un négatif du vote FN, IFOP Focus, 159. P. 6.
- 298 Enquête électorale française 2017. Vague 14, juin 2017, CEVIPOF.
- 299 Enquête électorale française 2017. Vague 14, juin 2017, CEVIPOF.
- 300 Alain Duhamel. L'Europe, nouveau clivage majeur. — Libération, 26.04.2017.
- 301 A Nice, Le Pen éreinte Macron le «pompiier piromane», et tente de s'humaniser. — L'Express, 28.04. 2017.
- 302 И. Бунин, Т. Становая. Победа Макрона и трещина республиканского фронта. — Политком, 08. 05. 2017.
- 303 Macron joue la carte du rassemblement. — Le Figaro, 28.04.2017.
- 304 Все расчеты приведены в Jérôme Jaffré. Un second tour de Présidentielle si différent du duel Chirac-Le Pen de 2002. — Le vote disruptif. P. 270–271.

- 305 La fin du front républicain révèle les fractures françaises. *L'Opinion*, 4 mai 2017.
- 306 Ibid. P. 272.
- 307 Ibid. P. 273.
- 308 Débat de l'entre-deux-tours: retour sur les coulisses du naufrage de Marine Le Pen. *Le Monde*, 07.08.2017.
- 309 Jérôme Jaffré. *Op.cit.* P. 280.
- 310 Ibid.
- 311 Carine Marcé et Jean Chiche. Les législatives, une dynamique présidentielle confortée? Le vote disruptif. P. 297.
- 312 Ibid.
- 313 Quelle est la physionomie de la nouvelle Assemblée nationale. — *Le Figaro*, 04.07.2017.
- 314 Jérôme Sainte-Marie. Une élection sans le peuple. — *Le Figaro*, 17.06.2017.
- 315 Abstention record: les cinq raisons derrière une démobilisation historique. — *L'Express*, 11.06.2017.
- 316 Le rapport de forces et l'état d'esprit des français à 3 jours du premier tour des élections législatives. IPSOS. *Législatives 2017*. P. 8.
- 317 IFOP pour Paris-Match. Le profil des électeurs et les clefs du premier tour des élections législatives. 11 juin 2017. P. 48–50.
- 318 Carine Marcé et Jean Chichi. *Op.cit.* P. 303.
- 319 Ibid. P. 305.
- 320 Fondation Jean-Jaures. Retour sur l'entre-deux tours des élections législatives. 26.07.2017; Jérôme Fourquet (IFOP): C'est sur l'électorat socialiste modéré que L'OPA Macron a fait le plus de dégâts — *L'Opinion*, 26.07.2017.
- 321 Jacques Julliard: «Napoléon, Guizot, Giscard... le césarocentrisme d'Emmanuel Macron. — *Le Figaro*, 04.12.2017.
- 322 Merchet Jean-Dominique. *Macron-Bonaparte*. Stock, 2017.
- 323 Philippe Raynaud. Le prince et la République. — «*Revue des deux mondes*», octobre 2017. P. 45.
- 324 Ibidem. P. 47.
- 325 Ё. Шумпетер. *Теория экономического развития*. М., 1982. С. 182.
- 326 Подробнее см. Annick Steta. Le Macronisme est-il Schumpétérien? — *Revue des deux mondes*. Octobre 2017.

- 327 François Dosse. *Le Philosophe et le Président*. Paris, Stock, 2017; *Macron, un président philosophe*. Paris, éd. De l'observatoire, 2017; Pierre-Olivier Monteil. *Macron par Ricoeur*. Paris, Lemieux éditeur, 2017.
- 328 Olivier Abel. *Les quatre vérités de Paul Ricoeur, le philosophe qui a (un peu) influencé Macron*. — *L'Obs*. 22.07.2017.
- 329 Поль Рикёр. *История и истина*. Пер. с фр. — СПб., 2002.
- 330 Поль Рикёр. *Ук. соч.* С.137.
- 331 Olivier Mongin. *Rencontre de Ricoeur et de Macron*. — *Revue des deux mondes*. Octobre 2017. P. 28.
- Aux sources idéologiques et politiques du macronisme*. — *Le Figaro*, 13.06.2017.
- 333 *L'élection de Macron gonfle le moral des Français*. — *L'opinion*, 28.06.2017.
- 334 *Pourquoi gouverner les Français s'ils sont ingouvernables?* — *Le Point*, 30.08.2017.
- 335 Adam Plowright. *The French Exception: Emmanuel Macron-The Extraordinary Rise and Risk*.
- 336 *Nouveau Renzi, rival de Merkel, clone de Blair: les multiples visages de Macron à l'étranger*. — *Le Monde*, 18.12.2017.
- 337 *L'ambitieux plan d'Emmanuel Macron pour l'Europe*. — *Le Figaro*, 27.09.2017.
- 338 *La grogne monte dans la fonction publique*. — *Le Figaro*, 14.09.2017.
- 339 *Entre Macron et les fonctionnaires, les sujets de discorde s'accroissent déjà*. — *Le Figaro*, 14.09.2017.
- 340 *Grève du 10 octobre: les quatre raisons de colère des fonctionnaires*. — *franceinfo.fr*, 15.09.2017.
- 341 *Ce qui empêche la France de se réformer*. — *Les Echos*. 06.09.2017.
- 342 Jacques-Olivier Martin. *Rendez-vous à Noël*. — *Le Figaro*, 04.09.2017.
- 343 *Les Français partagés sur la suite de la fronde sociale*. — *Le Figaro*, 18.09.2017.
- 344 *APL, PINEL, logement: ce que prépare le gouvernement*. — *Le Figaro*, 05.09.2017.
- 345 *Retraites: la réforme explosive de 2018*. — *Le Figaro*, 08.09.2017.
- 346 *Pourquoi Macron n'a pas peur de s'attaquer aux retraités*. — *Le Figaro*, 12.09.2017.
- 347 *Discipline, dérives islamistes: et si l'école changeait enfin?* — *Le Figaro*, 16.09.2017.

- 348 Jacques Julliard: «L'intellectuel a le devoir de rester un homme seul». — Le Figaro, 04.09.2017.
- 349 Tout ce qui change à la rentrée. — L'Express, 04.09.2017.
- 350 Sélection à l'université: Macron veut en finir avec le tirage au sort. — Le Figaro, 01.09.2017.
- 351 Les quatre erreurs de communication d'Emmanuel Macron (OPINION) — La libre.be/debats. 06.09.2017.
- 352 J. Jaffré. Macron... Op.cit.
- 353 FN: Marine Le Pen, Discrétion ou dépression? — Le Point, 13.12.2017.
- 354 Sondage exclusif: ce que les Français attendent de la droite. — Le Figaro, 02.12.2017.
- 355 Jérôme Fourquet. «Le scénario d'une scission au sien de la droite est possible». — Le Figaro, 12.12.2017.
- 356 La droite en plein cauchemar. — Le Point, 02.12.2017.
- 357 J. Jaffré. Macron... Op.cit.
- 358 Sondage Ifop: un an après la présidentielle, Macron au plus haut. — Paris Match, 18.04.2018.

Библиотека Школы гражданского просвещения

Игорь Бунин

**Выборы Макрона,
или Выбор Франции:
французская политика
в 2017–2018 годах**

Компьютерная верстка В. Козак

Подписано в печать 21.11.2018. Формат издания 60x90/16.
Печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ №.

Школа гражданского просвещения
107031, Москва, ул.Петровка, д. 17, стр. 1.

<http://www.civiceducation.ru>